

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____

класса _____

школы _____

НАТЕ

ДРАМАТУРГИЮ. СЕРИИ _____

18+
содержит
нецензурную брань

№9

литературный журнал

05|24

НАТЁ

драматургию. серии

18+
содержит
нецензурную брань

Главный редактор: Мария Тухто
Редакционная коллегия:
Юлия Афонина
Ирина Бондырева
Ада Насуева
Александра Суслова

Дизайн макета:
Светлана Подаруева
Дизайн портретов: Алина Кольцова
Верстка: Мария Тухто

Иллюстрации:
Елена Антар
Яна Аршинова
Габриель А. Бернадотт
Анна Боронина
Мария Данилова
Анастасия Дорожкина
Лиза Ермакова

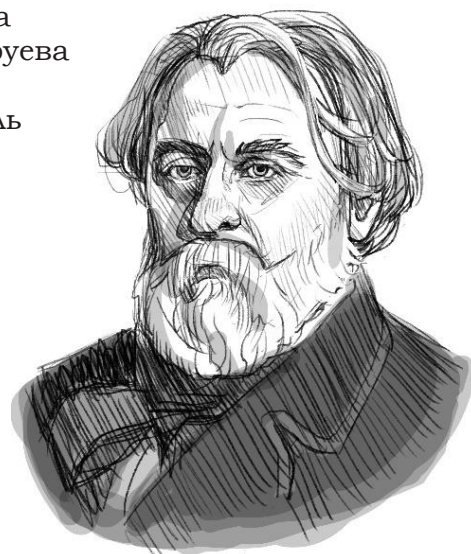
Валерия Жданова
Вика Левотаева
Виктор Лукьянов
Елена Махонина
Светлана Подаруева
Ольга Н. Регхай
Анастасия Эмиль

3

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru
Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru
Сайт: <https://nate-lit.ru/>
Мы в социальных сетях:
https://t.me/NATE_lit
Boosty: <https://boosty.to/glavred>
Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

Рукописи не рецензируются.
Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При и перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Содержание

Пьесы:

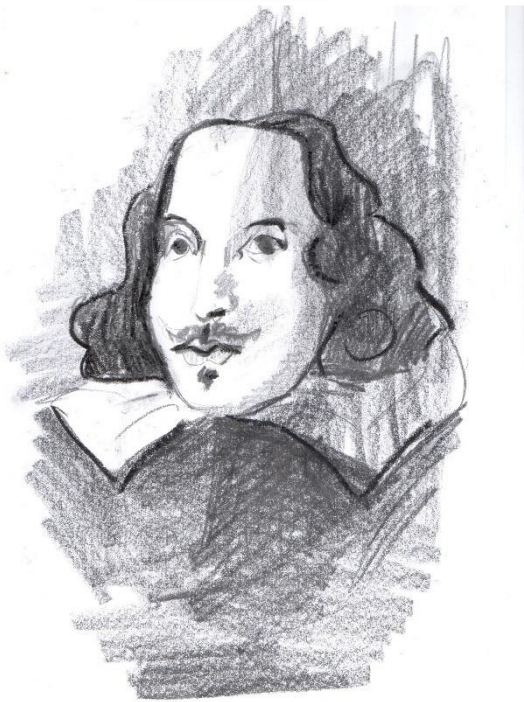
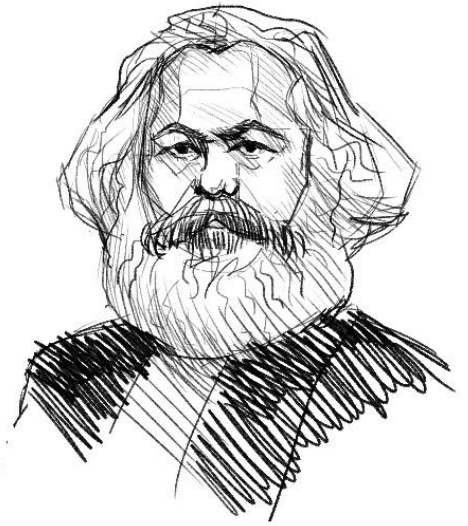
Борис КУЗНЕЦОВ: Сценарная комната	6
Александра СОЛДАТОВА: 3 x 4	36
Арина ИЗМАЙЛОВА: Нежность	60
Катерина АНТОНОВА: Конец февраля	66
Олеся ЛИХАЧЕВА: ПУШ. KILL	81
Виктория МАТРОСОВА: 11 квадратных метров	123

Сери:

Рита ШИЛКИНА: Всадники	131
М.В. МИХАЙЛОВА, В.В. ПРОЗОРОВ: Грани столетий — время прозрений	164
Ф.Н. ИЛЬИН: На грани двух столетий	169
Евгений БАРАНОВСКИЙ: Терпилы	191

ДРАМАТУРГИЯ

№9 (май 2024)

СЦЕНАРНАЯ КОМНАТА

(фрагмент пьесы написан в соавторстве с нейросетью)

Действующие лица:

ДИМА (58 лет) — продюсер
ВАРЯ (45 лет) — ассистентка продюсера
МИША (56 лет) — бывший сценарист
СОНЯ (48 лет) — бывшая сценаристка
НИКИТА (45 лет) — бывший сценарист
ДАНЯ (46 лет) — бывший сценарист
КОРНЕЙ (35 лет) — грузчик
ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК
ГОЛОС АРСЕНИЯ

6

СЦЕНА 1.

2045 год.

Кабинет. В кабинете стол, пара стеллажей. За столом сидит продюсер Дмитрий Новгородцев (Дима), напротив стоит его ассистентка Варя.

ДИМА. Дверь закрыла?

Варя поворачивает голову назад, смотрит на входную дверь с электромагнитным кодовым замком.

ВАРЯ. А как же? На три оборота.

ДИМА. Юмор — не твой конёк, Варенька.

Дима достаёт из-под стола старую пыльную спортивную сумку, ставит её на стол, открывает.

ДИМА. Ты пересчитывала?

ВАРЯ. Да, Дима, всё верно.

Дима отмахивается от перьевого пуха, вылетающего из сумки. Чихает.

ДИМА. Он в матрасе, что ли, деньги хранил?

ВАРЯ. Скорее в подушке.

Дима достаёт из сумки четыре пачки потрепанных купюр, каждая из которых перетянута резинкой, пододвигает их поближе к Варе.

ДИМА. Держи.

ВАРЯ. Что-то как-то маловато.

ДИМА. Скажи спасибо, что хоть что-то. У нас долгов, как у дурака фантиков.

ВАРЯ. Сколько лет говорю тебе, на удалёнку надо переходить и не платить за аренду.

ДИМА. Удалёнка, удалёнка... Варя, у нас серьёзная продюсерская компания.

ВАРЯ. Была лет двадцать назад!

Варя хватая со стола деньги, обходит стол, подходит вплотную к Диме.

ДИМА. *(тряся пачкой купюр)* Наличка! Наличка сейчас в цене.

Варя одаривает презрительным взглядом Диму, затем открывает дверцу тумбочки под столом, там сейф. Варя набирает код, открывает сейф, кладет туда свои деньги.

ВАРЯ. Тебе в своём кабинете не сидится?

ДИМА. Я сдал кабинет.

ВАРЯ. Что значит «сдал»?

ДИМА. Сдал в аренду. Под творческую мастерскую.

ВАРЯ. Не поняла.

ДИМА. Что ты не поняла?! Творческая мастерская. Кружок лепки, роспись по керамике. Гончарный круг у них есть. Говорят, успокаивает.

ВАРЯ. А я, где буду теперь? Это мой кабинет!

ДИМА. На удалёнку пойдёшь, как и хотела.

ВАРЯ. (*передразнивая Диму*) Мы же «серьёзная продюсерская компания!».

ДИМА. Была лет двадцать назад.

Дима встаёт, обнимает Варю одной рукой.

ДИМА. Ты права. Наш труд настолько обесценился... Проще зарабатывать на субаренде. Как ребята отработают, мы и сценарную комнату под салон красоты сдадим.

Варя сбрасывает Димину руку с плеча.

ВАРЯ. Пойду гончарный круг покручу, успокоюсь.

Варя идёт к выходу, Дима достаёт из кармана помятый цветной листок.

ДИМА. Варь, подожди. Возьми флаер на скидку.

ВАРЯ. Флаер? Какие-то старомодные гончары у тебя.

ДИМА. Так и ремесло древнее.

Варя приоткрывает входную дверь, но затем разворачивается, смотрит на стену.

ВАРЯ. А где мой диван?

ДИМА. Попросил грузчиков отнести его в сценарную комнату.

Ребятам работать всю ночь. Кому-то прилечь захочется.

Варя хлопает дверью и идёт по коридору в сценарную комнату.

8

СЦЕНА 2.

Сценарная комната — просторное помещение, в последние десять лет используется как чулан.

Видны тени грузчиков, они выносят из комнаты коробки, автомобильные покрышки, туристические спальные мешки и палатки, лыжи, велосипеды.

У входа в комнату стоит Соня в униформе, в руке у неё небольшой чемоданчик. Варя подходит к Соне, вместе наблюдают за процессом.

ВАРЯ. Соня, какие хорошие ребята. Быстро работают.

СОНЯ. Тот, что повыше, Арсений, в прошлом переводчик. В зелёной футболке Платон — бухгалтер. Тоже бывший.

ВАРЯ. А третий кто?

СОНЯ. Не помню, как зовут. Арсений привёл. У нас робот-погрузчик сломался, понадобилась замена.

ВАРЯ. Симпатичный. Накаченный такой...

СОНЯ. Вижу, твои вкусы не изменились.

ВАРЯ. Изменились возможности.

СОНЯ. Перестань. Ты чудесно выглядишь.

Мимо Вари проходит грузчик Корней атлетического телосложения в обтягивающей футболке. Соня отходит на пару шагов, наблюдает.

КОРНЕЙ. Добрый день.

ВАРЯ. *(расплываясь в улыбке)*. Добрый.

КОРНЕЙ. Корней.

ВАРЯ. *(протягивая руку)* Очень приятно, Варвара.

Корней, обольстительно улыбаясь, нежно пожимает Варю руку.

КОРНЕЙ. И мне очень приятно, Варвара. Жарковато у вас.

ВАРЯ. А вы футболку снимите.

ГОЛОС ГРУЗЧИКА АРСЕНИЯ. Корней, иди вниз, помоги Платону.

КОРНЕЙ. *(подмигивая Варю)* Увидимся.

Варя мечтательно смотрит вслед Корнею. Соня подходит к Варю.

СОНЯ. Ну ты даёшь, «футболку снимите». В некоторых странах за подобные предложения статья предусмотрена. Они вроде всё вынесли.

Соня заходит в помещение, следом за ней Варя. Посреди комнаты большой прямоугольный стол со стульями, доска для рисования с маркерами. По периметру расставлены несколько тумб. На одной из них кофеварка, кулер с водой, чайник, кружки. Чуть поодаль кожаный диван. В комнате одно небольшое окно с видом на город. В одной из стен дверь в уборную. На мебели огромный слой пыли.

СОНЯ. Сколько здесь не убирались?

ВАРЯ. С тех пор, как вас... *(замялась)*.

СОНЯ. Выгнали.

ВАРЯ. Уволили.

СОНЯ. Нет, Варенька, выгнали. Без выходного пособия.

Соня достаёт из чемоданчика специальные моющие средства и тряпки.

ВАРЯ. Сонь, ты все эти годы занималась вот этим?

СОНЯ. *(протирая стол)* Не все. Первые два года я беспробудно пила, если бы не дети...

ВАРЯ. Прости, я не знала.

СОНЯ. «Прости, я не знала». Варя, какой штамп! Так в дешевом кино разговаривают.

ВАРЯ. Сейчас дорогого и не делают. Соня, я сожалею, правда.

СОНЯ. Ничего, справилась. Восемь лет как в завязке. *(после паузы)* Пару лет жили на Бали, пока у мужа работа была. А потом и у него карьера закончилась. Дизайнеры тоже стали никому не нужны.

ВАРЯ. И что муж?

СОНЯ. Муж впал в глубочайшую депрессию... *(после паузы)* У меня теперь новые отношения.

ВАРЯ. А дети?

СОНЯ. Дети выросли.

На пороге появляется Дима.

ДИМА. *(бодро)* Сонька, привет!

СОНЯ. *(холодно)* Здравствуйте, Дмитрий Олегович.

ДИМА. Прекрасно выглядишь.

СОНЯ. А ты постарел. И стоптался.

ДИМА. Злая такая. *(Варе тихо)* где остальные?

ВАРЯ. *(тихо)* Скоро придут.

СОНЯ. О чём вы там шепчетесь?

ДИМА. О том, что эта серая тряпочка прекрасно гармонирует с цветом твоих глаз.

Соня швыряет тряпку в Диму, он прикрывается входной дверью, тряпка попадает в дверь. Варя смеётся.

За дверью слышны голоса. В комнату заходят Даня и Никита.

ВАРЯ. *(радостно)* Данька! Никита!

Варя подбегает к вновь прибывшим, крепко их обнимает. Соня тоже обнимается с Даней и Никитой, но более сдержанно.

ДИМА. А где Мишка?

ДАНЯ. Одышка напала на Мишку. Карабкается потихоньку.

Из коридора доносится громкий кашель.

ДИМА. Миш, ты живой?!

МИША. *(из коридора)* Всё нормально, иду!

ДИМА. *(поднимая с пола тряпку)* Сонь, перестань разбрасываться инструментом.

Соня с презрительным взглядом забирает тряпку у Димы.

С глубоким кашлем в комнату заходит Миша с сумкой для ноутбука наперевес.

МИША. Всем привет.

Дима здоровается с Мишей за руку, похлопывая его по спине. Соня и Варя подходят к Мише, они обнимаются, кашель отступает.

ДИМА. Все в сборе, я вижу. Вот, ваша родная комнатка. Кофеварка, чайник — всё на месте. Сонины коллеги принесли свежую водичку, диванчик из Вариного, то есть теперь уже из моего кабинета.

НИКИТА. Варин кабинет теперь твой? А с твоим что?

ВАРЯ. *(с издёвкой)* Там теперь гончарная мастерская. А здесь парикмахерская будет у нас.

Все в недоумении смотрят на Диму с Варей.

ДИМА. Потом объясню.

МИША. Не нужно ничего объяснять.

Соня складывает моющие средства и тряпки в чемоданчик, уходит в уборную. Даня, Никита, Миша располагаются за столом. Варя готовит всем чай.

ДИМА. Закончили с экспозицией. Переходим к завязке. Соня, поскорее выжимай свои тряпки, мы тебя ждём! Унитаз мыть не надо! Им не пользовались много лет.

Даня смеётся, Никита сдержанно улыбается, Варя снисходительно смотрит на Диму.

МИША. Дима, не перегибай.

ДИМА. Она понимает мой юмор.

Из туалетной комнаты, переодевшись, с красивой причёской и с чувством собственного достоинства выходит Соня.

ДИМА. *(с уважением)* Отлично выглядишь.

СОНЯ. *(усаживаясь за стол)* Спасибо.

Варя наливает всем чай.

ДИМА. Итак, у меня в кабинете лежит спортивная сумка, набитая под завязку наличкой.

ДАНЯ. Прямо, как в старом кино про бандитов.

ДИМА. О старом кино как раз сейчас и поговорим.

В комнату вбегает Корней.

КОРНЕЙ. Мы там всё погрузили. Меня отправили за оплатой.

ВАРЯ. Конечно-конечно, Корней. *(игриво)* Пойдёмте в мой кабинет.

Варя и Корней уходят из комнаты. Их голоса доносятся из коридора.

ВАРЯ. Корней, у вас мускулы настоящие или импланты?

КОРНЕЙ. А вы потрогайте.

ДИМА. Интересные имена у этой молодёжи. Корней. Это же, получается, имя в родительном падеже.

Даня смеётся, Никита сдержанно улыбается.

МИША. Дима, ты, наконец-то, выскажешься или нам сидеть здесь до глубокой ночи?

ДИМА. После того, как я введу вас в курс дела, боюсь, сидеть вам здесь до самого утра.

ДАНЯ. Заинтриговал.

ДИМА. Итак, сумку принёс дрон-курьер от заказчика, который пожелал остаться неизвестным. Мы с ним вели переписку. Его интересует сценарий.

СОНЯ. А мы здесь при чём?

ДИМА. При том, что вы сценаристы.

СОНЯ. Были когда-то.

НИКИТА. Я и сейчас пишу.

ДАНЯ. Что ты пишешь? Фанфики на тексты, которые написала нейросеть?

НИКИТА. А почему бы и нет? Многим интересно читать, что написано живым человеком.

ДИМА. Вот и нашему заказчику нужен сценарий, написанный живыми людьми, то есть вами.

МИША. Зачем ему это?

ДИМА. Не знаю, принципиальная позиция.

ДАНЯ. Снимать проект будут?

ДИМА. Понятия не имею. Человек... или не человек. Нет, всё-таки, наверное, человек, я надеюсь, платит нам деньги, а мы выполняем работу.

СОНЯ. Что пишем?

ДИМА. Жанр, тема на ваше усмотрение. Даже хронометраж не обозначен. Главное условие, чтобы это было написано человеком, то есть с душой. Финальной версии за ночь от вас, конечно, никто не требует, но первый сырой вариант нужно набросать к десяти утра.

ДАНЯ. Так, загрузил бы идею в нейронку и вперёд. Ты же, как нас уволил, только этим и занимаешься.

СОНЯ. И судя по качеству твоих сериалов, версию джи-пи-ти ты не разу не обновлял.

ДИМА. Ой, Сонечка, как остроумно. Это дневные сериалы. Их спиной смотрят домохозяйки, когда рубят салаты. Сценарий должен быть написан людьми и никак иначе. Во избежание жульничества с нашей стороны, заказчик пожелал наблюдать за вашей работой.

ДАНЯ. А ху-ху не хо-хо?

НИКИТА. Интересное выражение.

Дима достаёт из кармана смартфон, тычет экраном Дани в лицо.

ДИМА. Сумма вашего гонорара. Каждому.

ДАНЯ. Да знаю я, ты присылал.

ДИМА. Вот и не хукай. Или в баню иди.

МИША. Данька, ты же сейчас банщиком работаешь?

ДАНЯ. *(гордо)* Я мастер парения в Митрошинских банях. Неделю назад высшую категорию получил. Приходи, кашель твой подлечим.

СОНЯ. Мы не успеем написать за ночь. Столько лет не работали.

НИКИТА. Согласен. Нужно нейросеть подключить.

ДИМА. Мозги лучше включите и сделайте. К десяти утра должна быть написана интересная, душещипательная история.

СОНЯ. Сумка с деньгами, таинственный заказчик, успеть до рассвета... *(оглядывая стены, Диме)* Ты реалити-шоу решил устроить? Четыре бывших сценариста, изнемогая от бедности, соглашаются за большие деньги написать сценарий. Посмотрим, что из этого выйдет.

ДИМА. Сонька, отличный логлайн! Крутейшая концепция. Можно попробовать запустить такое реалити.

СОНЯ. Где камеры? Кто наблюдает за нами?

ДИМА. Да я сам не знаю, как он наблюдать за вами собрался. Станный тип. Нет в этой комнате камер и никогда не было!

МИША. Уверен, это не более, чем выдумка со стороны заказчика, чтобы подчеркнуть свою загадочность.

НИКИТА. И чтобы дисциплинировать нерадивых сценаристов.

МИША. Именно так, Никита. Помните наши последние начатые проекты? У меня остались наработки.

Миша достаёт из сумки старенький ноутбук. Открывает его.

НИКИТА. Помню, была антиутопия, что-то про любовь, пара детективов...

ДАНЯ. Хоррор про беспилотное такси.

НИКИТА. Это был бы хит, сто процентов.

СОНЯ. Но кое-кто решил, что про искусственный интеллект должен писать искусственный интеллект и лишил нас дела всей жизни, выгнав на улицу.

ДИМА. Не демонизируй меня. Жизнь диктует свои правила. Индустрия сделала выбор, а я часть этой индустрии.

СОНЯ. А мы нет?!

МИША. Так, тихо! *(глядя в экран)* Выберем что-нибудь из стареньких заготовок, немного подпилим, зашлифуем, отполируем и получим конкурентоспособный товар.

ДИМА. *(прикладывая к уху смартфон)* Не забудь лаком покрыть. *(в трубку)* Посмотри там в шкафу ноутбуки какие-нибудь. Три штуки. *(после паузы)* Ничего страшного, Сонька протрёт.

Соня прожигает взглядом Диму.

ДИМА. Варя принесёт вам компьютеры. Я буду рядом.

Дима указывает на вентиляционную решётку под потолком.

ДИМА. Можете меня вызвать по громкой связи. Там микрофон и динамик. Мишка за старшего.

Дима уходит из комнаты.

СЦЕНА 3.

Миша всматривается в экран ноутбука.

МИША. Что у нас было? Вот, пророческий проект. Недалёкое будущее. Люди, оставшись без работы из-за развития искусственного интеллекта, борются за выживание.

СОНЯ. Не угадали. Никто ни за что не борется.

МИША. Хорошо, отмечаем. Лиза и Андрей много лет счастливы в браке, их спокойную семейную идиллию нарушает новый сотрудник в компании Лизы.

ДАНЯ. Такое дерьмо нейронка сотнями выдает ежедневно. Смысл нам это расписывать?

НИКИТА. Чтобы мы сегодня не сочинили, нейросеть в любом случае сделает лучше.

ДАНЯ. *(раздражённо)* Предлагаешь разойтись по домам?

НИКИТА. Нет, но...

ДАНЯ. *(перебивая)* Мне нужны эти деньги. До утра, значит до утра будем сидеть разгонять.

СОНЯ. Все мы здесь ради денег, Даня.

МИША. Поехали дальше. Хоррор про беспилотное такси... Этот проект у нас забрали... О! Помните «Код подтверждения»? Полный метр про телефонных мошенников. По-моему, Даня эту идею принёс.

ДАНЯ. Да, моих родителей тогда развели на полмиллиона...

МИША. А вот ещё, восьмисерийник «Инфоцыган». Молодой инфокоуч Альберт, обвиняемый в мошенничестве, скрывается в лесу от полиции. Падает в овраг. Его спасает, проезжающий мимо цыганский табор. Оказывается, Альберт попал в прошлое на двести лет назад. Путешествует с табором, влюбляется в молодую цыганку...

НИКИТА. Этот проект «Бимоль медиа» нам заказывали. Жаль, не срослось.

ДАНЯ. Миха, ну кому это надо сейчас? Всё, что ты перечислил - совершенно не актуально. Только время теряем.

Миша сильно закашливается. Соня набирает воду из кулера.

ДАНЯ. Что там по детективным историям? Была такая папка, я помню.

МИША. Там... *(закашливается)*

ДАНЯ. *(раздражённо)* Что «там»?

Соня подаёт Мише стакан воды.

СОНЯ. *(Дане)* Дай прокашляться человеку. Достал уже, веник берёзовый.

ДАНЯ. На себя посмотри, подметалка.

МИША. Нет там ни логлайнов, ни синопсисов. В папке «Детектив» фотки с нашего последнего корпоратива.

НИКИТА. В верёвочном парке?

СОНЯ. Не, верёвочный парк — не последний. Последний был на байдарках.

ДАНЯ. Два дня было. Первый - на байдарках по каналам, а на второй у Димы в особняке отмечали.

НИКИТА. Странно, что ты это помнишь. Ты же лыка не вязал, ногами вензеля выписывал.

ДАНЯ. Да, Дядь Даня умел отдыхать. Не то, что некоторые очкарики.

НИКИТА. Я операцию сделал лет пятнадцать назад.

ДАНЯ. Но в душе всё тот же очкарик.

Голос Димы из-под потолка.

ДИМА. Так, язычки прикусили, фуфолологи! Устроили срач, как в домовом чате. А если заказчик сейчас действительно наблюдает каким-то образом?!

СОНЯ. *(с издёвкой)* Ну, конечно! В бинокль смотрит через окно.

ДИМА. Эта колкость была бы острой в годы твоей безвозвратно ушедшей молодости. А сейчас за окном курьеры летают. Следи — не хочу. Вдохновится заказчик вашей профнепригодностью и прибежит забирать деньги обратно.

МИША. Прекрасно, вот и узнаем, что за чудак.

ДАНЯ. На букву мэ.

НИКИТА. Нет такой буквы.

ДАНЯ. Зато есть сорокапятилетний мудака, который пишет фанфики за донатки.

НИКИТА. Даже не знаю, что лучше, писать фанфики за донатки или потеть над голожопыми мужиками?

Соня смеётся.

ДАНЯ. *(Никите)* Тебе зубы не жмут?!

СОНЯ. Никита, он просто завидует, что ты остался в профессии.

ДАНЯ. В профессии, ага.

МИША. Мы детектив будем разрабатывать или нет?

НИКИТА. Не знаю, детективная схема стандартная. У нейронки получается лучше, чем у Агаты Кристи.

МИША. Никита, в любом жанре есть схема, есть законы драматургии.

15 Наша задача — подойти к тексту творчески, сделать его с душой, чтобы это считывал зритель. Придумать нестандартный сюжетный поворот. Все уже наелись этими схемами, рамками, плоскими диалогами. Появляется запрос на человеческий фактор. *(в пространство)* Я правильно говорю?

ДИМА. Правильно-правильно. Особенно правильно, когда за этот «человеческий фактор» платят хорошие деньги.

СОНЯ. Тебе четырёх квартир мало?

ДИМА. Две уже продал, радуйся, язва!

МИША. Соня, Диме тоже сейчас не легко. Студия медленно угасает у него на глазах.

Выключается свет.

ДАНЯ. Твоя правда.

ДИМА. Я же платил за свет в этом месяце.

Никита подходит к окну, видит, что в городе нет освещения.

НИКИТА. Плановые отключения по всему городу — меняют старое оборудование электрических сетей на устройства беспроводной передачи энергии.

ДИМА. Хорошо, если так, всезнайка. Сонька, покопайся в тумбочках, там могут быть свечи.

Соня направляется к тумбочке.

МИША. Ноутбуку моему десять лет, аккумулятор уже не держит.

СОНЯ. *(шаря в тумбочке)* Ровесник нашего увольнения.

МИША. Именно. Приобрел его на выходное пособие, думал, пригодится для новой работы... Наивный.

СОНЯ. *(Мише)* Тебе выплатили выходное пособие?

МИША. Да, как положено.

НИКИТА. А я виниловый проигрыватель на эти деньги купил. Прекрасно работает по сей день. Люблю вечером поставить пластиночку, плеснуть бурбона в стаканчик, выключить свет...

СОНЯ. *(перебивая)* Даня, и тебе выплатили?!

ДАНЯ. Как и всем. А, чем я хуже?

МИША. *(тихо)* Видимо не всем.

СОНЯ. *(в сторону вентиляционной решётки)* А, чем я хуже, сволочь?!
Соня нервно шарит в тумбочке.

ДИМА. *(после паузы)* Где там Варя с ноутбуками?

СОНЯ. Урод.

Соня находит свечу со спичками, ставит свечку на стол, зажигает.

НИКИТА. Дима, электричества нет. Каким образом у тебя работает микрофон? На батарейках?

ДИМА. Так, нет никакого микрофона. *(смеётся)* Эта система давным-давно крякнула — мыши провода перегрызли. Я с вами через вентиляционную решётку общаюсь, поэтому звук такой... акустический.

Дима смеётся, затем успокаивается, собирается с мыслями.

ДИМА. Ладно. Есть идея на миллион долларов.

ДАНЯ. Доллар уже не тот.

ДИМА. Хорошо, на миллион юаней.

МИША. Не томи.

ДИМА. Итак, четыре бывших сценариста, изнемогая от бедности, соглашаются за большие деньги написать сценарий.

СОНЯ. Это мой логлайн.

ДИМА. Слушай дальше. Они собираются на киностудии и по очереди исчезают при загадочных обстоятельствах.

Соня крутит пальцем у виска. Из коридора доносится протяжный крик Вари.

ВАРЯ. Ааа! Деньги!

Соня, Никита вскакивают со своих мест. В комнату вбегает Варя с фонариком.

ВАРЯ. Д-деньги! Деньги украли!

Варя ревёт. Соня подходит к Варе, обнимает её.

ДАНЯ. Наши деньги?

ВАРЯ. *(всхлипывая)* И ваши и мои из сейфа. Даже ноутбуки.

ДИМА. Как?! Кто?!

ВАРЯ. Наверное, Корней.

ДИМА. Этот Вин Дизель с самого начала вызывал у меня подозрения.

ВАРЯ. Он был весь такой обходительный. Налила нам по коньячку...

Варя вытирает платочком глаза.

ВАРЯ. Налила нам по коньячку...

Варя ревёт.

ДИМА. Налила нам по коньячку...

ВАРЯ. Потом очнулась на полу... Голова раскальвается.

ДИМА. Ты внимательно посмотрела? Точно денег нигде нет?!

ВАРЯ. Иди сам проверь.

ДИМА. Пойду проверю. Заодно камеры видеонаблюдения просмотрю.

СОНЯ. *(берёт Варю под руку)* Пойдем на диванчик.

Соня укладывает Варю на диван, Никита наливает стакан воды, подаёт его Варю. Включается свет.

СОНЯ. Ну хоть свет дали.

Миша сидит и печально смотрит в пространство. Дима появляется на пороге.

ДАНЯ. Быстро ты камеры посмотрел.

ДИМА. Камеры древние, без электричества не работают. *(Никите)* Ты говоришь, отключения плановые?

НИКИТА. Да, в интернете есть расписание на неделю.

ДИМА. Ну вот, этот клофелинщик дождался, когда отключат электричество по расписанию, схватил сумку, отжал замок в кабинете и...

ДАНЯ. *(перебивая)* Как ты его назвал?

ДИМА. Не важно. Ты таких слов не знаешь.

НИКИТА. *(Дане)* Что-то из прошлого века.

СОНЯ. *(Диме)* Полицию вызвал?

ДИМА. Хлорки обнюхалась? Такое количество налички нельзя на руках иметь, подсудное дело!

ДАНЯ. С каких это пор?

ДИМА. С недавних. Законы нужно читать. *(Соне)* Откуда взялся этот, бл... Бармалей?

СОНЯ. Корней. Не знаю, он новенький. Его Арсений привёл на замену погрузчику.

Дима нервно ходит по комнате.

ДИМА. Блин, хотел заработать. Рассчитаться с долгами. Тридцать лет труда псу под хвост! *(Соне)* К тебе в бригаду пойду вместо Корнея, он теперь вряд ли к вам вернётся... Звони своему Арсению.

Соня в растерянности.

ДИМА. Давай, давай, звони!

Соня достаёт из кармана наушник, вставляет в ухо.

СОНЯ. *(голосовому помощнику)* Звонок Арсению.

Соня отходит в дальний угол комнаты, трогает наушник.

СОНЯ. Вне зоны доступа.

ДИМА. Всё ясно, ребята работают вместе. Может и ты с ними в банде?!

СОНЯ. Совсем мозги потекли, неврастеник?

ДИМА. А чего? Рабочая схема — тусуетесь на объекте, смотрите, где, что плохо лежит...

МИША. *(вставая со стула)* Дима, прекрати! Здесь все свои. Мы - одна команда. вспомните, сколько было успешных проектов, сколько тонн кофе мы здесь выпили с вами.

НИКИТА. И не только кофе.

МИША. Именно, Никита, именно! Мы же были дружной крепкой семьей. *(указывая на Диму и Соню)* Теперь эти двое только и делают, что собачатся. *(указывая на Никиту и Даню)* Вы тоже хороши, цепляете друг друга, будто вам по пятнадцать. Озлобились, понимаю. Наши умения больше никому не нужны. Везде этот искусственный интеллект, мать его... Но вы же ещё достаточно молоды, чтобы снова обрести своё счастье.

Миша закашливается.

ВАРЯ. Счастье обрести никогда не поздно.

ДАНЯ. Миха, ты всё правильно говоришь про семью, про команду, но это давно уже в прошлом. Мы изменились, мир изменился.... Деньги украли. Расходимся.

Миша подходит к кулеру, достаёт из кармана несколько таблеток, запивает их водой.

ДИМА. В смысле, расходимся? Что я заказчику рассказывать должен? Извините, но пока мы сочиняли историю, мою легкомысленную ассистентку опоил какой-то грузчик-альфач и стёрил все ваши деньги.

ВАРЯ. Я лишь хотела испытать чувства!

ДИМА. А испытываешь нужду.

ДАНЯ. Дима, давай откровенно. Я пришёл сюда из-за денег. Денег больше нет, соответственно, и мне здесь делать нечего.

НИКИТА. Дим, ну правда, мы не твои подчиненные. Ты предложил сдельную работу на определенных условиях. Условия, к сожалению, кардинально изменились.

Дима достаёт из кармана смартфон.

ДИМА. Ладно. Есть у меня один серьёзный знакомый по такого рода делам. *(Соне)* Его ребята быстро твоего Корнейку найдут и кадык ему с корнем вырвут.

СОНЯ. Что за знакомый?

ДИМА. Тебе какая разница?

СОНЯ. Нет у тебя никакого знакомого. Ты нас за нос вздумал водить, лишь бы мы здесь остались.

ДИМА. Как же, нет. А Гонобоблева Михал Борисыча не помните?

МИША. Я помню, только его застрелили ещё в десятиые.

ДИМА. А вот его внук, тоже Михал Борисыч, достойно продолжает дело своего деда.

Дима подходит к дивану, аккуратно отодвигает ноги Вари и садится на диван.

ДИМА. Правда, работает он строго по предоплате, а денег нет. Но это пока нет... Корнейка вернёт всё украденное с процентами, поверьте моему слову.

СОНЯ. Охотно верим.

Все с грустью в глазах переглядываются, смотрят на стены.

ДАНЯ. Рад был всех вас увидеть. Мужики, приходите в баню ко мне, пропарю от души. В бане парок и ладит, и гладит.

НИКИТА. *(с усмешкой)* Не ожидал от тебя таких прибауток.

ДАНЯ. Так Николай Петрович говорил — мой наставник, земля ему пухом... Инфаркт, прямо на рабочем месте.

НИКИТА. Я думал, баня положительно влияет на организм, укрепляет сосуды.

ДАНЯ. А ты на старости лет в три смены поработай. Знаешь, какой у нас поток посетителей? Единственное место, куда искусственный интеллект не добрался. От технофобов отбоя нет. А Петрович был хранителем традиций, все к нему хотели попасть.

(Соне и Варе с улыбкой) Девчонки, вы тоже приходите. У нас и женское отделение есть. Шунгитовые лежаки, парение на можжевелевом матрасе, гидромассажные ванны с хромотерапией. Купюры до сих пор принимаем. Так что, если наличкой, скидочку сделаю. В бане помыться — как заново родиться.

ВАРЯ. *(зевая)* Сто лет в бане не была.

ДАНЯ. Приходи. Митрошинские бани, ну вы знаете, в центре.

СОНЯ. Ну и я тогда пойду...

ДАНЯ. И ты приходи.

СОНЯ. Не, не в баню. Домой пойду. Всем пока!

ВАРЯ. Пока.

Даня не спеша выходит за дверь, следом Соня. Дима погружённый в свои мысли, осматривает комнату.

ДИМА. Может нам баню здесь открыть?

Никита набирается духу попрощаться.

НИКИТА. Ребят...

МИША. *(перебивая)* Даня, Соня! Стойте!

Даня и Соня останавливаются в коридоре.

МИША. Вернитесь, я вас прошу.

Даня и Соня заходят обратно в комнату. Миша окидывает всех многозначительным взглядом, выдерживает паузу. Дима всё также в своих мыслях.

МИША. Это были мои деньги.

ДИМА. Щас, твои. Разбежался! *(проводя большим пальцем по шее)* У меня долгов...

СОНЯ. Как это твои?!

МИША. Перед вами тот самый таинственный заказчик.

НИКИТА. *(присаживаясь на стул)* Вот это сюжетный поворот.

ДАНЯ. Ага, и сидеть выдумывать ничего не надо.

Варя резко встаёт с дивана, идёт к кулеру, пьёт воду.

СОНЯ. Миша, что всё это значит?

ДАНЯ. *(присаживаясь на стул)* Давай по порядку.

МИША. Эти деньги — мои накопления. Большая часть досталась в наследство от бабушки с дедом. Люди старой закалки, хранили сбережения буквально в подушке.

ДИМА. То-то я думаю, откуда перья в сумке?

ВАРЯ. *(Диме)* А я тебе сразу про подушку сказала.

ДИМА. Варь, вот, ей-богу, в твоём положении тебе бы заткнуться сейчас и молча налить всем чайку.

Варя с недовольным лицом выполняет поручение Димы.

ДИМА. Да, Миш, внимательно.

МИША. Кое-что я сам накопил в тучные годы, машину продал несколько лет назад.

НИКИТА. Тот самый китайский «Москвич»?

МИША. Тот самый.

НИКИТА. Жалко. Помнишь, мы его новенького из салона забрали и сразу на природу поехали? Дорогу размыло, машина гружёная... Застрали в лесу.... Давай толкать её... По шею в грязи.... Плюхнулись в озеро прямо в одежде, а температура градусов десять.

ДАНЯ. Ага, если бы не Сонькина хреновуха, слегли бы там с воспалением легких.

НИКИТА. *(Соне)* А твой муж, какой номер исполнил? *(сквозь смех)* Выползает из палатки...

ДАНЯ. *(изображая пьяного и сонного мужа)* Где здесь включается свет? Мне срочно нужно в туалет! Где выключатель?

Даня и Никита в голос смеются, Миша, Дима улыбаются.

СОНЯ. Конечно! Вы его напоили! Он худенький был у меня, много не надо.

Соня тоже начинает смеяться, за ней Миша. Варя несёт чашки, руки трясутся от смеха.

ВАРЯ. Хватит ржать, сейчас чай разолью.

Миша немного закашливается, смех затихает.

ДИМА. Стареее вы.

СОНЯ. На себя посмотри.

ДИМА. Стареешь — не когда забываешь, а когда вспоминаешь.

СОНЯ. Тебя просто тогда с нами не было, вот и бурчишь.

ДИМА. Ладно. Миша, деньги твои, это мы поняли... Но всё остальное в этой истории для меня остаётся загадкой.

МИША. Как бы это сказать... Понимаете, десять лет назад моя жизнь разделилась на «до» и «после». Все эти годы я также, как и вы работал не по призванию. Занимался чем угодно, лишь бы платили. Ремонты делал в квартирах, но оказывается, у меня руки из жопы растут. Это заметила хозяйка на первом же объекте и поспешила поскорее мне сообщить об этой анатомической особенности. Пришлось искать другую работу.

ДИМА. У меня такая же особенность. Батя ещё в детстве заметил и всю жизнь регулярно напоминал.

НИКИТА. По статистике, такая анатомическая аномалия у девяносто пяти процентов выпускников гуманитарных факультетов.

ДИМА. Извини, Миш, мы тебя перебили.

МИША. Отучился на программиста. Когда обучение закончилось, оказалось, что такие деды-стажёры, как я, уже никому не нужны. Искусственный интеллект заместил позиции начального уровня. По знакомству устроился столяром на производство. На тот момент роботов в отрасли было мало. В теории я краснодеревщик, но на практике...

ДИМА. Понятно, опять руки подвели.

МИША. Потом в сантехники пошёл, а там конкуренция... Каждый второй - кандидат технических наук. Меня к одному профессору в подмастерья приставили. А он душный такой, каждую смену экзамены мне устраивал. Как-то заявляет: «Саньч, я конечно всё понимаю, но я задолбался тебе объяснять принцип работы обратного клапана». Меня тоже это порядком достало, я психанул и сказал, что класть я хотел на принципы работы обратного клапана, запорной арматуры и прочих дроссельных заслонок. Мне, главное, знать, куда, что вкрутить и ехало-болело. Профессору такой подход не понравился. Закончилось тем, что он взял своего бывшего студента в помощники вместо меня.

ДИМА. Получается, в этот раз, наоборот, с теорией не задалось.

ДАНЯ. Миха, а ты к нам приходи, у нас как раз вчера парень уволился по естественным причинам. Замолвлю за тебя словечко, двухнедельная стажировка с наставником и вперёд.

НИКИТА. Миша, не ходи. Мрут у них все в этой бане, как мухи.

МИША. Спасибо за предложение, Даня.

ДАНЯ. Только не тяни, желающих много.

МИША. В общем, нигде не пошло...Развёлся с женой....

СОНЯ. А дети есть у тебя?

МИША. Детей так и не случилось. *(после паузы)* Некоторое время назад появилось чувство сдавленности в груди, кашель стал донимать постоянно. Ну я мобильную лабораторию вызвал. Робот приехал, взял все анализы и сказал, что рекомендуется сделать тест.

Миша закашливается.

ВАРЯ. *(испуганно)* Какой тест, Миша?

МИША. Тот самый... Тест на дожитие. Короче, по результатам теста мне осталось жить несколько дней.

Все в оцепенении.

ВАРЯ. Миша, тест может ошибаться. Я знаю такие случаи. У моей тётки так было три года назад. Ничего, до сих пор жива-здоровая. Ходит, правда, под себя, родных не узнаёт, но жива.

МИША. Технологии не стоят на месте, Варенька. Сегодня система практически не ошибается.

НИКИТА. Вероятность ошибки около двух процентов. Не так давно я писал на эту тему статью.

МИША. Врачи дали надежду, сказали: «Поборемся, Михаил, не отчаивайтесь». Назначили процедуры, выписали таблетки.

Варя бросается обнимать Мишу.

ВАРЯ. Миша!

Соня тихонько плачет, вытирает слёзы ладонью. Даня подходит к кулеру попить воды. Дима задумчив.

НИКИТА. Ты решил нас собрать здесь, чтобы мы написали сценарий до твоей смерти и заплатить нам за это деньги инкогнито. Но зачем?

МИША. Близких родственников у меня не осталось...

ДАНЯ. Но зачем такая сложная схема?

МИША. Вы бы просто так деньги не взяли.

ДАНЯ. Ну, как сказать...

ДИМА. Да, времена сейчас трудные...

Соня и Никита одобрительно кивают.

ВАРЯ. *(с комсомольским задором)* Народ, вы в своём уме?! Человечность атрофировалась напрочь?! Перед вами Мишка стоит! Наш лидер, светлая голова! Душа компании! Друг наш, в конце концов!

ДИМА. Варь, ты случайно в комсомоле не состояла?

ВАРЯ. Я двухтысячного года рождения. Не успела, ни в старый, ни в новый.

МИША. Варюш, не переживай так, не надо.

Варя машет на всех рукой и ложится на диван.

МИША. Я и сам не хотел просто так вам давать эти деньги. Как уже было сказано, моя жизнь разделилась на «до» и «после». Но я уверен, что и ваши жизни разделились таким же образом.

СОНЯ. *(глядя на Диму)* Не у всех.

МИША. У всех, пойми уже это. Всё, чего я сегодня хочу, так это оказаться напоследок в той атмосфере, где мы общались, спорили и создавали, где я был по-настоящему счастлив. Да, деньги украли, но моё желание написать сценарий не пропало. *(после паузы)* Но оно точно угаснет, если вы меня окончательно убедите, что я один.

Всё крепко задумываются. Соня стремительно уходит в уборную. Даня пьёт воду из кулера, Дима смотрит в потолок, по сторонам. Никита опускает голову, затем смотрит на Мишу.

НИКИТА. Ты не один.

МИША. Спасибо, Никита.

НИКИТА. Миш, я с тобой. Напишем что-нибудь. Должно получиться. Даня допивает воду, подходит в Мише.

ДАНЯ. Хрен с ними, с деньгами. Место на работе освободилось, возьму ещё одну ставку. В две смены буду фигачить и нормально. Даня, Никита «дают краба» Мише. Миша закашливается.

ДИМА. Значит так, если что-нибудь путное родите, отправлю Барышевскому почитать. Сценарий, написанный людьми — это как ручная работа в ювелирке или как ретро автомобиль.

НИКИТА. Как виниловая пластинка.

ДИМА. Вот, значит будем продавать как продукт для истинных ценителей кинематографа. Тёплое ламповое кино, созданное живыми людьми.

ДАНЯ. Думаешь, Барышевский оценит этот концепт?

ДИМА. *(с интонацией соблазнителя)* Я с его заместительницей с недавних пор в довольно близких доверительных отношениях. *(глядя по сторонам)* Что, никто не съязвил? А, где язва?

ВАРЯ. Пошла освежиться.

СЦЕНА 4.

Соня стоит в уборной, смотрит в зеркало, вытирает слёзы. Достает смартфон, судорожно двумя руками набирает сообщение.

СОНЯ. «Медвежонок, произошла ошибка, всё нужно вернуть».

КОРНЕЙ. «Киса, не понимаю. О чём ты?»

СОНЯ. «Срочно верни, что унёс. Можешь под дверью оставить».

КОРНЕЙ. «Киса, успокойся. Давай не сейчас. Завтра приеду, поговорим».

СОНЯ. «Сделай это, пожалуйста. И как можно быстрее».

КОРНЕЙ. «Нажралась уже что ли?!»

СОНЯ. «Верни сумку немедленно! Это деньги нашего Миши, он умирает».

КОРНЕЙ. «Что за бред ты несёшь?».

СОНЯ. «Деньги необходимо вернуть!»

КОРНЕЙ. «Ещё одно слово про деньги и долю свою не получишь».

СОНЯ. «Медвежонок, пожалуйста, ради меня».

КОРНЕЙ. «Иди проспись! У вас там мягкий диванчик».

СОНЯ. «Я тебя сдам, скотина!»

КОРНЕЙ. «Это я тебя сдам в психушку, синявка. Разговор окончен».

Все сообщения исчезают с экрана. Соня звонит Корнею, никто не отвечает. Соня ещё раз перезванивает.

ГОЛОС РОБОТА. Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Соня достаёт из-под раковины свой чемоданчик, вынимает оттуда фляжку и жадно залпом делает пару глотков. Соня садится на закрытый унитаз и плачет. Соня слышит голос Димы из-за двери.

ДИМА. Сонечка, мы тебя ждём!

Соня умывается, выходит.

СЦЕНА 5.

ВАРЯ. Сонь, ты что, плакала?

СОНЯ. Я остаюсь.

ДИМА. Отлично. Все по местам!

Миша, Никита, Даня, Соня с воодушевлением рассаживаются за столом.

ДИМА. Варя, пошли, не будем мешать творцам. Связь через решётку, Мишка за старшего.

Дима с Варей уходят из комнаты.

ДАНЯ. Ну, что? За работу?

НИКИТА. С чего начнём?

СОНЯ. Надо подумать.

Миша, Никита, Даня, Соня задумываются на некоторое время, им становится грустно от отсутствия идей. Сидят печалятся. Звонок оповещения в Мишином смартфоне. Миша достаёт смартфон, смотрит в экран.

МИША. Мне социальный рейтинг понизили.

НИКИТА. За что?

МИША. Полгода уже не работаю.

ДАНЯ. *(будто осуждающе)* Тунеядец.

МИША. Боюсь, плохо станет, а мне и такси не вызывать.

СОНЯ. Зачем такси? Если плохо, скорую вызывай.

МИША. Просто устаю теперь часто, вызываю беспилотку, еду домой.

ДАНЯ. Мне позвони, я тебе вызову.

МИША. Спасибо, Даня. Но система всё равно меня в машину не пустит.

Молча сидят в тишине некоторое время. Затем слышат откуда-то из-под потолка отдалённый стук клавиш старой компьютерной клавиатуры, прислушиваются.

СОНЯ. Вы слышите? Что это?

НИКИТА. Похоже на забытый звук аналоговой клавиатуры.

ДИМА. *(через вентиляционную решётку)* Сюжет разворачивается вокруг группы исследователей, которые отправляются на таинственный остров, чтобы раскрыть его секреты. Они обнаруживают, что остров обладает уникальными свойствами, которые позволяют им путешествовать во времени и пространстве. *Все за столом в недоумении. Клавиши продолжают интенсивно стучать.*

ДИМА. Или вот, детектив вы хотели: расследование убийства приводит главного героя к раскрытию тайны, которая может изменить его жизнь навсегда. А как насчет абсурдной комедии под названием «Космические огурцы»? На планете Огуречной, где все жители являются огурцами, происходит необычное явление. В небе появляется космический корабль, который приземляется прямо на главную площадь столицы. Жители в панике...

МИША. *(перебивая)* Дима, ты накидываешь нам варианты, созданные нейросетью?

ДИМА. Да, Мишенька, да! А как же иначе, если вы не способны даже анекдот сочинить, а замахнулись на целый сценарий?

ДАНЯ. Кстати, анекдот — очень сложный жанр.

НИКИТА. И совсем забытый.

ДАНЯ. Дима помнит.

МИША *(после паузы)* Плохая была идея... *(вставая с места)* Простите, что втянул вас в эту авантюру. От лекарств и нервов мозга набекрень.

СОНЯ. Миша, сядь.

Миша садится на место.

СОНЯ. Мне нужно кое-что вам рассказать.

ДИМА. Тоже помирать собралась?

Соня встаёт, хватая со стола чашку и швыряет в вентиляционную решётку, чашка ударяется о стену и разбивается.

ДИМА. Ну и зачем? Теперь самой убирать.

Соня со слезами на глазах убегает в уборную.

МИША. Урод ты, Дима. Самый настоящий моральный урод.

ДАНЯ. Пожалуй, даже я соглашусь с Мишей.

НИКИТА. Поддерживаю.

МИША. И дело не только в Соне. Давно тебе хотел об этом сказать. Наконец-то, перед смертью решил.

Даня и Никита одобрительно кивают.

ДИМА. Решился, легче стало?

МИША. Ты знаешь, да. Сказал и что-то почувствовал. Одухотворение, наверное.

ДИМА. Молодец. Почувствовал — уже хорошо.

Тем временем Соня в уборной «прикладывается» к фляжке.

ДИМА. Тогда и я вам скажу. Вы неудачники. Интеллигенты, превратившиеся в маргиналов.

МИША. Это мы и без тебя знаем.

ДИМА. Поэтому ничего у вас не получится, ни за деньги, ни за идею. Тем более из жалости или сострадания.

Соня выходит из уборной.

СОНЯ. *(воодушевленно)* Не слушайте его.

ДИМА. О! Сонька встрепенулась.

МИША. Дима, лучше молчи.

Соня садится за стол.

СОНЯ. Никита, записывай.

Никита пододвигает к себе ноутбук, печатает за Соней.

СОНЯ. Четыре бывших сценариста, изнемогая от бедности, соглашаются за хорошие деньги написать сценарий. Они пробуют что-то придумать, процесс идёт медленно и тяжело, но ребята не отчаиваются, ведь на кону их годовая зарплата.

НИКИТА. Ты хочешь, чтобы мы описали сегодняшний день?

СОНЯ. Не совсем. В нашей сценарии история должна быть более кинематографичной. Деньги ворует Корней, но он в сговоре с другими грузчиками. Они — целая банда.

ДИМА. Во главе с тобой?

СОНЯ. *(после паузы)* Хрен с тобой. Пусть во главе со мной.

НИКИТА. Нужно продумать роль каждого члена банды, кто за что отвечает.

ДАНЯ. Не торопись, продумаем.

МИША. А в чём их мотив? Просто узнали про деньги и решили ограбить?

СОНЯ. Главная героиня, то есть я, хочет отомстить продюсеру. Она держит зуб на него за то, что он с ней несправедливо обошёлся. Бросил на произвол судьбы, оставив без гроша в кармане.

ДИМА. Ты два месяца не работала перед увольнением!

СОНЯ. У меня дети сильно болели!

МИША. Успокойтесь. У нас художественное произведение, все персонажи вымышлены. Но для удобства предлагаю героев называть нашими именами, раз мы являемся их прототипами. Иначе запутаемся.

ДАНЯ. Разумно.

НИКИТА. Хорошо, Соня держит зуб на продюсера Диму, поэтому хочет его ограбить со своими поделниками. У остальных бандитов, допустим, банальная жажда наживы. Но ведь она грабит ещё и своих коллег — сценаристов. Они — одна команда, друзья, а Соня крадёт их гонорар.

СОНЯ. Во-первых, Соня не верит, что они за ночь напишут сценарий и им заплатят деньги... А во-вторых, может быть они уже и не друзья? За десять лет ей никто не разу не позвонил, не написал. Не спросил, как она. Не поинтересовался, нужна ли ей помощь, поддержка.

НИКИТА. Коллеги тоже лишились работы, значит тяжело было всем. В любом случае, это не повод с ними так поступать.

ДАНЯ. Да, подлая дамочка вырисовывается.

ДИМА. Сука!

СОНЯ. *(после паузы)* Хорошо, она подлая сука. Вот и вся её мотивация.

Соня вскакивает с места и убегает в уборную. Коллеги провожают её недоумёнными взглядами.

НИКИТА. Легенду о загадочном заказчике будем оставлять?

МИША. Только пусть это буду не я. Все эти неизлечимые болезни, умирающий друг или родственник — слишком избито. Сценаристы используют этот дешёвый приём, когда ума и фантазии не хватает.

Все задумываются. Тем временем Соня умывает лицо, отпивает из фляжки, возвращается из уборной.

ДАНЯ. Что, если таинственным заказчиком станет искусственный интеллект?

НИКИТА. А это идея.

ДИМА. Какой смысл в этой идее?

МИША. Давайте без интеллектов. Мне этого дерьма в жизни хватает.

СОНЯ. Помните, я сегодня говорила, что мы находимся в реальности-шоу?

НИКИТА. Говорила. Предлагаешь размять эту тему?

Миша окидывает взглядом комнату.

МИША. Одна из стен, та которая перед нами, глухая для нас, но прозрачна для зрителя в зале.

НИКИТА. Думаешь, реальность живую, как в театре? Не трансляция?

МИША. Думаю, можно и так, и так. Вип-места для состоятельных в зале, а для всех остальных трансляция на весь мир.

ДАНЯ. Подождите, подождите. Наш таинственный заказчик хочет сценарий от живых сценаристов или реальности с ними?

СОНЯ. Нет никакого заказчика. Есть хитрожопый продюсер Дима.

ДИМА. Интересно. Давай, удиви меня.

СОНЯ. Он выдумал, что кто-то принёс мешок денег.

НИКИТА. Сумку.

ДАНЯ. *(Никите)* Ты бы лучше слушал и записывал.

Соня неодобрительно смотрит на Никиту и Даню.

СОНЯ. Димин продакшн вот-вот накроется медным тазом. Чтобы расплатиться с долгами, Диме приходится сдавать помещение в аренду под гончарную мастерскую. Его «мыло», написанное на

древнем джи-пи-ти, никого уже не интересует. Можно обновить программное обеспечение и оборудование, но Диме просто не на что это сделать. К тому же в индустрии высокая конкуренция. Дима ищет решение в прошлом. Вспоминает на шумевшие реалити-шоу сорокалетней давности, вспоминает про своих старых забытых коллег - сценаристов и придумывает аферу. Для молодого поколения реалити - невиданный формат, у старшего шоу вызовет ностальгию. Должно сработать, думает Дима.

ДИМА. Уже удивила. Давай дальше.

СОНЯ. На самом деле, деньги никто не приносил. Это часть Диминого плана — набить спортивную сумку фальшивками, чтобы собрать сценаристов и заставить работать, подогревая интерес легендой о таинственном заказчике. При этом результат их работы большого значения не имеет. Как и для любого реалити-шоу, важен сам процесс. Хочется показать, как выброшенный за борт экипаж, отчаянно пытается забраться на корабль.

МИША. Хотя корабль уже беспилотный.

СОНЯ. В точку, Мишенька.

МИША. Будет интересно раскрыть персонажей через их истории борьбы за выживание на протяжении десяти лет простоя.

НИКИТА. Нужна иммерсивность.

МИША. Что ты имеешь в виду?

НИКИТА. Сценаристы не знают, что они в реалити-шоу, поэтому их поведение будет сдержанным, диалоги скучными и только по делу. Чтобы их растормошить, нужна подсадная утка.

ДИМА. Селезень! Сонька уже бандитка у нас.

ДАНЯ. Кстати, бандиты тоже подставные. Дима их подговорил украсть фальшивки, потому что расплачиваться с ними не собирался.

СОНЯ. *(после паузы)*. Нет, бандиты останутся настоящими. Пусть кража будет для всех неожиданностью.

МИША. Согласен, неожиданность — это очень по-человечески.

НИКИТА. Так, что у нас с подсадным селезнем?

СОНЯ. Придумала. Им будет Миша. Так же, как настоящий Миша, Миша - персонаж рассказывает про страшный диагноз.

МИША. Соня, я же просил обойтись без диагнозов.

ДАНЯ. Она отлучалась, не слышала.

СОНЯ. Хорошо.... В нашем сценарии Мишина болезнь не настоящая. Это обман, придуманный продюсером, чтобы снова замотивировать команду после кражи денег и вызвать эмоции у зрителя. Дима заранее за деньги подговаривает Мишу сыграть эту роль и заодно кукловодит остальными сценаристами, модерировать их поведение, чтобы было интересно на это смотреть.

ДАНЯ. Значит Миша единственный, кто получает гонорар в этой истории?

ДИМА. Не факт. Дима может и объегорить.

НИКИТА. *(тихо)* Что-то на древнерусском.

МИША. Можно накидать ещё каких-нибудь подстав. Например, ближе к концу второго акта Диму якобы убивают в кабинете. Сценаристы пытаются вызвать полицию, но связь пропадает, система блокирует замки. Герои боятся, нервничают. Доходит до того, что они начинают друг друга подозревать. И, когда ситуация максимально накаляется, стена поднимется и вместо гонимой мастерской перед сценаристами предстаёт зрительный зал с вил-гостями.

СОНЯ. Только вот, что мы будем делать с негативной реакцией героев? Им явно не понравится, что ими воспользовались. Как нам их успокоить?

Все думают.

ДИМА. Дима «воскреснет» и всем объяснит, что трансляцию шоу смотрели миллионы, а денег мы собрали миллиарды. Вот вам и хеппи энд. Все довольны.

МИША. Думаю, пойдёт, как рабочая версия.

НИКИТА. Про бандитов как-то маловато.

ДАНЯ. Обнаружив, что деньги не настоящие, преступники должны разозлиться и пойти мстить.

СОНЯ. Нет, Даня. Это уже вторая серия начинается. Воры должны остаться ни с чем и рвать на себе волосы от досады.

НИКИТА. Один из них, например, Корней может вспылить и застрелить Арсения, а затем и другого поделника, чтобы не оставлять свидетелей.

СОНЯ. А в конце и себя заодно пусть застрелит, ублюдок.

НИКИТА. И мускулы у него на самом деле не настоящие. Это такой специальный объёмный костюмчик телесного цвета, который он набил сворованными деньгами, чтобы с сумкой на улице не палиться.

ДАНЯ. Это уже спецгент вырисовывается, а не грабитель.

ДИМА. А я согласен с Никиткой. Вы только представьте, Корней приходит к поделникам в логово, снимает с себя этот костюм бодибилдера и вместо мощнейшего качка, перед зрителем предстаёт невзрачный дрыщ. Затем он вытряхивает из «мускул» купюры и зритель снова под впечатлением. Прислушайтесь к тому, что вам говорит опытный продюсер.

МИША. Ну что, мы молодцы. Давайте расписывать.

Миша кашляет, медленно встаёт, подходит к кулеру попить воды.

СОНЯ. Миш, мы с тобой займёмся сюжетом, а Даня с Никитой возьмут на себя диалоги?

МИША. Да, как обычно.

СОНЯ. Ты какой-то бледный. Как себя чувствуешь?

МИША. Если вы не против, я минут на десять прилягу. У нас же есть время?

ДАНЯ. Миха, у нас вся ночь впереди. Отдохни немного.

Миша потихоньку ложится на диван. Даня подходит к кофемашине.

Миша быстро засыпает, сквозь сон слышит голоса коллег.

ДАНЯ. Соня, Никита, вам кофе сделать?

СОНЯ. Данечка, спасибо. Не откажусь.

НИКИТА. Давай, сейчас самое время.

Миша крепко спит.

СЦЕНА 6.

Прошло несколько часов.

Миша просыпается. Соня собирает веником в совок разбитую чашку. За столом, подпирая голову рукой, попивает кофе уставший Никита. Из уборной выходит Даня.

ДАНЯ. Миха, проснулся? *(указывая на дверь в уборную)* Там какая-то беда со сливным механизмом. Что делать? Тебе твой профессор не объяснял?

МИША. *(зевая)* Да там резинка разохлась за давностью лет. Арматуру нужно менять. А лучше купить умный унитаз. Кондрашовский фаянсовый завод выпускает. *(глядя на часы)* Я всю ночь проспал что ли? Вы почему меня не разбудили?

СОНЯ. Хотели, чтобы ты отдохнул и набрался сил.

НИКИТА. Не переживай. Ключевые моменты мы с тобой обсудили, нам оставалось только расписать.

МИША. Так это основная работа. Блин, всё проспал... Ну и как, вы закончили? У вас получилось?

ДИМА. *(из вентиляционной решётки)* Давай по новой, Миша, всё х...ня!

ДАНЯ. Ты чё, какой по новой?!

ДИМА. Это цитата, двоечник. Мемчик времён нашей юности. Нормально получилось, Мишка. Для первого дrafта сойдёт. Есть, что показать Барышевскому. *(зевая)* А теперь идите домой.

ДАНЯ. Ну что, тряхнём стариной и отправимся в заведение?

МИША. Мне с моим рейтингом можно отправиться домой. Пешочком.

НИКИТА. Даня, все бары давно закрыты, утро на дворе.

ДАНЯ. Тогда я вызываю беспилотку.

Даня достаёт из кармана смартфон, подносит его ко рту.

ДАНЯ. Такси эконом-класса на Фестивальную пять. Продюсерский центр Дмитрия Новгородцева. Центральный вход.

СОНЯ. Одну минуту. Веник с совком отнесу.

Соня идёт с веником и совком в уборную. На секунду задерживается у доски и незаметно для остальных берёт с собой маркер. Миша тем временем пытается сбить водой очередной приступ кашля. Даня подходит к Никите, демонстрирует ему свой смартфон, держа его на ладони.

ДАНЯ. Глянь, от руки заряжается. Постоянный клиент подарил.

НИКИТА. А это не вредно?

ДАНЯ. Не, только жрать сильно хочется после зарядки.

СОНЯ. *(выходя из уборной)* Говорят, на потенцию плохо влияет. Ну что, идём?

МИША. Дима, мы пошли!

В ответ из вентиляционной решётки доносится мощный протяжный храп. Все выходят, идут по коридору.

СОНЯ. Миша, тебе далеко идти?

МИША. Пару километров.

СОНЯ. Хочешь, мы проводим тебя?

НИКИТА. Да, без проблем.

МИША. Нет, вы не спали всю ночь, езжайте спокойно. Я подышу, прогуляюсь.

ДАНЯ. Сонь, а правда, что зарядка так плохо влияет?

СОНЯ. Конечно, правда. Британские учёные доказали.

ДАНЯ. Ну тебя.

Из Даниного смартфона звучит голосовой помощник.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Вас ожидает «Москвич двенадцать» красного цвета, регистрационный знак: ха, двести тринадцать, ха, ха.

СЦЕНА 7.

Прошло несколько дней.

Квартира Сони.

Растрёпанная Соня в пижаме сидит за столом в гостиной при тусклом освещении на фоне обшарпанного окна. Сбоку от окна старый буфет из «Икеи». На столе бутылка вина и наполовину пустой бокал. В окне горят огни большого города.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Вам грустно, хотите музыку под настроение?

СОНЯ. Давай. Что-нибудь совсем старенькое.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Какой период?

СОНЯ. Начало века, можно даже конец двадцатого.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Сплин — «Пластмассовая жизнь» подойдёт?

СОНЯ. Подойдёт, но я вскроюсь.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Мы этого не допустим. Гражданская оборона — «Моя оборона» подойдёт?

СОНЯ. А говоришь, не допустим. Давай что-нибудь иностранное.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Adele — «Someone like you». Как вам?

СОНЯ. Включай.

Играет Adele — «Someone like you». Соня медленно допивает содержимое бокала, наливает ещё. Выключается свет, гаснут фонари за окном. На секунду прерывается музыка.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Перехожу в автономный режим питания. Музыка продолжает звучать. Соня достаёт из буфета свечку и спички, ставит свечку на стол, зажигает её. Адель поёт ещё несколько секунд, затем прерывается.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Вам звонит Варя.

Соня достаёт из кармана наушник, вставляет в ухо.

СОНЯ. Слушаю.

ВАРЯ. *(радостно)* Сонечка, привет!

СОНЯ. Привет, Варя.

ВАРЯ. Как у тебя дела?

СОНЯ. Прекрасно. Провожу романтический вечер.

ВАРЯ. Счастливая! Прости, что отвлекаю. У меня важная новость.
(пауза)

СОНЯ. Ты почему замолчала?

ВАРЯ. Жду, когда ты спросишь: «Какая новость?».

СОНЯ. Какая новость, Варя?

ВАРЯ. Дима показал ваш сценарий Барышевскому. И ему, Барышевскому, очень понравилась эта история.

СОНЯ. Рада за него.

ВАРЯ. Ты не поняла. Кино снимать будут! Дима убедил Барышеского, что живые сценаристы на проекте — отличный маркетинговый ход. Барышевский согласился взять вас на доработку сценария. Хороший гонорар вам обеспечен. Ну и нам.

СОНЯ. Ты шутишь?

ВАРЯ. Юмор — не мой конёк. Представляешь, Верхошинский будет Мишу играть, а Забурдаев Диму. Остальных пока не утвердили.

СОНЯ. Им же по восемьдесят с хреном лет.

ВАРЯ. Ничего, нейросеть их омолодит. *(после паузы озабоченно)* Прежде чем тебе позвонить, я набрала Мишу, он не отвечает, сообщения тоже писать бесполезно. Очень за него беспокоюсь. С ним всё в порядке, не знаешь?

СОНЯ. Гудки идут?

ВАРЯ. Идут. Несколько раз звонила.

СОНЯ. Так, ладно, ты пока обрадуй остальных этой новостью, а я попробую дозвониться до Миши.

ВАРЯ. Хорошо.

Соня дотрагивается до наушника.

СОНЯ. Звоним Мише.

Долго идут гудки, затем связь обрывается. Соня нажимает на наушник, опять идут гудки и связь обрывается. Соня начинает реветь, опустошает залпом стакан и разбивает его о стенку. Соня утыкается лицом в стол, обхватив голову руками, плачет.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Вам тяжело и печально. Включить музыку под настроение?

Соня продолжает плакать. В гостиной включается тусклый свет. За окном загораются огни.

ГОЛОСОВОЙ ПОМОЩНИК. Выхожу из автономного режима питания. *(после паузы)* Вам звонит Миша.

СОНЯ. Миша!

МИША. *(бодро)* Соня, привет. Извини, был в парилке у Даньки. Действительно мастерски парит, засранец. И знаешь, пар такой мягкий, проникающий. И, главное, дышится легко. *(сделав глоток)* Сейчас чай можжевеловый пью — чувствую прилив сил.... Тут и Варька звонила... От тебя два пропущенных. Сонь, что-то случилось?

СОНЯ. Миша, я должна тебе кое-что рассказать.

33

ЭПИЛОГ.

Сценарная комната.

Варя выходит из уборной в сценарную комнату. В комнате стоит Дима.

ВАРЯ. Он опять течёт. Когда ты уже его починишь? Ребятам здесь работать не один месяц.

ДИМА. Не суетись. Барышевский только что перевёл нам аванс. Купим умный унитаз с блютусом и подогревом.

ВАРЯ. Биометрический.

ДИМА. На твой вкус.

Варя уходит в коридор, а Дима заходит в уборную, подходит к унитазу, стучит пальцем по кнопке слива.

ДИМА. Падла.

Дима откручивает кнопку и снимает крышку бачка унитаза, держит крышку в руке. Многозначительно смотрит в бачок, заглядывает за него и видит, что на полу валяется маркер.

ДИМА. Откуда здесь маркер вообще?

Дима садится на корточки, кладёт крышку на пол, чтобы она не мешала ему достать маркер. Тянется за маркером и краем глаза замечает, что на внутренней стороне крышки что-то написано.

ДИМА. Чего?

Дима внимательно всматривается в написанное, берёт крышку, садится на унитаз.

ДИМА. Да ладно.... Это ж... Вот язва!

Дима достаёт из кармана смартфон, кому-то звонит.

ДИМА. Доброго здоровьица, Михал Борисыч!

(пауза)

ДИМА. Вашими молитвами. Как сам?

(пауза)

ДИМА. Да тут правонарушителя одного найти надо.

(пауза)

ДИМА. Да, взял чужое.

(пауза)

ДИМА. ФИО есть. Иван Сергеевич Корнейчук. Кличка «Корней». Двадцать третье, ноль четвёртое, две тысячи десятый. И адресок имеется...

(пауза)

ДИМА. Понял, понял. Пришлю сообщение.

(пауза)

ДИМА. Добро, добро. Сегодня же деньги будут.

(пауза)

ДИМА. Всё, обнял, дорогой. Привет семье.

Дима выходит из уборной с крышкой в руке, идёт по коридору.

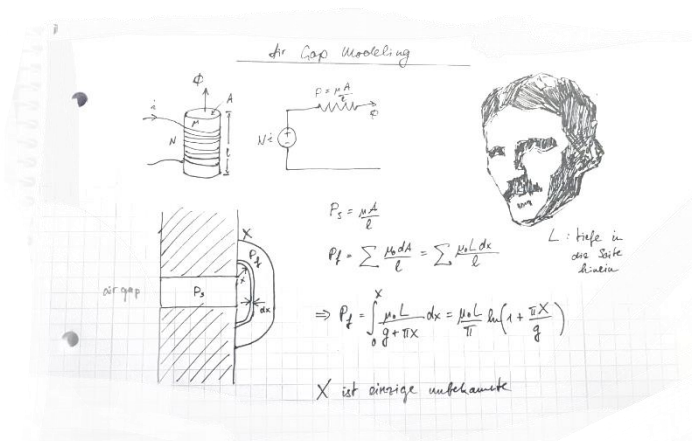
ДИМА. Варя, когда Соня здесь нарисуетя, отправь её ко мне в кабинет! И унитаз закажи!

Конец

БОРИС КУЗНЕЦОВ

Родился и вырос на Крайнем Севере в г. Воркуте. Уже более 20 лет проживаю в Санкт-Петербурге. Работаю юристом по авторскому праву. Увлекаюсь драматургией, время от времени пишу пьесы и сценарии, участвую в драматургических конкурсах, в творческих мастерских и лабораториях.

35

3 x 4

Эксперимент в 22 картинах для анатомического театра

Действующие лица:

НИКОЛАЙ, 25 лет

БАБУШКА ИЗ ОЧЕРЕДИ, 70 лет

ВРАЧ-ОФТАЛЬМОЛОГ, 60 лет

ЛИЗА, 25 лет

ПАРЕНЬ, 20 лет

СТАРУХА, много-много лет

ВРАЧ-ПАТОЛОГОАНАТОМ, 50 лет

ОФИЦИАНТ, 40 лет

СТУДЕНТЫ-МЕДИКИ, ПОСЕТИТЕЛИ КУНСТКАМЕРЫ, ТЕАТРА,

РЕСТОРАНА, от 5 до 95 лет

КОШКА, 4 года

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1. Страх очереди

36

Декабрь 2017 года. Бесплатная поликлиника в Санкт-Петербурге, 8 утра. Идёт снег. На стене возле кабинета офтальмолога тени снежинок. В окно с улицы светит фонарь. Запах хлорки.

НИКОЛАЙ: 318 кабинет тут?

БАБУШКА: Тоже к офтальмологу, сынок? Садись, за мной будешь.

НИКОЛАЙ: К открытию шёл. Думал, буду первый.

БАБУШКА: Да я опередила тебя! Всегда за 15 минут прихожу до открытия. Сунешь охраннику шкалик — он и пустит. Учись. А то помру лет через 20, тайное знание с собой в могилу заберу. Внуков-то, детишек не нажила.

Очереди ненавижу с советских времён. Всё хорошо было, только очереди вот эти — беда. Как вижу очередь — разворачиваюсь, ухожу. Аллергия.

НИКОЛАЙ: Ясно. А врач что? Не принимает ещё?

БАБУШКА: Кофий пьёт. Запах — слышишь? Ну, ничего, подождём. Может, внимательней примет.

Помолчали. Николай незаметно засунул в уши наушники.

БАБУШКА: А ты что к врачу-то, глаза болят? Без очков, вроде, молодой такой, красивый. Это старикам каждый новый день готовит сюрпризы. Тебе-то рановато ещё по врачам. С жиру бесишься, небось. Поживёшь с моё, узнаешь, что такое хвори. Я по молодости однажды тоже к окулисту прибежала — ах, дурная была! Говорю: завтракаю, а сыр на бутерброде расплывается, вроде плавленый... Он не плавленый, а вижу вроде как плавленый. Дальnozоркость, спрашиваю его, врача этого, развивается? Старческая, то есть. Молодая была, старости боялась. Теперь уж не старости, смерти боюсь. А тогда, лет в 45, над каждой морщинкой плакала. Мужа нет, детей нет, слёзы не вытирал никто. А когда ещё и сыр плавиться на глазах начал, психанула. А он мне, знаешь, что ответил, весельчак-глазник этот?

НИКОЛАЙ: ... А? Что?

БАБУШКА: ... Говорит, а Вы завтракайте сыром плавленным! Представляешь? Плавленным сыром! Все недоразумения, дескать, исчезнут. И рецепт, гадина, выписал: «ДРУЖБА». Сырок «Дружба», то есть. Умора. Такие врачи у нас, да...

37

Загорается зелёная лампочка над дверью офтальмолога.

БАБУШКА: О, зовёт! Побежала. Хворь-то настоящая теперь у меня: как в тумане всё, как в тумане... Ты-то, вон, тоже. Как из болота вылез. Зелёный весь и мутный. Вот это хворь, вот это недуг! Старческое...

Николай сидит в одиночестве. Достает из ушей наушники, смотрит на тени снежинок, плачет тихо. Бабушка вылетает пулей из кабинета.

БАБУШКА: Не ходи к нему, сынок! Хоть ты в глазах моих и чёрт болотный, а рассмотрела я, что человек-то хороший. Не ходи к этому неучу! Операцию он мне делать вздумал! Из-за тумана-то! Фу его! Я ещё поживу! И с туманом поживу, и с дождями, и с метелью — ничего! Резать мне глаза вздумал — ишь ты. Ничего не меняется в этой стране, хоть ты тресни. Беги, беги, пока не поздно, отсюда!

Бабушка уходит, шумно сморкаясь. Загорается зелёная лампочка, Николай входит в кабинет.

2. Неизвестная болезнь

Кабинет окулиста. За столом сонный врач допивает кофе. Свет выключен, горит одна лампочка над таблицей Сивцева. Тени снежинок кружат по офтальмологу. Запах кофе.

НИКОЛАЙ: Здравствуйте.

ВРАЧ: Утро добренькое, молодой человек. Карточку. Садитесь вон на там. Закройте правой ручкой правый глазик и читайте над линией.

НИКОЛАЙ: Н, К, И, Б, М, Ш, Ы? Б. Снова Б?

ВРАЧ: Да, отличненько. А ниже видите?

НИКОЛАЙ: Не то чтобы... Ш, кажется. Это Н? Потом Ы...

ВРАЧ: Угу, достаточно. Теперь то же самое, пожалуйста, только левой ручкой прикройте левый глазик. Да, так. Правую ручку можете опустить пока на коленку. Молодец. Читайте.

НИКОЛАЙ: Н, К, И, Б, М, Ш, Ы, Б.

ВРАЧ: Ниже?

НИКОЛАЙ: Снова неразборчиво. Ы? Дальше К?

ВРАЧ: Хорошо-хорошо, я понял. Ну что ж, идите ко мне. У Вас отличное зрение. Может быть, жалобы какие-то?

НИКОЛАЙ: Да, жалобы. Я вижу мир слишком чётко, вплоть до насекомых в траве. Но не чувствую его. Некий визуальный эффект — потеря смысла. Словно рвётся тонкая ниточка, и картинка не доходит до мозга. Это, наверно, противоположность слепоты. Идеальное зрение, но не моё. И реальность навсегда утрачена.

ВРАЧ: Потеряли связь с реальностью? Так-так... Например?

НИКОЛАЙ: Как, например? Ну, вижу Вас, говорю, а сам как будто сплю. Как объяснить... Как будто моими глазами не я смотрю, другой. А сам я не здесь.

ВРАЧ: Не понимаете, что видите? Так-так...

НИКОЛАЙ: Да. Или не могу запомнить, что ли. Выйду из кабинета, спросят: «Что было-то, Коля?» А я ничего не вспомню. И даже сейчас спросите — боюсь, не отвечу.

ВРАЧ: Так-так... Проблемы с вниманием и памятью? Что Вы видите, Николай?

НИКОЛАЙ: Вас... Или совсем ничего, не знаю. Пустоту. Серо как-то вокруг, грязно.

ВРАЧ: Так-так... А другие жалобы есть?

НИКОЛАЙ: Звуки шалят. Говорю тоже не я. Голос чужой. Слушаю сквозь сон себя и других. Паузы в речи внезапные. Перестаю понимать сказанное. Как будто забываю язык. Все слова — только звуки. И ничего за ними. В такие моменты дребезжание стекла, рёв

машины, храп, речь — только колебания воздуха. В Космосе очень тихо. Его тишина оглушает. Или музыка ещё.

ВРАЧ: Что говорите, не понимаю? Музыка?

НИКОЛАЙ: Обычно классическая. Бывает, Шуберт внутри меня перемалывает всё вокруг. Превращает в шумный фарш. Реальность вторит мелодии, попадает в ритм. Как будто не она настоящая, а музыка. Как в кино. А сейчас, например, звучит одна песенка. Как будто радио во внутреннем ухе. И никак не выключить.

ВРАЧ: Какая же, если не секрет?

НИКОЛАЙ (*поёт*): «... Стааарая... Слааадкая пеееснь любви...»

ВРАЧ: Очень любопытно. Впрочем, всё ясненько, хм... Николай Владимирович, Вам не ко мне нужно было. Вам бы к психиатру разочек.

НИКОЛАЙ: Был. Отправил к Вам. Говорит, здоров психически.

ВРАЧ: Так-так... В таком случае, давайте капельки Вам пропишу. От них взгляд ярче станет, радужка заиграет новыми красками. Кто знает, вдруг поможет, да?

НИКОЛАЙ: Я не знаю.

ВРАЧ: Ну, чем чёрт не шутит! Давайте попробуем, вдруг. Только, если не поможет, не приходите ко мне больше. Договорились? Ни в коем случае. Боюсь, вас всё-таки психиатр не до конца осмотрел. Вот, держите, дружочек. Всего Вам!

НИКОЛАЙ: Спасибо.

Николай уходит. Врач потягивается, нажимает кнопку на радиоприёмнике. Оттуда доносится: «Стааарая... Слааадкая песнь любви...»

3. Обитель смерти

Вечер того же дня. Лиза входит в типичную хрущевку. Затхлый запах старости. Играет монотонная музыка. Стены выкрашены темно-синей краской, комната заставлена сервантами с хрусталем и увешана графиками. Посредине возвышается черный трон. На троне где-то под потолком сидит Старуха в полном облачении и гриме клоуна. Ее волосы закручены в два красных рога. Между рогами золотая корона. Старуха держит на коленях телефон, говорит в трубку.

СТАРУХА: Доброй вечер! Девушка, отрежьте и доставьте мне, пожалуйста, два килограмма грёбаного стыда. Да-да, 2 кг отменнейшего грёбаного стыда. Что говорите? Нет, не много кошек. У меня вообще нет никаких кошек. Что за вопросы! Я пожилая

женщина, мне самой надо. Ровно 2, да. Записывайте: Рубинштейна, 18, кв. 12. Да. Жду.

Кладет трубку, подманивает пальцем Лизу к самому подножию трона, чтобы та смотрела на нее снизу вверх.

О, я не заметила, как ты вошла! Пожалуйста, не обращай внимания на мои причуды. Нет, я не звонила в службу доставки. Глуха на оба уха уже лет 300. Развлекаю себя, как могу. Грёбаного стыда тут и без всякой доставки: черпай ковшом, всё не вычерпаешь. Целый долбаный океан грёбаного стыда моего за это человечество. Они же не помнят, зачем родились! И ты тоже забыла. А я напомним, я не гордая. Все вы живёте только ради меня. Кстати, вот и познакомимся. Ты — милая девушка, я — Мое Величество Госпожа Смерть по городу Санкт-Петербургу. Должность так по-дурачки называется, что поделать. Да, отвечаю за отправление местных. Достань мне, вон, с третьей полочки, банку. Тут каждый шарик — человек. Вот так я их жру. Всё, уже попали в пункт назначения. Такая работа. Не очень сложная. И полезная. Ешь себе одни витамины и минералы, приумножай жизненный тонус. Между прочим, лучшее в мире диетическое питание. На такой диете уже три столетия сижу, как видишь, неплохо сохранилась. Только вот в последнее время совсем стара стала. Сверху поступило распоряжение: ищи преемницу. А всё почему? На днях, говорят, обронила один шарик — теперь мертвец по этому свету шастает. Люди до того отупели, что мертвеца от живого человека отличить не могут. А я, значит, виновата. Ну и леший с ними. Ведь и правда виновата. Парня-то этого ни за что ни про что загубила, не вернешь уж никак, век так будет шататься, пока не рассыпется. Да и там душе его покоя не будет. Стыдно на самом деле, что говорить. Уши-то, видишь, какие красные теперь у меня. Я уж этот шарик искала-искала, да так и не нашла. Замела, видно, да выбросила случайно.

Старуха впадает в некий транс.

Люди уходят диссонансными аккордами. Слышишь? Монотонно, каждую секунду. Кап... Кап... Музыка совершенного равнодушия. Они ступают в вязкую тьму, хватая друг друга за руки. Боятся. Для них город — безликая толпа. Но песок состоит из песчинок. И каждая боится исчезнуть. Камень рассыплется на более мелкие камни. Они никогда и не думают обо мне. Табуированная тема в мире, где нет запретов на мысль. Бесконечный поток людей. Сто лет — только кружка воды. Живых не так-то и много. Там будете знать наизусть

все друг друга. Сегодня, кивая носом, едешь рядом с тем, кого будешь крепко держать за руку перед последним нырком. Теория б рукопожатий — легкое кружево людских отношений. Рыбий узор, чешуя на скользком теле времени. Но прохуdivшейся сетью не вытянешь много рыбы.

Выходит из транса.

Всё, устала я. Знаю, у тебя вопрос есть. На вот, напиши. Но только один! Подумай хорошенько, каким он будет.

Спускает Лизе бумажный самолетик. Получает его обратно с вопросом, читает.

«Сколько Вы мне заплатите?» Ох... Я буду платить тебе столько, сколько захочешь, золотце. Пока не воспитаю тебя. Люди забаррикадировались от меня кривыми зеркалами и радуются, а ты, малышка, отключишь Интернет, радио и телевизор, не будешь читать газет, бросишь книги и фильмы. Забудешь, что в мире существует искусство, забудешь всё, что думала и знала о смерти до этих пор. Ты узнаешь меня настоящую, обещаю. И, в конце концов, станешь мною. На это у тебя будет три зимних месяца и всего три задания. Первое из них называется «Кунсткамера».

41

4. Ночная гимнастика

Ночь того же дня. Комната Николая в беспорядке, посреди незаправленная кушетка. Входит Николай, смотрит на часы. Зевает. Включает тусклое бра, читает инструкцию от глазных капель, которые ему дал доктор. Зевает. Закапывает капли. Зевает. Не раздевшись, падает на кушетку и засыпает. Запах грязного тела.

<...>

Горит тусклое бра. Николай храпит. Скрипит дверной замок, в комнату входит Лиза. С ней парень. Целуются. Запах топленого молока.

ПАРЕНЬ (*отстраняясь*): Слушай, тут есть кто-то!

ЛИЗА: Ага. Это Коля. (*целует*).

ПАРЕНЬ (*отстраняясь*): Он чё, мёртвый что ли?

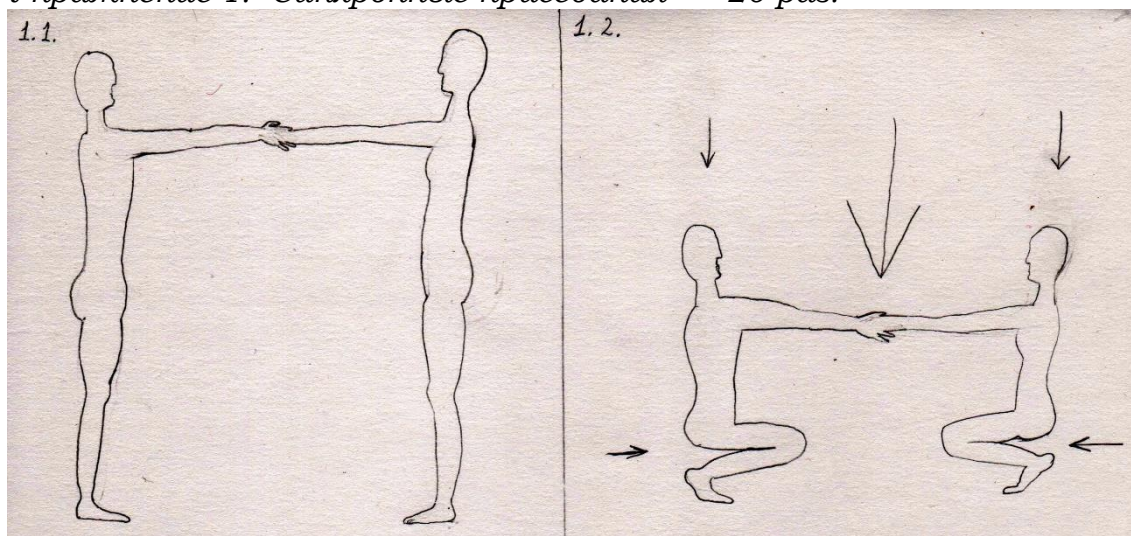
ЛИЗА: Да нет, ты что! Спит. (*целует*).

ПАРЕНЬ (*отстраняясь, подходит к кушетке*): Да ты вообще больная! Это его комната, что ли? Брат твой, что ли? Он не проснётся?

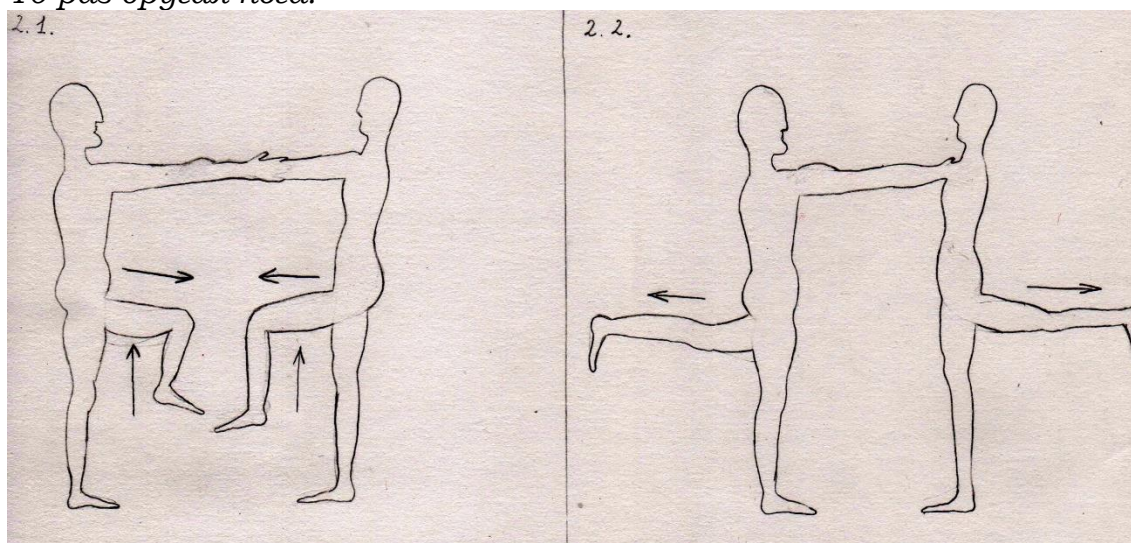
ЛИЗА: Да нет, мужик мой. Спит как убитый. Успокойся уже, а. Давай прямо здесь, на полу? Свет туши.

Парень тушит свет. Слышны громкая возня на полу, сопение, вздохи. Николай перестаёт храпеть, поворачивается спиной к парочке на полу. Шумное дыхание в тишине продолжается ещё какое-то время. У зрителей включается «эффект инфракрасного зрения». В темноте они видят, как парень и Лиза раздевают друг друга до белья, после чего выполняют 3 несложных физических упражнения.

Упражнение 1. «Синхронные приседания» — 20 раз.

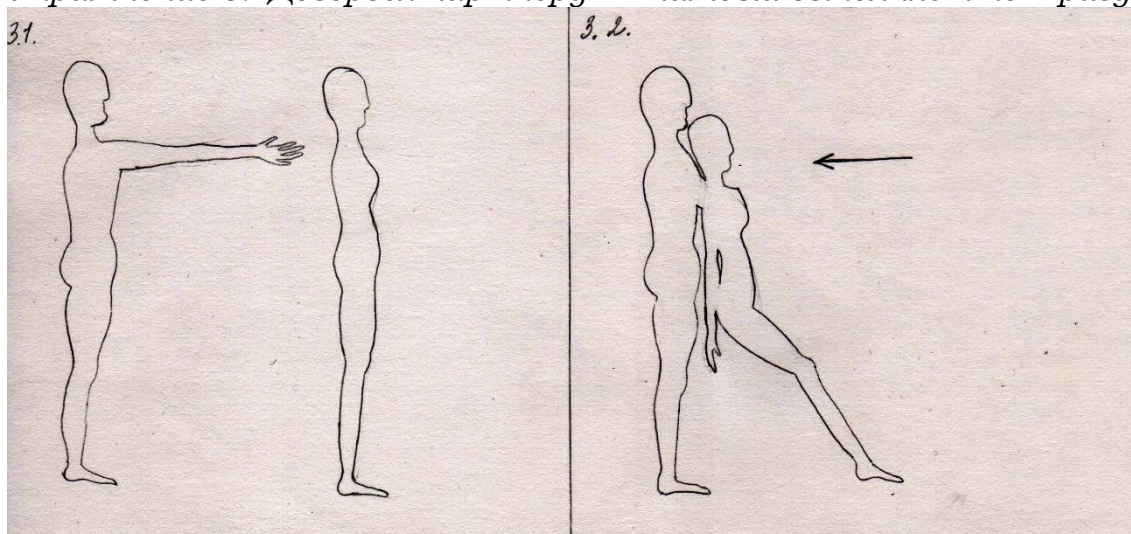

Упражнение 2. «Синхронные махи ногами назад» — 10 раз одна нога, 10 раз другая нога.

Упражнение 3. «Доверься партнёру» — каждый выполняет по 1 разу.

Одеваются, уходят, запирают дверь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

1. Хорошие новости

43

Раннее утро следующего дня. Та же комната. На кушетке раскинулось мёртвое тело Николая. По нему беспрепятственно ходит белая кошка. Запах гнилых яблок. Лиза отпирает дверь и затанцовывает в комнату вместе со звуками рок-н-ролла.

ЛИЗА: Трам-пам-пам! Пуп-пу-бам-ба-дам!

Снимает с тела кошку. Кружит тело Николая в вальсе.

Пуа-пу-рум-бум-пу! Пи-ди-би-пум!

Музыка кончается. Лиза сажает тело Николая в кресло, поправляет на нём одежду, волосы. Смеясь, надевает на голову Николая свою шляпу. Достает мобильный.

Ну вот, ещё один пропущенный вызов с неизвестного номера. Никогда не поднимаю. На известные попробуй на все ответь, а тут ещё эти! Поставила Элвиса, теперь хоть потанцевать под навязчивых идиотов можно. ...Что-то ты сегодня невесёлый. Улыбнись мне, бука!

Пробует руками слепить улыбку на лице Николая.

Я с радостной новостью к тебе, между прочим. Угадай! Угадай-угадай! Молчишь? Я нашла себе работу! Сама в шоке. Отличная работа, знаешь! Наткнулась на объявление в лифте. Да, так, случайно. Богатая старуха из соседнего подъезда ищет себе камеристку. Так и было написано: «Ка-ме-рист-ку». А чё, пришла к ней. Говорит, нравлюсь. Сумасшедшая бабка, думает, что она смерть и в костюме клоуна на троне восседает в своей хрущёвке, представляешь?! Да плевать в принципе. Деньжищи обещает и задания дурацкие давать будет. Пока вот сказала в Кунсткамере тусить в комнате уродцев. Говорит, «слушай голос смееерти!» — и глаза так стрёмно при этом закатывает... Я бы позвала тебя с собой, но она строго приказала одной ходить. Чего не сделаешь ради денег! Говорит, с открытия до последнего посетителя сидеть весь декабрь. Ага. Так что теперь придётся меньше времени вместе проводить. Зато бумажки появятся, свожу тебя куда-нибудь... Ну всё, пора бежать к трупам мерзким. Не грусти тут без меня, сладкий.

Целует тело Николая в щёку, уходит.

2. Грёбанный стыд. Танец под Штокхаузена и Лахенмана

Зал анатомических коллекций Кунсткамеры. Запах восточных благовоний. Всё пространство заставлено банками с трупами мутировавших младенцев и с человеческими органами, встречаются чучела животных, в углу стоит скелет и лежит сердце слуги-великана Петра I. Лиза садится между витрин в позу лотоса и начинает медитировать. В углу сцены сидит бабушка-смотрительница. По залу в танце перемещаются группы экскурсантов и обычные посетители.

1. ЭКСКУРСОВОД: Коллекции показывали всем желающим бесплатно, Петр желал «чтобы люди смотрели и учились». Для привлечения народа устраивали угощения, на нужды отводилась огромная сумма — 400 рублей в год. При Анне Иоановне «знатнейших гостей угощали кофием, венгерским вином, цукербродом или другими напитками и закусками».
2. — Смотри, как интересно картинка выглядит. — Да, я вижу, ужасно выглядит.
3. — Мааам, черепашка! Смотри, черепашка! — Смотри здесь! — Ну, смотри! Черепашка! Ты же не видела! — Где? А, но она же маленькая. Пойдём.
4. — Ха-ха, диагноз для большей части нашего парламента! «Двулицый урод с мозговой грыжей».

1. ЭКСКУРСОВОД: В нижнем этаже центральной части — ротонда, где в XVIII веке был «анатомический театр», в котором в присутствии публики производились анатомические вскрытия. Стенки сосудов, наполненных составом Рюйша, не разрушались, а окрашенная масса, просвечивая через кожный покров, создавала видимость естественного прижизненного оттенка.
2. — Прикольный чел ваще! Третий справа. Сидит такой... — А он умер, наверное... — Поэтому и умер...
3. — Фу. — Да что "фу"? Смотри вот, детская головка... (Мать с дочкой).
4. — Бабочки, бабочки, древние гадости! — Тебе плохо, плохо, плохо тебе? — Не знаю.
1. ЭКСКУРСОВОД: Уроды человеческие: сросшиеся близнецы в области головы, груди, живота, спины, таза, двуликие (янусовидные) уроды, с одним глазом (циклопы), с заячьей губой, с неразделившимся головным мозгом, с одной ногой (сирены). Петр сам проводил некоторые простейшие операции. В музее хранятся его медицинские и анатомические инструменты. Он часто удалял зубы. Коллекция зубов, выдернутых Петром I, сохранилась до наших дней.
2. — Краб гомола. — Чего? — Краб гомола!!! — Чего?!
3. — Мечты сбываются? — Уииии! Уиии! Мёртвые младенцы в банках! (Мальчик с мамой).
4. — Ему это доставляло удовольствие, потому что он был больным садистом. Потому что постоянно смотрел на Европу, на Запад. Людям наживую все зубы выдирает.
1. ЭКСКУРСОВОД: Ручки и ножки младенцев украшены батистовыми рукавчиками и кружевными манжетами. Пробки стеклянных сосудов, где плавали органы и части тела, декорировались красным бархатом или тесьмой. Венчалась конструкция украшением из раковин и кораллов. Был человеческий плод, примерно семи недель, который схвачен маленькой восточной змеей. Или рука ребенка, держащая между пальцами ветку с фруктами.
2. — А что, глаза настоящие у них до сих пор? — Нет, я думаю, ненастоящие.
3. — Насмотрелся. Надоело. — Ну а мне теперь чё делать? (Мать с сыном-подростком).
4. — А это чья нога? А? Чья нога?! (Не отвечают).
1. ЭКСКУРСОВОД: Трехмесячный плод мужского пола в пасти ядовитейшего животного.
2. — Это поросёнок? — Вообще ребёнок.

3. — Мам, тут надо на кнопки нажимать! Мам, тут надо играть! — Нет, не надо. — А что? А что?!
4. — Цыплёночек! Я думала, что это, что это? А это цыплёнок с четырьмя лапами! — Они же не существуют... — Ага, вот приполз бы к тебе...
1. ЭКСКУРСОВОД: Из черепа скелета новорожденного, сидящего в гроте, выглядывал скелет мыши.
2. — Это обычное какое-то всё, а вон там — циклопы.
3. — А вот ребенок, он у мамы в животе и живот расширяется. — А зачем он это?
4. — Что-то не впечатляет. — Да? И меня не впечатляет. — Ну что с него взять, первый музей.
1. ЭКСКУРСОВОД: Два скелетика близнецов трогательно хоронили третьего, причём один подносил к лицу внутренности живота, как бы вытирая слёзы.
2. — Ой, заячья губа лопнула...
3. Маленькая девочка, меланхолично: «А там скелет двухголового телёнка...» Ее мать, с неподдельным удивлением: «Где?!»
4. — Ужас! Зачем такое над детьми делают? — Не знаю... Они ведь умерли... — Но у него глаза открыты!
1. Экскурсовод: Бальзамированные младенцы покоились в маленьких гробиках. Мёртвые тельца облачались в кружево и разноцветные ткани, расшитые жемчугом. Крохотные ручки держали зажжённую свечку. Казалось, уставшие дети просто прилегли отдохнуть.
2. — Ты видел шестипальцевого там? Ого! А это что такое, это мозги такие?! Блядь!
3. — Тут обоссаться ваще можно. Точно, ваще страшно! Глянь, какие уродские! (Мальчик лет 11 отцу).
4. — Видишь... Я когда сплю, у меня такое же выражение лица... — Успокойся, тебя похоронят, как надо.
1. ЭКСКУРСОВОД: Петр I схватил одну из препарированных малюток на руки и, прижав к широкой царской груди, расцеловал.
2. — Ну это 17 век. Инструменты, как в фильмах ужасов. Коловорот с коронкой.
3. — Мам, смотри, две головы! — Можешь про себя, нет?
4. — Было нестрашно! И сзади сидел Шмаков, все комментировал, очень ржачно. А потом все как испугались и как заорут!
1. ЭКСКУРСОВОД: На самом деле, это то, зачем вы сюда пришли! Ну, признавайтесь же, вы пришли на это смотреть?! Ведь правду я говорю, а? А зачем? Кто-нибудь из присутствующих ответит мне, зачем вы сюда пришли?! Ну, что молчите? Не

знаете, как человек устроен? (Все молчат). Не знаете, зачем пришли?! А я вам отвечу!.. (Пауза). Вас сюда привёл интерес к познанию окружающего мира! (Все облегчённо выдыхают, напряжение на лицах исчезает).

2. — «С раздвоенной нижней частью туловища...» Оооой, каакооой! (С умилением).
3. — Когда умирает человек, всё, что связано с плотью — оно истлевает. Гниет. Черви едят. А черепа, кости — они никуда не деваются. Вот посмотри. А вот маленький скелетик. А вот ножки, ручки. — А когда этот малыш умер? — Давно. Он умер и его поместили в пробирку, в жидкость специальную. И вот сохранилось всё — ручки, ножки, личико, ушки. — Когда давно? — Двести лет назад. — Когда меня не было? — Определенно, ни тебя, ни меня еще не было. — И домов не было? (Дедушка с маленькой внучкой).
4. — Бога нет! — Аллах есть.

3. Сон Лизы N1. Рождение понятия. Мультипликация

47

Когда мост падает тебе на голову, это очень неприятное ощущение. Он разделяет твой мозг на четыре части. Мост железнодорожный становится мостом между полушариями. Четыре части: соотношение 3 к 1, 2 к 2. Северо-западный округ, юго-западный округ, северо-восточный округ и юго-восточный округ. И никакой тебе определенности в виде севера или юга. Живи себе расщепленный, бегай по мосту слева направо, справа налево. Северное полушарие отвечает за облака, южное — за цветы. Облако-рациональное полушарие и облако-творческое, цвето-рациональное и цвето-творческое. А ты зависнешь посередине, завяжнешь ногами в крестовине, захлебнешься вдохновением и умрешь где-то под мостом в кровавой реке стихотворений. И не забывай приплясывать ногами, погружаясь на дно. Будь достоин звания человека.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

1. Лекция в морге

Наступил январь. Лиза вместе с группой студентов-медиков заходит в учебную комнату морга. На столе лежит заготовленный для занятия труп мужчины. Запах формалина. Из темноты выходит патологоанатом.

ПАТОЛОГОАНАТОМ: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Сегодняшнюю лекцию я хотел бы начать великими строками,

которые имеют к нам с вами прямое отношение. «В анатомии нет надобности рассуждать, а надо точно и наглядно изучать», — это сказал Георг Баильви. «Живой предмет желая изучить, чтоб ясное о нем познание получить, учёный прежде душу изгоняет, затем предмет на части расчленяет», — а это Гёте, между прочим.

Итак, перед нами мужчина правильного телосложения, пониженного питания, с признаками трупного разложения: кожные покровы на животе зеленоватого цвета. Вскрытие трупа начинается со вскрытия полости черепа. Предварительно осуществляется разрез кожи и скальпирование кожных покровов головы. А затем производится распил. И вскрывается черепная коробка. Кости черепа имеют толщину до 5 мм, связаны между собой с помощью швов — вот некоторые из них. Вещество мозга снаружи покрыто так называемой твёрдой мозговой оболочкой. Которая с небольшим трудом отделяется от мозга. Так. Поверхность мозга, как мы видим, состоит из извилин и борозд. Вещество мозга покрыто мягкой или паутинной мозговой оболочкой, пронизанной крупными и мелкими сосудами. Хорошо видно скопление серого вещества в толще белого вещества — так называемые подкорковые ядра. В мозге имеются желудочки. Перед Вами задние рога боковых желудочков. А вот и передние рога, которые соединяются между собой посредством Сильвио водопровода. Полушария мозжечка на срезе обнажают рисунок строения в виде дерева.

Да, мозгу достались самые поэтичные образы: покрыт паутиной, укреплен мостом, Виллизий начертал в нем магический круг, а Сильвио построил водопровод. Но в теле человека вообще больше поэзии, чем кажется. Рождаясь на свет, мы плачем, а Весёлый Роджер вечно счастлив. Есть, о чем задуматься, правда? Люди внутри одинаково прекрасны. Пре-красны. Блестят, словно покрыты глянцем. Большую часть туловища занимают кишки с характерными каловыми массами. Самый длинный орган, у взрослого они достигают в длину 7-8 метров. Внутри живота непроглядная тьма, там тесно и много жидкости. Печень — самый большой орган, весит приблизительно 1,6 кг, выглядит аппетитно. Сердце зажато со всех сторон и бьётся, как сумасшедшее, в клетку грудины, примерно 2,5 миллиарда раз за жизнь. Почки совсем маленькие, но постоянно содержат 30% крови. Селезёнка похожа на большую чернику, особенно, когда её режут скальпелем. В человеке много поэзии. Шейный позвонок Атлант держит своё небо. Позвонки похожи на головы фантастических животных. У каждого — свой рисунок, уникальное парнокопытное. Лучевые кости излучают свет. Нервы —

ниточки марионеток. «Чудесная сеть» снабжает кровью почки. Кровеносная система — разноцветные кораллы, магическое древо жизни. Ещё одно дерево — в груди, бронхиальное. Тело проросло ветвями насквозь.

Студент падает в обморок.

Ну что ж, а теперь для вскрытия внутренних органов мы произведем разрез от угла нижней челюсти до лонного сочленения.

<...>

Вот что я называю работой с людьми! Помните, дорогие студенты, что некоторые жеманно ссылаются на проблемы с нервами, забывая о том, что мозг — основной орган центральной нервной системы. Но хватит на сегодня анатомического юмора. Рассчитываю увидеть всех во вторник. Приятных выходных.

2. «Мнимая конструкция». Театр кукол

49 *Вечер того же дня. Лиза тащит тело Николая в театр. Она поднимается по мраморной лестнице, проходит по галерее, пользуется гардеробом, покупает программку, направляется в партер, сажает тело в красное кресло, садится рядом. Душный запах духов.*

ЛИЗА: Как хорошо, что я вытащила тебя из дома! Давно мечтала организовать совместный культурный досуг. Старуха запрещает ходить в театр, но мы ей не скажем ничего, правда? Что тут у нас показывают?

Смотрит программку.

Спектакль «Мнимая конструкция»... Режиссёр неизвестный, ну, ничего. Посмотрим, чем они нас удивят — да, любимый?

Кладёт голову на плечо тела Николая. Звучит третий звонок. Раздвигается бархатный занавес, начинается представление.

1. Рождение музыки из духа трагедии

На сцене кирпичная стена. Голубь на авансцене расстреливает её из пулемёта. Пули выбивают в стене чёрные квадраты окон. В окнах появляются дирижёры. Когда расстрел стены прекращается, дирижёры надевают костюмы чаек и по очереди выпрыгивают из окон. Пока чайки падают, отчаянно размахивая крыльями и

дирижёрскими палочками, звучит опера Винченцо Беллини «Сомнамбула». Когда последняя чайка падает, опера смолкает. Зтм.

2. Щекотка в солнечном сплетении

На заднике «Звездная ночь» Ван Гога. Постепенно картина розовеет. Звёзды вращаются, калейдоскоп ночи мерцает тёплыми оттенками. Из оркестровой ямы всплывают бутафорские глаза, смотрящие вверх. Их ресницы достигают в высоту середины картины. Из-за кулисы выплывает подвешенная на тросе очень толстая женщина в костюме феи. Она движется над ресницами к противоположной кулисе, размахивая волшебной палочкой и разбрасывая блёстки — «волшебную пыльцу». Сцену сопровождает «Полёт валькирий» Рихарда Вагнера. Ресницы задевают живот феи, она хихикает. Фея уплывает за кулису. Зтм.

3. Сопряжённые молчания

Пустыня. Песок сыпется сверху, образуя два бархана. Вдоль задней стенки один на другом стоят три огромных аквариума. В нижнем — краска цвета индиго, во втором — малиновое варенье, в верхнем — вода и большие экзотические рыбы. За верхним аквариумом находится прожектор, его свет направлен в зал. Звучит «The First Five Minutes after Death», Coil. Когда барханы достигают в высоту аквариума с малиновым вареньем, песок прекращает сыпаться. Из оркестровой ямы поднимается платформа, на которой, обнявшись, сидя спят черный мужчина и белая женщина. Музыка плавно перетекает в звук журчания ручья, ветер раздувает рыжие волосы женщины, которые оплетают паутиной всю пустыню. Ветер утихает, прожектор гаснет, звук замолкает. При вечернем освещении резко просыпается и вскакивает женщина. Она глотает ртом воздух, словно вынырнула с большой глубины. Задыхаясь, говорит:

— Я видела, как плыли туманы мутной пыли над дорогой. В подвалах псы скулили, и сны текли у Лили-недотроги. Но вдруг глаза открылись. Ужасное мгновенье пробужденья. Кровавым ожерельем её во сне душила цепь стихотворенья. Порочная с рожденья, с тех пор не поминала всеу Бога, в стихах не поминала. Молчала и писала о дороге.

Окончательно задыхается, падает. Зтм.

4. Исповедь Августина

Свет от белого задника ослепляет зал. Играет мелодия Фаустаса Латенаса — тема сцены «Лото» спектакля Юрия Бутусова «Чайка». В

центре на троне сидит девушка, облачённая в тогу. Над её головой летают потоки саранчи. Пахнет травами. Свет приглушается, девушка открывает глаза и произносит: «Я чайка». Она держится за спустившиеся кольца и поднимается над сценой. Прикреплённая к цепям тога также поднимается, на ней обнаруживается рисунок завода. Девушка и её облачение исчезают за колосниками. Музыка сменяется тиканьем часов, похожим на стук лошадиных копыт. За исчезнувшей тогой вновь открывшаяся сцена заставлена часами. На стульях сидят 12 человек с пёсыми головами и собирают часовые механизмы. Все часы одновременно замолкают. Люди-псы хором воют. Из-под колосников на них сыплются зелёные банкноты. Этм.

5. Обратная сторона веры

Звучит «Requiem» Бернда Алоиса Циммермана. Две очень белые женщины с яйцевидными головами и мышинными хвостами идут навстречу друг другу с разных сторон сцены. Одна по пути ощипывает гвоздику, другая — льёт молоко из крынки. Посреди сцены стоит большой магический шар, в котором смутно виднеются две фигуры мышей-монахов. Когда женщины подходят к нему, одна уже ощипала цветок, другая — вылила всё молоко. Они целуются, обмениваются артефактами и направляются дальше к противоположным кулисам. Скрываются за ними. Этм.

51

6. Исток материнства

В поле стоит фантастическое дерево смоковницы. Звучит композиция «Coco Rosie» — «Good Friday». На дереве гнездо из подушек, в котором лежит и плачет человеческий детёныш. На сцену выходит лев. Его пасть в крови, грива уложена в причёску, на лапах чулки в сетку. Лев ходит вокруг дерева, рычит на ребёнка, уходит. Освещение сменяется на ночное, в синем заднике загораются звёзды. К дереву выходит волчица, за ней ползут двое младенцев. Волчица воет, глядя на гнездо. Звездопад. Захлопывается гигантский капкан волчьей пасти, всё скрывается под синей тканью, которая прикреплена к нему, музыка замолкает. Этм.

7. Вальс Хачатуряна

Играет вальс Арама Хачатуряна к драме Лермонтова «Маскарад». Бродский сидит у стола с бокалом вина, смотрит на весенний венецианский пейзаж за окном. На столе ваза с засохшей мимозой. На стене висит картина Джорджо де Кирико «Меланхолия и мистерия улицы» размером с окно. Слышны поочерёдно: 1) детский смех и звук скачущего мяча; 2) звон трамвая; 3) женский крик; 4) звук лопнувшей струны. Мимо оцепеневшего у окна Бродского проходит танцующий

табор цыган, одетых по-зимнему. Барон ведёт на привязи медведя и разбрасывает во все стороны стеклянные цветы, которые, падая, разлетаются на множество осколков. Табор проходит. Зтм.

8. Апогей государственности

Тёмная изба. В красном углу горит лампадка. На грязном полу никак не может разрешиться роженица. С проклятьями Богу, Христу, Богоматери, она наконец рождает. Еле-еле поднимаясь с пола, баба оmyивает плод, кладёт его в горшок и засовывает в заранее затопленную печь. «Девять месяцев ждала мяса на ужин», — говорит она, накрывая на стол. Вдруг в избу врывается ангел на коне. Первым ударом копыт конь опрокидывает стол, вторым — разбивает печь, третьим — горшок, в котором плачет младенец. Ангел подхватывает ребёнка и скачет прочь из избы. Над сценой свешивается огромный маятник, который с каждым махом заносит снегом разгромленную избу и рыдающую в углу мать. Занавес.

3. Vox populi

Зрители поднимаются с мест и расходятся в полном недоумении. На балконе кто-то один отчаянно хлопает. Лиза берёт тело Николая и выходит вместе со всеми. Лиза сажает тело Николая за столиком в буфете. Запах пирожных. Через несколько секунд Лиза возвращается с двумя бокалами шампанского. Залпом выпивает свой бокал.

ЛИЗА: Ты что, не хочешь шампанское?

Залпом выпивает бокал Николая.

Если честно, Коля, я в шоке. Ты понял, что мы только что видели? Ну, хоть что-нибудь? Как это называется вообще?

Смотрит в программку.

Ах да, «Мнимая конструкция»! Вот именно. Мнимая, дутая величина, так и есть. Невероятно низкий уровень осмысленности. Театральные режиссеры совершенно разучились внятно излагать мысли. За десять лет не появилось ни-ко-го. Они это называют искусством?! Коля, я не знаю, что должно быть у человека в голове, чтобы делать такое. Что он курил? Режиссёр, конечно, думает, что он-то весь такой духовный, а мы, скот, пришли смотреть на его творение и ощущать свою ущербность. Мерзость чистой воды. Несколько пошлых мыслей

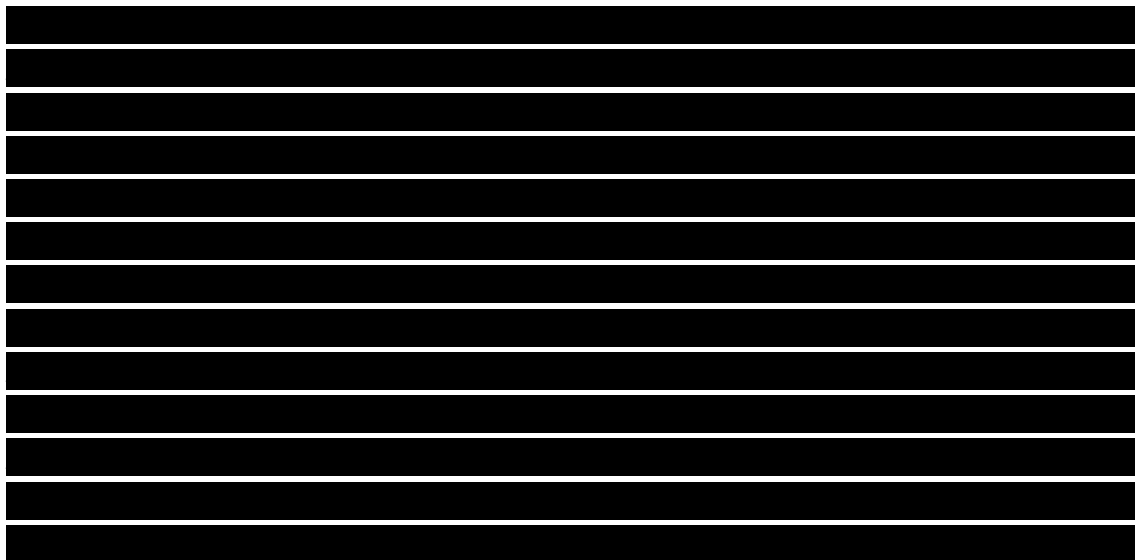
переживал с возможной извращённостью и называет своим ноу-хау. Но содержания-то тут — ноль, мокрое место! Где же чувства добрые, которые пробуждает его лира? Лично во мне пробудилось только одно желание — растоптать такое искусство немедленно. Не, ну насколько мы должны быть больны, чтобы молча глотать подобное дерьмо? И ведь кому-то нравится! Сумасшедший дом!

Коля, я, может, не понимаю чего? Несовременная, да? Объясни мне, если не так что говорю. Ну же! А. Я вижу. Ты презираешь меня, да? Уж конечно, тебе понравился этот шизофренический бред. Очень в твоём стиле. Отсутствие нормальных людей, жизни — всё это покорило твое сердце, да? А я имбецил просто! Ну, что молчим?! Ненавижу тебя, урод моральный! Таких, как ты, нужно отстреливать! Убивать! Чтобы вы людям не мешали. Психи все конченные. Ну, не нравится вам жить — так не живите. Чего же вы, несчастные, мучаетесь-то, да ещё и другим жизнь отравляете? Зачем заражать здоровых, полноценных людей? Вываливать на них эту мерзкую гниль?! Ненавижу, ненавижу! Твари, сдохните все! Сдохните!

53 *Убегает, разрывая зацепившееся за край стола платье. Сыплются красные блестки.*

4. Сон Лизы N2. Самоедство. Мультипликация

Лиза ходит по кухне в поисках еды. Она заглядывает в кастрюльки, банки, сковородки, гремит ящиками и дверцами шкафов, но ничего не может найти. Открывает холодильник — тоже пусто. Тогда она

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

1. Исповедь Старухи

28 февраля 2018 года. Комната Старухи. Затхлый запах старости. Всё в том же костюме клоуна Старуха лежит на перине высотой до потолка. Умирает. Лиза суетится, передвигается вокруг перины по специальной системе лестниц и канатов. Камеристка кормит и протирает больную, меняет ей подгузник, даёт лекарства, исполняет капризы.

СТАРУХА: Вот и подходит к концу последнее твоё испытание под кодовым названием «Хоспис». Жаль, что в феврале всего 28 дней. Я бы ещё пожила. Но пора. Дочка, ты весь декабрь ходила в Кунсткамеру слушать, что несут люди, глядя на смерть. Ты весь январь посещала лекции в морге, наблюдала, как волшебным, гармонично устроен человек и как сильно он непохож на себя после встречи со мной. Ты сильно изменилась, Лизонька, и за этот, третий месяц, когда ухаживала за больной старухой. Сегодня я покину тебя навсегда. Настало время выслушать мою предсмертную исповедь.

«Пластыри “Люцифер” — Ваш плотский животик!»... О чём это я? Да, исповедь.

У власти был злой царь, а я была молода и прекрасна, гораздо прекрасней, чем ты. Однажды вечером я надела своё самое красивое платье и пошла в театр. Отстояв очередь, сказала администратору:

— Один билет на Дон Жуана, пожалуйста.

Очень хотелось увидеть спектакль о нём, о Дон Жуане. Но администратор мне ответил:

— Вас на Дон Жуана не пуцую. Хотите на Иисуса Христа?

— Сами идите Вы на Иисуса Христа, — ответила я и пошла к окошку кассы.

— Последний, — вместе с билетом кинула мне в лицо билетёрша.

Спектакль можно было забрать в музей уродцев. Не было в нём Дона Жуана. Разочарованная, я повернула голову вправо... Мой сосед оказался в миллион раз театральнее, чем то, что творилось на сцене. Смесь Кена, Зорро и Супермена. Ковбойские туфли, рваные джинсы, рубаха, расстёгнутая до середины. В левой руке банка Колы, в правой... кисть девушки, сидящей рядом. Во взгляде — абсолютное блаженство от происходящего на сцене. Идиот.

Взгляд влево — мужик за 50, с толстым брюхом, в рыбацких шортах и в кепке. На шее доисторическая Нокия на шерстяном шнурке. На ногах носки и сандалии. Как он сюда попал? Он ёрзал, смеялся не к месту, что-то лепетал под нос, раскачиваясь взад-вперёд. Сначала думала, пьяный, но принялась — нет, не пахнет. Просто сумасшедший. «Рыбак» беспокойно тёр ладони о голые колени, надевал и снимал кепку, подтягивал носки... Всё время был чем-то занят. Меня охватил приступ паники. Я отодвинулась, насколько могла. И тут он резко выкрикнул на весь зал: «Старый пердун!» В шоке, я перевела взгляд на сцену, там пожилой актёр читал монолог Дона Луиса о падении нравов. И вот тут-то во мне что-то и щёлкнуло.

55

Я решила стать Госпожой Смерть. Сочинила образ старухи-клоуна-чиновницы, вжилась в роль. Изобрела ритуалы, сшила костюм, нанесла грим, украсила комнату... Повседневность превратилась в великолепный спектакль. Каждый миг наполнился музыкой и светом. Я стала выполнять сверхзадачу. Ты не представляешь, какие фокусы я только не вытворяла!..

Но, наверное, слишком увлеклась игрой. По непонятным причинам совершенно состарилась... Не знаю, может, дело в шариках, которые ела все эти годы. Сама над ними химичила. Секретная рецептура, кстати, в правом ящичке комода... Теперь вот — умираю. Так нелепо. Но я не боюсь. К телу равнодушна, а в смерть не верила никогда до конца. Нет её, Лиза. Меня нет. Сплошное надувательство. Но я ни о чём не жалею, пусть так.

Non! Rien de rien!...

Non! Je ne regrette rien!...

Зато всё было красиво. Один грех на душе — тебя ввела в заблуждение. Надеюсь, ты не слишком верила, что служишь камеристкой у самой Смерти? Мне не преемница нужна была, подруга. И деньги, кстати, что тебе платила — тоже ненастоящие.

Сама печатала. Извини. Я обыкновенная сумасшедшая, таких тысячи в этом городе. Признаюсь в этом тебе и себе самой. Каюсь.

Солёное, кислое, сладкое, горькое,
Зелёное, синее, красное, чёрное...

Старуха картинно умирает. Лиза плачет на её груди.

2. Манифест Лизы

Вечер того же дня. Лиза в костюме Старухи, с её причёской, в её короне и гриме. Она принесла тело Николая в дорогой ресторан, усадила за столик, села сама. Долго не могут подзвать официанта, который всё время пробегает мимо и как будто не замечает гостей. Запах жареного мяса.

ЛИЗА: Я хотела извиниться за ту ссору в буфете. Вкусное было шампанское. И крепкое.

Если честно, я бы вообще закрыла бы все театры. Не навсегда. Только чтобы очиститься. А за нарушение запрета расстреливала бы на Дворцовой Площади при скоплении народа. Очень полезно было бы для искусства. Через пару лет оно стало бы совсем иным.

Знаешь, ведь спектакль, что мы видели, ужасно дорогой. Конструкции подвесные, спецэффекты, механизмы.... А помнишь ту сцену, где деньги начали сыпаться с потолка? В моём государстве такого не было бы. Искусство должно быть бедным. И бесплатным. Необходимо изгнать коммерцию. Вернуть человека к мыслям о смерти. Только так он начнёт ценить жизнь и свободу. Вот введут цензуру — живо все вспомнят, о чем бы надо говорить, что делать. Это как война, только не так страшно.

Современное искусство нуждается в кардинальной терапии. Необходимо полное изгнание поп-культуры. Театра как развлечения, литературы как развлечения, кино как развлечения не должно существовать. Все и так слишком развлеклись. Отвлеклись от сути. Даже те, кто пытается вспомнить, зачем вообще всё это, — даже те не могут. Развлечение их крест. Стремление к радости их Голгофа.

Художник без боли — шарлатан. Он должен транслировать свою истину о мире. Если он говорит о сиюминутном, пусть идёт в журналистику. Если же он тоскует, если ищет Слово, но нем, то

должен творить. Если художник ставит вопросы, прислушайся к нему. Если с улыбкой на лице даёт готовые ответы, накажи.

Искусство должно быть омыто в крови и слезах. Только страдания помогут нам. Достоевский для культуры больше, чем Толстой, во столько же раз, во сколько смерть длиннее жизни. Во сколько мука целительнее, чем радость.

Официант! Нам сидеть тут до второго пришествия Христа?! Может быть, подойдёте наконец? Два стейка с кровью и бутылку самого дорогого вина. И счёт сразу. Спасибо.

Лица достаёт из кармана банку Старухи. Глокает пару шариков. Впадает в транс.

Я тоже была мертва. И жизни боялась больше, чем смерти. Меня моя воля вела, а не сердце. Я ставила цель — достигала её. Не знала желаний — не ведала счастья. Не зная потерь, не ведала горя. Теперь мне так больно. Старуха мертва. Её больше нет, зато я ожила. Сегодня мы встретились тут не случайно. Созрело решение, Коля. Его я сейчас объявляю.

57

Мы больше не вместе с тобой, теперь я приемница Смерти. Я в жизни впервые так сильно чего-то хочу. Ты можешь не спорить со мной. И не говори ничего. Созрела гроздь планов на Питер, пора бы их осуществлять. Нет времени больше на глупости. Прости, если можешь. Прощай.

Лица уходит. Официант обслуживает столик, кладёт возле тела Николая счёт.

ОФИЦИАНТ: Ваша еда, сэр. Ваш счёт, сэр.

Через пару минут официант проходит мимо столика. Видит, что еда не тронута.

ОФИЦИАНТ: Я могу Вас рассчитать, сэр?

Раскрывает счёт и ничего не видит внутри. В ужасе смотрит на тело Николая.

ОФИЦИАНТ: Боже мой! Да он мёртв!

Все присутствующие в ресторане оборачиваются в сторону тела — немая сцена.

3. Сон Лизы N3. Опыт исчезновения. Мультипликация

Светит солнце, Лиза идет после тяжелого дня у Старухи. Она очень устала, ей невыносимо сложно передвигаться в пространстве. Вдруг начинает накрапывать дождик. Лиза достает из сумки зонт. Дождь усиливается. К ноге Лизы прилипает мокрая газета. Лиза дергает ногой, но газета не отлипает. Лиза ускоряет шаг, дождь усиливается. На ноги прилипают еще две газеты. Молния, ветер вырывает из рук Лизы зонт. Лиза бежит под дождем, гремит гром, на нее обрушивается целый шквал мокрых газет. Газеты облепляют Лизу, она делает маленькие дырочки для глаз и бежит под ураганным ливнем к своему дому. Вбегая в квартиру, Лиза останавливается перед зеркалом и смеется.

ЛИЗА: Как будто кто-то решил сделать гигантское папье маше! Надеюсь, это будет не посмертная копия.

С газет натекла огромная лужа. Лиза сдирает с себя куски липкого покрова и бросает в лужу. Лужа с каждым куском растет, в ней появляются мелкие волны. Постепенно она перерастает в море. Лиза всё сдирает с себя мокрые листы газеты, но под каждым следующим обнаруживается еще один слой. Лиза отдирает маску от лица до тех пор, пока от газеты, а вместе с ней и от головы, ни остается одно мокрое место. Бумажное тело Лизы растворяется в бушующем океане, девушки больше нет. После шторма наступает штиль. На поверхности воды плавает газетная бумага. Постепенно ее всплывает все больше и больше. Через несколько секунд газета покрывает всю обозримую поверхность океана.

Конец

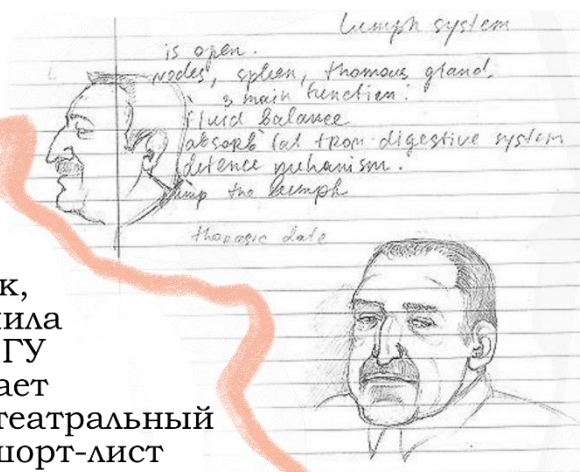
лето 2013 г.

АЛЕКСАНДРА СОЛДАТОВА

Прозаик, поэт, драматург.
Родилась в городе Пятигорск,
проживает в Москве. Окончила
факультет Журналистики МГУ
им. М.В. Ломоносова. Работает
фотографом, в прошлом — театральным
критик. Пьеса «3x4» вошла шорт-лист
конкурса «Ремарка»-2016, рассказы
публиковались в журналах «Формаслов»
и «Пашня».

Фото: Елена Трифонова

59

НЕЖНОСТЬ

Экспрессионистская монопьеса

Действующие лица:

НЕКТО — лысый мужчина сорока лет, в черном котелке, строгом черном костюме, белая рубашка, черный галстук.

Сцена представляет собой ограниченное пространство: белое гляцевое полотно натянуто с трех сторон (сзади и по бокам героя). Пространство заполнено натянутыми с разных сторон и углов красными нитями. В центре — красная лавочка, на ней сидит Некто.

НЕКТО (*кричит*): Люди! Лююдиии! Толпаааа!

Я же вас вижу всех! Сколько ещё? Вы хотели знак? Получите! Это ваш знак. Ваш знак это я — плачущий на полу у вас под ногами! Я ваш знак, сегодня вы сделаете то, что давно хотели!

60

(Он же, но спокойно): По статистике, которую я сам и составил, все хотят обычно двух вещей. Если вам кажется, что ваша цель едина, то это лишь иллюзия. Сегодня вы ждёте знака для одного, а завтра уже для другого. Хотите признаться кому-то в любви или хотите выпрыгнуть из окна? Ваш выбор, ваш знак. И настоящая рулетка здесь отнюдь не само появление знака, а то, чего же вы захотите больше сегодня. Потому...

(Кричит): Толпа! Люди! Люди! Всем остановиться!

(Спокойно): Я тебе никогда не говорил, что ты прекрасна? Ты. Организм. Я ценю тебя как одно целое, как концепт, как всеобъемлющее, как производящую, как внимающую. Наша с тобой любовь уникальна и некрасива. Она извилистая, скользкая, её слышно издалека, о ней звонят, о ней кричат.

(Кричит): Люди! Люди! Толпа! Я тебя люблю, люблю тебя! Моя ты, моя ты!

Окликни меня! Обернись на меня! Дай мне снова окунуться в тебя, дай удариться плечом, наступи мне на ногу, отпихни рукой и даже не посмотри, что натворила! Обернись на меня!

(Спокойно): Как было это, когда мы с тобой были вместе? А ты теперь молчишь и ничего для меня ты не оставила, только какие-то отрывки разговоров, на кой чёрт они мне? На кой чёрт мне ТЫ? *(Срываясь на крик)* Куда теперь мне? Меня рано было отпускать, рано! Впусти, и мы поговорим! Впусти и всё! Грубая. Неотёсанная ты.

Даже будь ты четырежды нежна, ты не поймёшь. Только склонив свою голову над людскими страстями, ты поймёшь их тошнотное бултыхание в одном-единственном стакане. Каждый тогда тебе будет понятен и равновесие между каждой каплей. Тебе будет понятно всё. Когда одна приближается ко дну, обязательно будет другая, которая будет успешнее остальных стремиться просто вывалиться из стакана. Глядя на эту драму, ты можешь на секунду заволноваться вместе с ней. Но не стоит терять равновесия, скоро вся конструкция из капель качнётся обратно и произойдёт маленький переворот. Не мне объяснять тебе это. Как малое становится большим, а большое малым.

61 Даже будь ты трижды нежна, ты не поймёшь. Ты можешь не всматриваться. Ты можешь вечно смотреть общо, никогда не глядеть глубже и видеть только первых. Не частное, не одиночное, не единственное. Но единое. Частности могут портить твою целостность, твою размазанную однобокость, твою воображаемую правдивость. Заяви ты о своей раздробленности, всё вокруг обвинит тебя в слабости. Позор. Тебе будут кричать 'позор'. Одним большим общим тебе закричат 'позор'.

Даже будь ты дважды нежна, ты не поймёшь. Твой метод — завлекать. Ширить твой кулак и мозжить им всё, что для тебя станет невыгодным. Будь ты хороша или плоха, любая благодать будет тобой извращена. Ты — неминуемая катастрофа. Красный код. Код красный. Распространяется сирена, отрезвляющая сирена. Твоя задача — делать так, чтобы частное было избирательно глухим и одновременно чутким в распознавании любого колебания, любого отклонения от единения.

Даже будь ты нежна. Хотя раз. Нежность есть твой невозможный смысл. Всякий раз, когда ты берёшь эту тонкую идею в свои неуклюжие культы, она сразу же падает обратно на стол. Тебе неинтересно. Твой удел — это стакан. Он стоит рядом, ты обращаешь на него свой пытливым взгляд и не смеешь оторваться от него. Пялишься, пока не станет очевидным каждый механизм, пока не настанет время долить воды.

ТОЛПА!

На станции плачет женщина. Согнулась в три погибели, обернула голову коленями, а глаза вдавила в череп ладонями. Ничего не слышу, ничего не вижу. Я несусь быстро к переходу и успеваю увидеть, как к ней подходит другая девушка и кладет ей на скрюченную в припадке спину руку. Они выглядели так по-разному, но так логично дополняли друг друга. Они представлялись мне отдельно от своей одежды и цвета волос. Они были абсолютными звеньями цепи нежности. Утешение для многих из частных очень болезненно, унижительно. Жалость и сочувствие приравнивается к слабости. Но разве это правильно? Как может быть слабым человек, который смог принять тяжелое бремя страдания, решивший мужественно стоять на его пути в ожидании большой беды? Бесстрашные, отчаянные частности карабкаются сами себе на голову, чтобы показать свою мощь. Она положила ей руку на спину. Очень легкая рука. Такому бременю ни к чему дополнительная тяжесть.

Если подумать, то, наверное, нежность всегда начинается с облегчения бремени, каким бы оно ни было. Потому маленький мальчик берет у девочки портфель. И не потому, что она слабая или маленькая, а чтобы облегчить бремя. Может быть, ему самому легче, когда ей свободней в плечах.

толпа... что ты помнишь про них?

(На экране):

1. Я очень люблю делать сюрпризы
2. Однажды я хотел сделать сюрприз
3. Потом у меня не получилось.
4. Мне пришлось сказать, ну знаете
5. Чтобы не проебаться
6. Проебался
7. Я просто люблю праздники
8. Очень
9. Мне не надо, чтобы мои подарки превращались в какую-то грязь.
10. Я ведь думал об этом три месяца.
11. Все думают за два дня до, а я за три месяца. Хорошо же?
12. Только теперь это незаметно совсем. Стою, пялюсь на коробку, как долбоеб.
13. Зачем?

14. Чтобы мою заботу увидели, могли её почувствовать. Через обертку ощутить, как сильно я их люблю. Прямо также сильно, как красиво завязан этот милый бантик. Он завязан ровно, почти идеально, почему это плохо?

15. Я хотел всего лишь из всех дней в году внести в один из них, раз уж он праздник, хоть нотку неожиданности, хоть каплю внезапности и радости, которая взялась бы будто бы из ниоткуда.

16. Я так устал обо всем знать

17. Знать и со всем мириться

18. Я не хотел, но мне сказали

19. Эй

20. Хватит

21. Чего ты драматизируешь?

22. Да ничего, вроде

23. Устал

24. Не люблю праздники просто

25. Я опять приду просто пить

26. Но я соврал. Я люблю праздники

27. Но любить что-то с такой же детской наивностью — это надо постараться. Нужно мужество, которое есть только у детей

28. Противиться словам тех, кто не особо понимает твою любовь.

29. Не принимает

30. Не понимает

31. Но праздники я люблю до сих пор

32. И справляю их один

Нет! Я не хочу! Что? Не буду, нет. Лука меньше. Ты же помнишь? Кубиками надо. По часовой. Сколько? Ты больная? Достаточно. Может, перестанешь?

С чем помочь? Не слышно тебя! Не слышно, говорю! Мать твою, это я глухой, или ты там немая? Сама теперь давай. Поздно! Да, да, поздно!

Ладно, извини. Извини, говорю! Вот и всё! Это я-то? Сама иди! Пизди больше, ага, я тебя не слышу.

Так тебе удобно?

ТОЛПА! Не кричи на меня, когда я говорю с тобой! Не моё дело, что ты не рада мне. Как же хочется заключить тебя в свои руки, провести по твоим щекам внешней стороной ладони, вечно сравнивая тебя по мягкости и легкости с кашемировым платком! Когда же этот платок успел превратиться в свинцовый пласт? Он теперь не медленно стекает с тебя, а падает перед тобой, как тюремные ворота. А мне

что? Твоему величайшему любовнику? Кому, как не мне, валяться здесь, а? Ты ещё не понимаешь мою важность, но ты поймёшь.

Опять ты хочешь, чтобы всё было только тебе. Ты всегда только себе и для себя. Куда уж остальным смертным! Получаются же такие. Ты всегда учила меня одному: другие всегда важнее. В момент, когда ты сам не можешь себя обеспечить необходимым, только другие дадут тебе это. А отвернувшись от людей, кто мы? Человек — социальное существо, а ты говоришь так, будто я вырос и мимо социума. Ты хотела, чтобы я был частью всего того, что есть вокруг, а не замыкался на себе. Тем более, что сам из себя не представлял ничего. «От него не исходит ни угроз, ни благ. До сих пор беспомощное дитя. Мальчишка».

Мило, правда? Да что ты, великая, широкоплечая можешь сделать со мной? А?

Я часто срывался. Я часто кричу вообще и очень часто не сплю. Кричу, наверное, потому же, от недосыпа.

Спустя много очень долгих ночей я понял, что моя ярость не является чем-то моим, идущим из меня. Я не утешаю себя. Я видел остальных. Этого оказалось достаточно, чтобы откреститься от тянущего меня вверх прямо за щиколотку чувства. Я ёрзал, извивался, искажал своё лицо в неясной для меня эмоции, пока у меня не начинало щемить рёбра. А потом я увидел, что это не для меня.

Мне надо оборвать последнее, что связывает меня с этим вязким чувством. Я клянусь, это не потому, что я плохой человек. Я просто устал, и ты никогда не заметишь меня теперь.

ТОЛПА!

Теперь я достаточно нежен к тебе? Я теперь для тебя гожусь, сукина дочь? Расчистила мне место уже? А? Нравится же тебе, черт тебя дери, нравится, нравится, больше, больше, А? Поднял руку и сразу понравился. *(Параллельный видеоряд: рука на уроке, кто-то машет рукой человеку в толпе, и прочее подобное вперемешку со сценами рукоприкладства)*

Теперь то ты будешь слушать. Люби и благоговей, тихо пади ниц и слушай. Люби и благоговей. Проваливай к чертям.

2019 г.

АРИНА ИЗМАЙЛОВА

Родилась и живу в Москве.
Работаю редактором, пишу
пьесы, инсценировки, играю
в спектаклях, а ещё делаю
документалки для нашего
творческого объединения.

65

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ (монопъеса)

И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой».
Н.В. Гоголь «Шинель»

ДЕВОЧКА СЛУШАТЕЛЬ ГОЛОСА

Столовая на окраине города. Интерьер точно такой же, как и во всех заведениях данного типа: стены зашиты дешевыми пластиковыми панелями «под мрамор», большие окна занавешены ламбрекенами с кистями. Чисто. Возле окон два ряда сдвинутых вместе столов, чуть дальше — сверкающие хромированные доспехи раздачи с тарелками, стыдливо прикрытыми пищевой пленкой. Рядом с раздачей еще несколько столиков, за ними люди: в основном это постоянные посетители из ближайших офисов. Они быстро жуют, относят грязную посуду к тумбе, на которой скотчем приклеена распечатка «Грязное», снимают куртки с переполненной рогатой вешалки и уходят, не обращая внимания на происходящее.

На сдвинутых столах нет вилок и соли, зато по центру горделиво возвышаются горы узелков с повидлом и рыбных пирогов, распространяющих вокруг себя умопомрачительный аромат. Рядом с ними — несколько тарелок с кутьей. Рис недоварен.

Народа немного, все в черном. Над столами стоит обычный гул голосов, изредка слышится надрывный плач. Возле полной, еще не старой заплаканной женщины, стоит портрет, к которому она иногда склоняется в каком-то полубреду. На портрете — девушка лет семнадцати.

Все едят.

ДЕВОЧКА: Пока на кладбище были, я думала, что тоже помру. Так холодно. В автобус села, к тетке какой-то прижалась, типа, плачу, а сама в ее шубу уткнулась и греюсь. Она смешная такая. Тётка, в смысле, не шуба: гладит меня, утешает, говорит, типа, ничего, ничего, ты за Алю поживешь, ты молодая, все впереди. Алька тоже молодая была, и че? Она еще младше меня. Ее к нам из детской городской перевели, как только восемнадцать исполнилось. Смотри, какой портрет красивый. Это она еще до болезни, еще нормальная. Специально, наверное, такую фотку подобрали, чтобы не стыдно

было. Ее мама так и говорила: «Мне стыдно, Аля, за твой внешний вид». Я помню, она приезжала всё время по воскресеньям, привозила всякое, сидела с Алькой в палате, а как телефон зазвонит, отвечала, типа, в магазине, или, там, по делам поехала, и никогда не говорила, что у дочери. Да я ничего не говорю, это нормально, кому о таком захочется знакомым болтать. А сейчас уже и незачем, нет Альки. Из-за чего — не важно, просто нет, и всё.

СЛУШАТЕЛЬ: Поешь кутьи. Так принято.

Официантка расставляет перед людьми тарелки с дымящимся рассольником. Девочка внимательно смотрит в тарелку, шевелит содержимое ложкой, потом вылавливает кусочек соленого огурца.

ДЕВОЧКА: Вот ты знаешь, сколько калорий в огурце? Пятнадцать. Но если счистить с него кожуру — двенадцать. Видишь, какая большая разница? Три калории — это чашка кофе. Я ведь считать никогда не умела. Ладно, еще начальная школа, всякие там палочки-вычиталочки, но после пятого класса — жуть просто. Деление, умножение. Ну, ты поняла. Уравнения вообще за гранью фантастики. Помню, классе в шестом нам задали задачку про лампочки. Какой-то завод выпустил кучу этих гребаных лампочек, и нужно было в срочном порядке распределить их по партиям в процентном соотношении. Я ведь три часа сидела, уже блевать хотелось от этих лампочек, а они всё не делились, не делились. Меня тогда отец лицом в тетрадку натыкал, как кошку-зассанку. Не, он у меня нормальный, самый лучший, просто тогда терпения не хватило. И я сижу над тетрадкой, где только условие задачи написано, а на буквы с цифрами кровь капает.

Если бы не алгебра, была бы отличницей. Знаешь, про таких говорят, что ума на небе отсыпали, а про красоту забыли. Либо ты умный, либо симпатичный, третьего не дано, особенно в школе. Там ведь вообще капец. Нащупают слабое место и бьют туда, а ты либо бьешь в ответ, либо ломаешься, как все мы. Ну, или шутку какую-то пробросят, им ничего, а у тебя — дыра в сердце. Вон, видишь, паренек сидит? Мы лично не знакомы, но это — Никита, я знаю, Алька фотку показывала. Одноклассник ее бывший, любовь на веки вечные. Она тогда рассказала, с чего всё началось. У них был выпускной из девятого, выпили все, Аля расхрабрилась и подошла, чтобы сказать, что сохнет по нему, а он что-то вроде «ой, пончик, тебе еще налить?». Она, конечно, все свои признания проглотила. А

«пончика» запомнила и решила, что никто и никогда больше так ее не назовет. И вот сидит этот Никита сейчас, рассольник ест, а Альки нет.

Из-за стола встает высокий мужчина, еще не старьй, но с усталыми ввалившимися глазами, поднимает стопку водки.

МУЖЧИНА: Принято что-то говорить.

Гул голосов постепенно стихает. Лица людей приобретают серьезные выражения, звенят бутылки. Разливают водку.

МУЖЧИНА: Мы сегодня Алю поминаем. Дочку нашу.

Видно, что мужчине очень трудно говорить, он кладет руку на плечо сидящей рядом женщины, которая отупело гладит портрет с черной лентой.

МУЖЧИНА: Она была хорошей девочкой. Умной. Такой и останется навсегда. Алечка наша, красавица. Я не знаю, почему так... Может быть, мы виноваты, недоглядели, не приласкали, когда нужно было... Да что теперь-то... Нет нашей Али... Теперь успокоилась, спит. Она спала плохо... Теперь спит... Вы пейте, ешьте. За нее.

68

Мужчина тяжело опускается на стул и закрывает ладонями глаза.

ДЕВОЧКА (тихо): Мне папа тоже всегда говорил, что я самая умная и красивая, и что мне просто завидуют. Он меня так любил, что просто не видел того, что другие видели, и врал. Даже не мне врал, а себе в первую очередь. А я не была ни умной, ни красивой: я толстой была. Это мило и прикольно, когда ты маленький. Едешь в садик на санках, а из шапки по бокам щеки свисают. Не прикольно становится, когда эти же щеки не влезают в кадр на общей школьной фотографии. В школе был пиздец, отвечаю. В седьмом классе мне прислали петицию, которая, блин, мне жизнь сломала. Ее весь класс подписал. С нами училась Ленка, мы дружили. А потом Ленка поняла, что я — ее главный конкурент в борьбе за звание гордости класса. Мы подрались сильно. А потом мне на парту кинули мятую бумажку. Не скажу точно, что они мне написали: типа, приказывали уйти из их класса, все такое, но одну фразу, блин, на всю жизнь запомню. Свинье не суждено худеть. И подписи всего класса. Прикинь, да? Тогда шума много было, отец в школу приходил, а че толку? Начался бойкот. Сказали: «ты для нас умерла». И я ведь правда умерла. Я молчала. Я на автомате вставала утром, шла в школу, там сидела эти сраные

шесть уроков, каждую, блин, перемену стоя у стены и делая вид, что мне очень интересна гребаная история или физика. Это продолжалось два года.

Я не плакала. Я никогда не плакала. Меня научил отец. Он говорил со мной обо всем, что интересно девочкам в этом возрасте, он учил меня всему, что должны знать мальчики. И всегда, слышишь, всегда говорил мне, что я лучшая. Что мне завидуют. Я верила, потому что просто хотела верить.

Официантка забирает несъеденный девочкин суп, вместо него ставит на стол тарелку с пюре и котлетой. Девочка ковыряется в тарелке, измельчает суповой ложкой котлету на мелкие кусочки, размазывает пюре от центра к краям.

ГОЛОС 1: А что случилось-то?...

ГОЛОС 2: Ну, говорят, болела она чем-то.

ГОЛОС 1: Рак?!

ГОЛОС 2: Может, и рак. Она в больнице лежала, дома не появлялась в последнее время, а потом ее отец домой привез. Она из машины во дворе вылезает — я чуть с окна не упала, там не человек — скелетик, прости господи, в чем душа держится...

ГОЛОС 1: Не удержалась... Отлетела...

ГОЛОС 3: Вы пюре кушайте, пожалуйста.

ГОЛОС 2: Передайте расстегай. Я домой возьму.

69

СЛУШАТЕЛЬ: Господи, упокой душу рабы твоя Алевтины...

ДЕВОЧКА: У нас было, как в анекдотах, знаешь? Типа, собрались как-то вместе немец, хохол и русский. Аля Байч, Светка Антипенко и я, Иванова. Первой Светка была, она уже бывалая, всё знает. Потом меня мать привезла. Пока анализы сдавала, пока с врачом говорили, туда-сюда, матери на работу надо. Она меня обняла, что-то там про ответственность сказала и уехала. Медсестра мне рассказала, что и где, потом палату показала и тоже куда-то свалила. Я захожу, а там Светка. Она шикарная, конечно. По ней сразу видно, что у родителей бабки есть: пижама клевая, красная, с зайцами, айфон, макбук, волосы белые.

Светка, как меня увидела, передернулась вся. Да понятно: жила в палате одна, как королева, а тут еще кого-то поделяют. Ну, так-то она ничего не сказала, тумбочку освободила. Я начала сумку раскладывать, а там баунти — это мама, видимо, подкинула. Шоколадку на тумбочку кладу и внезапно офигеваю. Светку на

кровати подбросило, орет: «убери нахрен это дерьмо», сама красная, как пижама, подскочила ко мне, я даже отшатнулась, думала — всечет мне, а она шоколадку схватила и в форточку вышвырнула. Поворачивается, а у нее аж губы дрожат.

Потом успокоилась. Мы про баунти даже разговаривать не стали, просто сделали вид, что не было ничего. Познакомились. У нее и вправду родители оказались какими-то там крутыми, сами в Москве, а Светка здесь, с бабушкой. Они деньги присылают, а на каникулах Светка к ним мотается. Она говорила, что ей на мать с отцом по большей части насрать. Говорила, типа «Мне на них пофигу. У них бизнес, дела. Мать в салонах просиживает и бухает по вечерам, из Инстаграма¹ не вылезает, отец секретарш своих потрахивает, я деньги трачу — всем хорошо». Ей однажды бабушка сказала, что отец собрался прилететь ненадолго, так Света, когда ходили курить, всё на календарь в коридоре поглядывала, ждала, а как узнала, что у него что-то там не срослось, сначала полчаса в туалете редела, а потом еще неделю забастовки устраивала. Ну, таблетки не пила, врачу на групповой терапии грубила и в итоге в палате окно расхреначила. Еще орала: «Звоните матери с батей, пусть приезжают оплачивать». Они не приехали.

Алю через месяц к нам подселили. Она сначала молчала долго. Всё лежала носом к стенке, а мы и не трогали: тут каждый со своими тараканами, захочет — расскажет. К тому же, Алька самой младшей оказалась, побаивалась нас. Потом ничего, отошла. Рассказала про Никиту этого. Светка сказала, что пошел он в жопу, что Аля — красотка, и что лучше одной быть — проблем меньше.

Мы сдружились. Это ведь как в детском лагере, всё делаете вместе, по команде, по расписанию, только вместо вожаток — медсестры, а вместо вечерних дискотек — арт-терапия. Ну, или кино какое-нибудь.

Дни шли одинаково. Подъем. Физиотерапия. Завтрак. Второй завтрак. Свободное время. Обед. Полдник. Ужин. Второй ужин. У каждого — свое меню, все рассчитано. Это тяжело. Ты месяцами взвешиваешь, считаешь до грамма, а тебе приносят тарелку еды, и эту еду ты должен съесть, тщательно пережевывая. Никто, конечно, тебе не скажет, сколько калорий в порции, но сюда попадают ведь самые прошаренные, которые даже на глаз могут прикинуть, что почем. И у всех, я клянусь, после еды есть лишь одно желание — пойти и выbleвать всё. И именно поэтому никто не имеет права после еды куда-то отлучиться, и ты сидишь эти сраные полтора часа, и ждешь,

---

¹ Принадлежит компании Meta, признанной на территории РФ экстремистской.

ждешь, пока все усвоится и переварится, ждешь, пока все белки, жиры, углеводы, блин, пойдут тебе на пользу.

А потом случилось то, что случилось.

Кажется, это было в начале февраля.

Мы втроем пошли в туалет покурить. Стоим, языками чешем, Алька ленту в Инсте листает, и тут ее как будто кто по башке стукнул: я впервые в жизни видела, как с лица все краски разом пропадают, она даже как будто уменьшилась вся. Стоит, у нее сигарета уже по фильтру тлеет, а она в телефон глазами залипла. Я ей через плечо заглядываю, думала, может дома что не так, а там на фотке Никита этот с какой-то тёлкой в обнимку. И самое стремное, что счастливые такие, улыбаются, внизу смайлики-поцелуи и сердечки. Алька в слезы. Я ей: «Аля, ну не надо, мало мужиков, или че?», а сама понимаю, что для нее никого, кроме этого сраного Никиты, нету. Ее как заклинило: «Я люблю его, люблю». А Светка молчала-молчала, а потом как выдаст: «Ты че ревешь? Люблю — трамвай куплю. Много от твоего рева пользы будет?» Она у Альки телефон забрала, фотке этой лайк поставила и пост прочитала. В Алькиной школе ко Дню Святого Валентина устраивают дискотеку, приглашаются все желающие. И тут у Светки даже глаза загорелись. Не ссы, говорит, Алька, мы бабу эту за пояс заткнем, а Никита твой еще у тебя в ногах валяться будет!

71

СЛУШАТЕЛЬ: Компот будешь?

Поминки становятся шумнее. Алин отец захмелел, он рассказывает кому-то про то, как Аля любила Новый год и розового зайца, которого он привез ей в пять лет из Минска. Мама Али раскачивается из стороны в сторону. Одноклассники Али уже ушли. Люди пьют и едят.

ДЕВОЧКА: Светкин безумный план нас захватил. Я смутно представляла себе, как можно свалить под вечер из больницы, но почему-то верила в то, что всё должно получиться. В конце-то концов, мы не лохушки какие, мы ведь тоже достойны хоть раз побыть нормальными девчонками: чтобы наряды всякие, прически, селфи, чтобы пацаны на нас смотрели и думали, типа, нифига себе.

Знаешь, однажды, когда мне было лет четырнадцать, черт меня понес на свиданку. Тогда все знакомились почти вслепую, по аське, и ты шел на встречу, гадая: красота неземная тебя встретит или крокодил черномыльский. Я собиралась часа три. Брови выщипала, косицу свою крысиную расплела, реснички намазюкала. Забились у остановки. Я туда летела, как нимфа рассветная, уже предчувствуя,

какой волной восхищения меня обдаст мой потенциальный ухажер, когда увидит. Прилетаю я на эту сраную остановку на крыльях любви. Там стоит чучело в трико, вокруг полбайкала наплевано, в ручках потных мобилу теребит. Херово, конечно, но на безрыбье и чучело — мужик. Привет, говорю. Я это. А он молчит. На лице — вся скорбь еврейского народа. Потом-таки разродился. Говорит, ага, привет, и такой сразу: а сколько ты весишь? У меня в сердце все купидоны попадали куда-то в район левой пятки. Не знаю, сколько. Вру, конечно. Чучело мне говорит: ну, типа, я же вижу, что больше пятидесяти килограммов. И вот в тот момент у меня на мозгах эту цифру как будто кто-то горячим клеймом выжиг. И вот этот ожог... Не болел он до поры до времени. Не болел. А потом, знаешь, как будто заразу какую в него подселили, когда нарыв сначала просто болит, а потом гнить начинает.

И вот знаешь, с тех пор картинка в голове зависла. Может быть, как раз такие картинки мечтами и называют: ты ее прям до мелочей представляешь и веришь, что когда-нибудь оно по правде случится. Я всё думала, как однажды прихожу на какую-нибудь вечеринку, а там все: и Ленка эта придурочная, и парни из параллели, которые меня чмырили, и все-все, кто меня обижал. И я. Стройная, волосы такие... ну, как у Светки, белые, и платье. Только чтобы обязательно в обтяжку. Понятно, что еще туфли, макияж, сумочка модная. И все эти козлы вонючие сразу в шоке. Не узнают, шепчутся, значит, типа, кто это такая красивая? А я им: «Да вы че, козлы вонючие, не узнали? Это я, ваша Иванова. Помните такую?»

И вот эта мечта близко совсем, стоит только продумать всё, как следует. И пусть, что там Алькины одноклассники будут, а не мои. Это, на самом деле, не важно, потому что платье с пайетками я уже заказала.

Нам повезло, что врач хороший. Он, конечно, загоняет пургу про принятие себя, про внутренний мир, красоту и всё такое, но в остальном нормальный мужик. Мы к нему сразу пошли. Заходим все втроем в кабинет, он сразу понял, что мы либо жаловаться, либо что-то вымогать. Говорит, заходите, девочки, присаживайтесь, что случилось? А у нас же Светка как бы старшая, так что мы с Алей молчим, а она начинает: «Юрий Михалыч, вот вы же тоже когда-то молодым были...» Я думаю, что ты, Светка, несешь, он и сейчас не старый, еще обидится и вообще ничего не разрешит. А тот вроде ничего, улыбается. Я и говорю, нормальный мужик. Светка дальше: «Юрий Михалыч, у Али в школе дискотека будет на День Святого Валентина, мы так хотим пойти. Нам ненадолго, всего на пару часов. Отпустите нас, пожалуйста». Врач очки поправил, задумался что-то, сидит, карандашиком по столу тукает, а мы втроем сидим напротив

него, и сердечки так же «тук-тук-тук». У меня и так руки всегда холодные, а тут вообще ледяными стали, Аля кончик косы в рот запустила и жует от нервов.

Михалыч долго молчал. Потом карандаш отложил, очки снял и пальцы в замочек сцепил, и начал: «Девочки, я всё понимаю». Я сразу подумала, что не разрешит, потому что после «всё понимаю» обычно идет «но», и дальше уже дохлый номер. Я, говорит, всё понимаю, но сам вас отпустить не могу, здесь же больница особого толка. Вот если бы за вас родители поручились... Тогда запросто. Позвоните, расскажите всё, а родные пусть мне перезвонят и дадут устное согласие».

Нам с Алькой вообще напрягаться не пришлось. У нее родители адекватные, мои вроде бы тоже, ну, поломались немного, душеспасительные беседы провели и согласились. А вот со Светкой заминка вышла. Я еще у Михалыча в кабинете заметила, как она скуксилась, но не поняла, почему конкретно. А потом дошло.

«Никаких дискотек! Там шалавы и наркоманы одни марихуанной своей обколются и трясутся под музыку. Мать шалавистая, и ты туда же? Намажешься, сиськи-письки наружу выставишь, а мне потом правнуков на себе тянуть, как тебя тяну? Лежишь в больнице из-за дурасти своей, вот и лежи, неча по притонам шлаться» — Это Светкина бабушка ей сказала. Мы с Алькой всё слышали, потому что Света громкую связь включила. Она расстроилась, конечно. Отцу и маме звонить пробовала, мама сказала спросить у бабушки, а отец вообще трубку не взял, так Света его в голосовом сообщении послала в жопу, а маме с бабкой позвонила по второму разу и тоже их в жопу послала.

Я, говорит, девки, всё равно с вами пойду, хоть из окна выпрыгнуть придется.

Поминки заканчиваются. Сначала уводят Алину маму, которая от горя тихо подвывает на одной ноте, потом и пьяного в стельку отца. Присутствующие начинают сливать недоеденный суп в трехлитровую банку. Во вторую — утрамбовывать несъеденные котлеты и пюре. Рыбные пироги и узелки с повидлом заворачивают в газеты. Водки нет. Выпили всю.

ГОЛОС 1: Сколько еды осталось.

ГОЛОС 2: Красивая Алечка была, такая добрая, упокой Господь душу...

ГОЛОС 3: Какой холод на улице. Конец февраля, а так холодно.

ДЕВОЧКА: Мы еле дождалась, когда там уже 14 число наступит. Платья заказали в Интернете. Я — серебряное в пайетках, Светка — черное с разрезами, Аля — розовое. У него еще юбка такая пышная, почти как у балерин, а сверху стразы. Светка еще ржала, типа, Алька в нем на тортик похожа, а я в своём — на диско-шар, но я так не думала. Нам курьер прямо в больницу посылку принес, мы на вахту с медсестрой спустились и забрали. Нам так-то нельзя этаж без медсестры покидать. Вообще, наверное, это и правильно: тут у людей в головах винегрет вместо мозгов, мало ли, что там удумаешь — ну, вскрыться там, поплевать, руки порезать. Всякое бывало. Светка рассказывала, что тут одна, еще до нас, пыталась на поясе от халата удавиться.

Ну и вот. Мы после обеда прямо в холле краситься сели. Нас Юрий Михалыч как увидел — обалдел, конечно. Ничего себе, говорит, какие у меня здесь красавицы появились... Конечно. Аля, вообще, как с обложки получилась: глазки подвела, тени розовые сделала, губки блеском накрашила, а медсестра ей волосы завилла и волнами уложила. Принцесса. Света, конечно, выпендрилась: такой боевой смоки айс навела, что веки стало тяжело поднимать. И еще чуть не спалилась, ей Юрий Михалыч говорит: «Света, а ты чего собираешься, бабушка же не отпустила», а она ему «Да я так, за компанию с девочками. Мне, типа, нельзя краситься, или че?» Ну, Михалыч отвалил, потому что знает, что Светку нервировать не надо, все же помнят, как она окно расхреначила на эмоциях.

Когда платья надели, поняли, что с размером не очень вышло. Большие. Хотя и не удивительно, меньше XXS и не найдешь: на таких, как мы, не шьют. Но, в принципе, мы всё равно довольны остались.

Света, чтобы не палиться, одеваться не стала, зато упростила медсестру пустить нас в ординаторскую, где большое зеркало стоит. Упростила, потому что нам зеркал не дают, нельзя.

И вот, заходим мы в эту ординаторскую, подходим к зеркалу, а у меня сердце готово выпрыгнуть. Как-то получилось, что даже за руки взялись и прижались втроем друг к другу.

Аля говорит почему-то шепотом: «Ой, девочки, я никогда еще такой красивой не была...», а я молчу, потому что знаю, что если начну говорить, то слезы побегут, и макияж весь испортится. Да, Аля, мы красивые. Мы такие красивые...

Когда мы у сестры-хозяйки верхнюю одежду получали, то я Светкин пуховик тоже втихушку забрала. Просто в свой завернула и вынесла, а Алька в пакет ее кроссы запихнула и своими вещами прикрыла.

В столовой почти не осталось людей. Столы пустые, только за одним из них остается сидеть очень худая девочка в черном.

ДЕВОЧКА: Мы в школу на такси приехали. Вышли из больницы с Алей, сели в машину и сказали, чтобы за угол заехал и постоял немного. Светка минут через 10 появилась с пожарного выхода. Он всегда открыт, всё по правилам, но там еще решетка, ее Михалыч сам перед своим уходом запирает и ключ медсестрам отдает. Так вот, Светка сказала, что в туалет, а сама вещи через решетку пропихнула и сама протиснулась. Таксист сначала уперся, мол, не повезу, сидеть за вас не буду, но мы его чуть ли не на коленях упрашивать начали.

Школа у Альки обычная, таких в каждом районе по пять штук. На крыльце пацаны какие-то курят с девчонками. Девки все понтовые, конечно: каблуки, декольте, и пофиг, что середина февраля. Нам-то со Светой насрать, кто там понтовый, мы уже собрались из машины выходить. А Аля говорит: «Ой, девки, подождите, мне как-то не по себе стало, давайте может не пойдём?»

Я ей: «Алька, ты дура, что-ли? Столько ждали, столько готовились, Светка вон через решетку просочилась, как ниндзя, а ты идти не хочешь?» Не хочу, говорит. Светка злиться начала, Альке матёк загнула и про Никиту с его марамошкой напомнила, типа, потом не реви, когда их селфи с поцелуйчиками увидишь. Тогда Алька, конечно, пошла. Мы из тачки выпрыгнули, сразу сигаретки тонкие достали и стоим, типа перекур, а сами морально готовимся.

Я почему-то представила, что сейчас пойду не по тротуару, а по красной дорожке. Я по телику видела: всякие актрисы, певицы идут, как королевы, а их все фоткают, поэтому им надо держать лицо. Вот и нам так же. И мы пошли. Конечно, Алька трусиха, но, когда ей какой-то пацан на входе дверь придержал, она так ему по-королевски, типа, спасибо, и подбородок вверх. И тут понятно стало, что всё нормально будет.

Оказывается, не бояться — это очень просто. Помнишь, я говорила о мечте? Вот же она. Сбылась. Вот они все — Ленки эти, Васьки, Петьки — все, кто меня обижал, обзывал, чмырил. Вот они, те же самые, только лица другие, да это и не важно, теперь они смотрят на меня и думают, типа, нифига себе. А я стою среди них и словно выше становлюсь, потому что знаю — я смогла. Я всех их победила. Я всех к ногам своим уложила штабелями, понимаешь? И, наверное, им даже стоит сказать «спасибо». Если бы не было вот этого вот всего — то ходила бы я с закрытыми глазами. Говорят, что встречают по одежке. И провожают тоже по одежке. И всё в нашем мире делается по этой гребаной одежке, потому что никому не интересно раскапывать в тебе что-то особенное и уникальное. Юрий

Михалыч долго пытался втирать, что не в худобе счастье. Типа, мы все прекрасны в том теле, которое нам даровано. Вроде как найдется человек, который полюбит нас такими, какие мы есть, с нашими толстыми ляжками, конопатыми носами или узкими глазами. Да херня это всё.

Официантки не обращают на девочку внимания. Они вытирают столы, ставят на них тарелки с кутьей, подносы с растегаями и узелками с повидлом, выкладывают ложки. Офисных работников нет, их перерыв закончился. Девочка улыбается. Ей нравится запах борща с кухни и аромат рыбных пирогов.

ДЕВОЧКА: Пили мы шампанское. Я не понимаю, как можно в такой вечер пить что-то, кроме него. Алька всё по сторонам озиралась, Никиту своего высматривала. Светка вообще в разнос пошла, с пацанами какими-то курить бегала, танцевала. И, главное, снимала всё в Инсту. Музыка долбит, свет моргает, учителей не видно, а Света стоит в центре зала и орёт песню эту, как её, ну, все знают: «Мама, я танцую... Папа, не жди дома, я уже пьяна...»

И тут слышу — меня Алька за руку дергает, как истеричка: «Никита пришел...» Я смотрю, внатуре, Никита заходит, эту сучку свою под руку ведет. «Давай, говорю, Аля, твой звездный час, соберись».

Она молодец, конечно. Плечики расправила, стоит полубоком, шампанское из пластикового стаканчика тянет. Ей бы бокал больше подошел, но и мы не в ресторане. Они сами к нам подрулили. Курица эта молчит, а Никита Альке: «О, привет, Алечка! Сто лет тебя не видел, ты вроде в больнице лежала? Как здоровье?» Аля, актриса, голову поворачивает и бровки вверх: «Ой, я тебя даже не заметила, привет, всё хорошо, а ты как?»

Я молчу, конечно, но за тёлкой наблюдаю. По ней же видно всё: губы надула, лицо скривила, его в сторону тянет, а он отмахивается: подожди, говорит, Настёна, я Альку с первого класса знаю.

Тут пьяная Светка подвалила. «О, привет, Никита, я тебя знаю, Алька в Инсте тебя показывала, только ты еще с кукшкой-какой-то там на фотке был...» Эту Настёну аж передернуло, а Света дальше чешет: «Хотя сейчас от пацанов всего ожидать можно, сегодня одна, завтра другая. Пойдемте хоть шампусика за встречу одноклассников выпьем, я сейчас вернусь, только с Серегой покурю, общайтесь пока». Никита этот, видимо, понял, что обстановка накаляется, сказал, что шампанского принесет, и свалил, Настёну оставил.

Я говорю: «Ну, мы пока в туалет отойдем, приятно было пообщаться», а сама Альку тяну от Настёны подальше. Пришли в

туалет, Аля меня за руки схватила и тараторит: «Блин, как всё классно, Светка — огонь, у марамойки чуть башню от злости не сорвало, ты видела, видела это лицо, а-ха-ха, просто чума! А видела, как Никита на меня смотрел? Я вот прям по глазам прочитала, что он в шоке меня увидит такой офигенной... Я не могу просто... Всё не зря, вообще не зря»

Я даже ничего ответить ей не успела. В туалет Настёна и еще три тёлки вошли и стоят молча, на нас пялятся. Потом одна говорит, типа, Настюха, эти? Та кивает. Немая она, что ли.

О, говорю, девчонки, тоже решили носики попудрить? А они подходят ближе. Здоровые, как лошади. Мои тридцать кило одним плевком перешибут.

И меня паника охватила. Я на Альку смотрю, она тоже понимает, что всё, приплыли, у нее даже руки затряслись. Светку бы сюда, она бы такой вой подняла, что вся школа бы услышала, но нет Светки, она курит с каким-то Серегой и постит это в Инсту, чтобы мамка её видела.

Меня за руки двое схватили, к стенке прижали и держат. И руки у них такие горячие, потные, что кажется, будто кожу сейчас до костей прожгут. Алька в угол забилась, глаза, как блюдца, а к ней Настёна все ближе подходит. Алька маленькая такая, как кузнечик, каждую косточку можно разглядеть, если на свет поставить, и я вижу, как ей страшно...

Всё-таки Настёна не немая оказалась. Почти вплотную к Альке подошла и шипит: «Слышь, крыса облезлая, я че, не вижу, как ты на Никитоса пялишься? Думаешь, он не знает, что ты по нему с первого класса сохнешь? Он мне всё рассказал. Что ты толстухой была, рассказал, что записочки ему писала. И знаешь, что? Ему насрать. Но он культурный, он не скажет, а я вот могу. Так слушай, чуханка: ты как была чуханкой, так и осталась, хоть и похудела. Башку свою пролечи для начала. Я че, не понимаю, в какой ты больничке отлеживалась? Че, по тебе и подружкам твоим не видно, что вы долбанутые? К Никитосу даже на метр не подходи, я тебя сразу ушатаю, лохушка. Ему нормальные девчонки нравятся, а не такие уродки, как ты и твоя компашка».

Я стою и офигеваю, ору: «Слышь, ты...», — а мне рот ладошкой затыкают. Настёна достает зажигалку. Плохо помню, что было потом, но резко запахло паленым волосом, будто кто-то курицу над огнем подпалил, слышу, Алька визжит, бабы эти ржут... Короче, они Але волосы подпалили и потом из ведра, в котором техничка пол моет, прямо в лицо плеснули. Суки. Суки. Суки какие...

Альку я увела оттуда. Хотела незаметно, но как, если через весь зал идти надо... Кто-то смеялся, кто-то помочь предложил, но главное,

Никита этот, как дебил, бутылку шампанского в руках держит и смотрит. Просто смотрит, и всё. А рядом Настёна скалится.

Светке пришлось смс-ку написать, мол, мы поехали, давай тоже. На телефон она не отвечала.

В такси Аля всё молчала. Я ей что-то там говорила, вроде успокойся, всё нормально, всё хорошо, да толку-то от этого «хорошо», если на самом деле плохо? Но она сидит, к стеклу лбом прижалась и смотрит на вечерний город, и даже не плачет. Лучше бы плакала...

Не буду говорить, что в больнице было, когда мы приехали. А потом... Конечно, Светка не вернулась, телефон тоже молчал. Пришла под утро, ни на кого внимания не обращает. Легла носом к стенке и молчит, прямо как Алька в самом начале. Платье по разрезу порвано. Даже переодеваться не стала. Бабушка приезжала, её даже в палату пустили. Орала сначала, что Светка — проститутка и проشمандовка, как мать, клеймо некуда поставить, потом упрашивать начала, внученькой называть.

Аля тоже молчала. Всё сидела у окна и смотрела на грязный снег. Приехал её отец и о чем-то долго говорил с Михалычем в кабинете. Потом Алю забрали. Мы не прощались, здесь не принято: каждый со своими тараканами, захочет — расскажет.

За Светкой через пару дней тоже приехали, но не бабушка, а мама с папой. Они у нее капец какие красивые. Мама похожа на модель или актрису, а отец на этого... как его... Ну, в Индиане Джонсе снимался.

В столовую заходят люди в черной одежде, снимают куртки, рассаживаются за сдвинутыми столами. Кто-то плачет.

СЛУШАТЕЛЬ: Господи, упокой душу рабы твоя...

ДЕВОЧКА: Аля умерла в конце февраля. Мне Михалыч рассказал. Пришел, сел на край кровати, очки снял, говорит: «Сегодня Аля Байч умерла». Я ему: «В смысле?» Ну, он повторил, я с кровати встала, подошла к окну, смотрю — люди ходят, дворник снег выгребают, машины ездят. А Али нет. И холодно еще так, как будто декабрь, а не конец февраля...

Мы однажды сидели втроем, о чем-то говорили, и тут Алька такая: «Хочу актрисой стать». Ну, мы поржали, конечно, типа, какая актриса, Аль, ты же как маленькая? А она всё равно: «Хочу». И объяснила. Говорит, актрисы — они все красивые такие. Какая бы роль ни была, хоть дамы благородной, хоть Бабы-Яги — всё равно их всех любят, цветы дарят, фоткают, ухаживают за ними. Им как бы и делать ничего не надо особо, просто надеваешь костюм, грим делаешь

— и всё, ты уже другая, и что там у тебя под всем этим — неважно даже. Только характер сильный нужен, упорство. Светка сказала, что пошла Алька в жопу, потому что у актрис вечно либо денег нет, либо они бухают. Потом сказала, что сама будет поступать на журналистику, чтобы у козлов разных интервью брать и потом по телику рассказывать, ну, про коррупцию, проституток, политику и всякое такое. Они вдвоем, значит, высказались — и на меня смотрят. А я что? Я не знаю. Молчала, как дура, пока на другую тему не перешли.

Альку мне очень жалко. И Светку тоже, но всё-таки немного меньше, ей же волосы никто не подпаливал и из ведра не поливал. И живая Светка. И я живая. А Али нет.

ГОЛОС 1: Суп горячий, хорошо. Конец февраля, а холод — жуть.

ГОЛОС 2: Вы ешьте, ешьте. Вот пироги. Кутью еще. Надо, надо — хоть по ложечке. Так принято.

ГОЛОС 3: Рис недоварен...

Все едят.

79 *Девочка выходит из здания столовой, идет по тротуару, спешит на автобус, потому что ей надо успеть вернуться в больницу. Сегодня по плану групповая терапия, но девочка будет говорить с доктором наедине: остальных пациентов в маленьком отделении уже нет. Люди спешат по своим делам.*

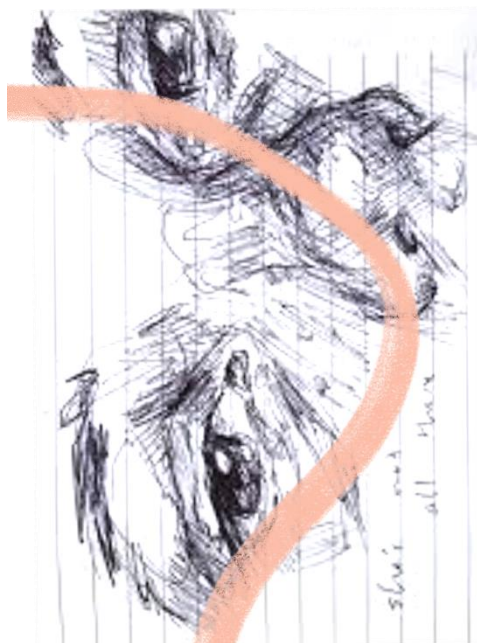
Конец февраля, но очень холодно. Девочка идет дальше.

январь 2021 г.

КАТЕРИНА АНТОНОВА

г. Серов. Драматург,
руководитель театра СТЕКЛО.
Многokратный лауреат
и победитель драматургических
конкурсов всероссийского
и международного уровней
(«Любимовка», «Евразия»,
«Действующие лица», «Цех
драматургов», «Свой» и т.д.).

ПУШ.KILL

(пьеса-полифония)

Действующие лица:

РОДИОН АНДРЕЕВ (30 лет) — поэт

ЕВГЕНИЙ ГОРЛОВ (33 года) — артист

ЛИКА (34 года) — ведущая

ЕЛЕНА БОРИСОВНА (53 года) — мама Родиона

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (54 года) — отец Родиона

ВИССАРИОН — критик

ЛУКАВЫЙ

МАКС — кот-бармен

ИРИНА РОДИОНОВНА — няня, уборщица

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

81 *Квартира родителей Родиона. На кухонном столе — сборник стихов в мягкой обложке с титулом «родион андреев». Отец смотрит мимо сборника. Мама переваривает новость.*

МАМА. И что нам тебя, скажешь: поэтом называть?

РОДИОН. Можно как раньше. По имени.

МАМА. Звание он себе придумал.

РОДИОН. Призвание.

МАМА. Вон оно как?! Богема. К настоящей работе не вернешься?

РОДИОН. И мне очень повезет, если так.

МАМА. (отцу) Нет, ты слышал? Призвание.

МАМА. Работа наша, какая-никакая, но именно *есть*. И *есть* ты к нам пришел. И живешь себе в центре, благодаря баб Нине, которая пахала всю жизнь и завещала тебе —

РОДИОН. Мам.

МАМА. — ком-на-ту. Родион, я всё понимаю, я не глупая. Это кризис. Это революция. Ты думаешь, мы не уважаем? Уважаем. Но почему бы не подумать о переменах в сторону семьи, карьеры, роста...

РОДИОН. Мама.

МАМА. Мы же приняли твое решение. Ну, накопил ты, ушел от «рабской работы», ну захотел ты «пожить». Мы с уважением. Но стихи? Стыдно, ей-богу. У всех нормально, а у нас — поэт!

РОДИОН. Зашел поделиться радостью...

Отец берет в руки сборник и отгоняет им муху.

МАМА. Дело должно быть серьезное, а не «розы-слезы». Останешься с голой жопой, как... примеры тебе известны. Ты отца-то послушай!

ОТЕЦ. (наконец, спохватывается) Пушкина, оно, не переплюнешь. Я так думаю, сынок, хобби, это — хобби. А работу бросать ты брось.

МАМА. Сцену топтать, как этот, Арлекин, знаешь ли-

РОДИОН. —вдоль ночных дорог?

МАМА. Что?!

РОДИОН. Ничего. Пора мне. (*встает*)

МАМА. Родион!

Родион хватает свой сборник стихов и выходит. Из ванной выпрыгивает стиральная машинка.

РОДИОН. От вас уже даже вещи уходят!

МАМА. Ну и как с ним говорить? Поэтому твоя, как ее, тебя и бросила!

Отец выходит за Родионом. Отбирает у него сборник и кладет на холодильник в прихожей.

МАМА. Отец хороший. Сидел, молчал. А я — плохая. Удобно.

Родион хлопает дверь. Мама прислушивается.

МАМА...Валерочка? Ты там?

ОТЕЦ. Тут.

МАМА. Знаешь... надо машинку новую брать. Наша совсем уже от рук отбилась.

Отец оборачивается, не успев попрощаться с Родионом, и, махнув рукой, закрывает дверь.

Родион вылетает из подъезда нараспашку. Идет мимо обшарпанной рекламы с лицом Пушкина. Это реклама тира: «стрелял бы лучше, написал бы еще пару строк».

Идет мимо метро «Пушкинская».

Проходит световой бокс с рекламой «Пушкинская музейная карта».

Игнорирует выцветший рекламный баннер «мой город, моя судьба!» с изображением Пушкина.

Опускает голову и поднимает воротник.

Спина Родиона растворяется в толпе.

БАР «ONE GIN». Видим логотип бара: надпись «ONE GIN», Джин, выпущенный из бутылки джина.

Поэты готовятся к выступлениям. Родион заходит и садится за барную стойку. Видим небольшую коробку с надписью «Стихопатия». «Бокс Любви».

ЛИКА. Московское время «что-то Вы рановато».

РОДИОН. По-питерски «в самый раз». Я от родителей.

ЛИКА. О-о-о. *(бармену)* Макс, ему не наливать.

РОДИОН. Всё в порядке. *(бармену)* Кофе сделай.

ЛИКА. *(Родиону)* Ну?

Родион достает из сумки сборник стихотворений.

РОДИОН. Двадцать копий для начала.

ЛИКА. *(искренне)* Поздравляю! Горжусь.

Родион притягивает Лиду за руку к себе, но она ускользает.

ЛИКА. *(кивая в сторону сцены)*. Ты же выйдешь?

РОДИОН. Конечно.

ЛИКА. Отлично. Будешь вторым.

РОДИОН. Ммм, многообещающе.

ЛИКА. Отвали. *(пауза)* Малыш, я же с тебя не слезу, пока ты мне не дашь звёздного.

РОДИОН. А если б я тебе деньги за сборники не торчал, ты бы за меня болела?

ЛИКА. Придурок. *(отходит)* Я верю в тебя, понял?! Готовься.

Родион провожает Лиду взглядом и замечает представительного мужчину, вошедшего в бар.

РОДИОН. Макс, пс. Это ж Чернавский?

Родион вбивает запрос «чернавский критик», поисковик выдает серию скандальных фотографий мужчины, а также его имя: Виссарион Чернавский.

Родион берет кофе, направляется к столику Виссариона, вручает ему кофе и сборник своих стихов. Виссарион небрежно листает сборник... Лика репетирует в микрофон.

ЛИКА. Ну что, октябрь почти уж наступил, начинаем? Я — Лика Коэн, и раз в три месяца у нас — Стихопатия, дружеское соревнование поэтов на деньги. *(звукорежиссеру)* Да, вроде нормально. Можно даже убавить, как считаешь? Давай слегка опустим, чтобы понежнее.

Виссарион неловко толкает стол, разливает кофе и промакивает его сборником стихов Родиона. Бармен забирает чашку и испачканный сборник. Виссарион одевается.

РОДИОН. Вы не возьмете?

ВИССАРИОН. Что? А. Нет, благодарю.

РОДИОН. Вы же не читали...

ВИССАРИОН. Можно? (=пройду) Всего доброго.

РОДИОН (сквозь зубы). Урод, сука.

Виссарион подходит к Родиону, уже одетый, веером листает сборник, открывает первый попавшийся разворот, бегло читает.

ВИССАРИОН. Плохо вот здесь, здесь и здесь. Холод-голод? Серьезно? Пошлее только «ВНОВЬ-ЛЮБОВЬ».

РОДИОН. Но...

ВИССАРИОН. И не надо говорить, что читали такое у классика: вы не Они. (листает) Вы хоть и сукин сын, но пока не Пушкин... Здесь скучно, а это вообще не рифмуется. Знаете, я не коплю макулатуру, а чтение пошлостей повышает сахар, пожалейте меня. (закрывает) Когда на этих страницах появится что-то стоящее, поверьте мне, (читает на обложке) Родион Андреев, я разгляжу это сквозь обложку. До свидания.

84

Виссарион небрежно шмякает сборник на барную стойку. Лика, сделав вид, что ничего не видела, вежливо кивает Виссариону. Виссарион сдержанно кивает Лике и выходит. Уборщица забирает отвергнутый Виссарионом сборник с барной стойки. Лика объявляет в микрофон:

ЛИКА. Ну что, «октябрь почти уж наступил», начинаем? Я — Лика Коэн, и раз в три месяца у нас — Стихопатия, дружеское соревнование поэтов на деньги. Для тех, кто впервые, проговорю правила: в первом туре у каждого по три минуты. После подсчета голосов трое фаворитов переходят в финальный второй тур, где у каждого снова по три минуты на выступление. Один — победитель, остальные — молодцы. Это значит, в ближайшие пару часов будет много стихов в виде поэзии от наших прекрасных участников, которые уже здесь!

Родион встает и проходит мимо Лики в туалет. Долго умывается и смотрит на себя в зеркало. На сцене начинается выступление: грубый, монотонный, чеканный голос Стаса Собачкина без эмоциональной окраски.

СТАС СОБАЧКИН.

мужики листвою шуршали

они клип снимали про осень
я не знаю, зачем это знаю
мужики, у меня к вам вопросы
нахера я так много читаю
чужих страхов про эту вот осень
а господь в войнушку играет
он дойдет до финального босса
порешает все, или откатится
до начала вконец обнулится
боже, ты сохрани нас, пожалуйста
да и сам не забудь сохраниться.
у нас будет потом афтепати
там все выпьем и разом помиримся
и с утра полетим отдыхать все
и нервишки полечим и выспимся
стюардесса придет к нам с водичкой
в стакане дешевом из пластика.
и расскажет по методичке
как вообще выживать в апокалипсис

85

ЛИКА. Это было бодрое начало со Стасом Собачкиным из Ростова, Стас, ты, как всегда, рубишь. Зал настроен тепло, участники — горячо, а я приглашаю продолжить Родиона Андреева, у которого вчера вышел первый тираж стихов!

Родион выходит под аплодисменты «на деревянных ногах». Дотрагивается до висков. Морщится. Давящая тишина. Родион сглатывает слюну, смотрит налево на Лику, ища поддержки. Но Лика приближает Знакомый.

МАМА. (голос в голове) Сцену топтать, как этот. Стыдно, ей богу.

ЛИКА. (голос в голове) Будешь вторым.

ОТЕЦ. (голос в голове) Пушкина, оно, не переплюнешь.

РОДИОН. Гхм.

Родион смотрит направо, поперёк этой мизансцены в бар входит ЖЕКА ГОРЛОВ (32). Горлов видит, что Родион у микрофона, но не вникает, а шумно раздевается, всем мешая.

РОДИОН. Простите.

Родион прыгивает со сцены и резко устремляется к бару через туннель людей. Стук в висках заглушает бодрый голос Лики.

ЛИКА. Поддержим Родиона... А я напоминаю о голосовании! У каждого из вас на руках пустые листочки. Вписывайте туда фамилии фаворитов и опускайте в поэтический «Бокс Любви» у барной стойки.

Родион садится за бар и показывает бармену знак два пальца.

РОДИОН. Макс!

Макс ставит перед Родионом виски.

ЛИКА. В конце вечера мы подсчитаем голоса и назовем победителя. А к микрофону выходит Виктор Гауз, он с нами впервые.

Жека Горлов подходит к Родиону и хлопает его по плечу, бодро подсаживается. Он показывает бармену знаками на стакан Родиона.

ГОРЛОВ. (бармену) Мне, как у него. (Родиону) Ну, ты красавчик, привет! А я там стоял.

ГОРЛОВ. Слушай, прям классно тут!

РОДИОН. Нервный день. (не чокаясь) За встречу.

ГОРЛОВ. (чокается наперекор) За успех!

Выпивают

ГОРЛОВ. А победителю — что? Народное признание?

Родион ухмыляется, слушает стихи, поглядывая на Лику.

ВИКТОР ГАУЗ.

*робко и романтично на фоне беседы
Горлова и Родиона*

Моя любовь просыпается поздно, улыбается просто, и смотрит мне прямо в глаза; она нигде и везде, как воздух. она как весна. Она смотрит серьезно и любит, когда ей читают вслух, и мне нравится это: быть возле и трогать её, без рук.

Моя любовь, она любит свободу, она ходит по морю, не пробуй её догонять. Мы в машине вдвоем, мы едем сквозь звезды; я не лезу под кожу к ней, чтобы её понять.

Она плачет над фильмом, жалеет животных и любит цветы. она лучше чем книга, глубже, чем проза, она — это ты;) и любить тебя, это так просто, без «если» и «но» = безусловно. Ты скажешь «огооо» сейчас в этом месте, ты тянешь смешно это слово.

Пей чай. Закутайся в шарфик. И радуйся новому дню. Как-будто вчера не вдыхала ты жадно То же солнце и Ту же луну.

Десять жизней подряд мы ходим по звездам, ты снова не помнишь — забыла.

Мы едем в машине, ты смотришь серьезно. Всё правильно. И всё красиво.

ЛИКА. Всё правильно и всё красиво! Спасибо, Виктор... Девушки, голосуем. А я приглашаю сюда прекрасную, электрическую Нину Павлову, камон.

Гости время от времени кидают записки в бокс для голосования. К Родиону подходит Уборщица со сборником стихов, который отверг Виссарион Чернавский.

УБОРЩИЦА (БЕЙДЖ «ИРИНА»). Полистала, не удержалась. Я, знаете, большая поклонница. Большой поэзии. *(отдает сборник)* Погорячился ваш товарищ. А мне нравится.

Родион оценивает Ирину. Ирина улыбается. Он вздыхает, опустив глаза («так выглядит моя публика»). Родион забирает у уборщицы сборник и ищет глазами, куда его выбросить.

РОДИОН. Макс, а куда его можно?..

ГОРЛОВ. Э, остынь, вредитель. Дай сюда! *(отбирает сборник)*

Горлов сворачивает сборник трубочкой и небрежно отправляет его к себе во внутренний карман куртки. Заодно шуришит в куртке рукой и с заговорческим видом достает оттуда бакенбарды, цепляет их на себя.

87

ГОРЛОВ. Послезавтра я, кстати, тоже в поэта буду играть. В рекламе снимаюсь. «Русский дух — высокие технологии». Пушкиным буду, Александром Сергеевичем. Похож?

РОДИОН. А Пушкин-то причем?

ГОРЛОВ. Ну как. Наше всё.

РОДИОН. Бред.

ГОРЛОВ. Не бред, а бренд! Фактура узнаваемая, а значит продается! И продает. *(о вискаре)* Надо повторить.

РОДИОН. Везде этот Пушкин.

Родион залпом выпивает стакан и дает бармену знак. Горлов говорит рекламный тост «под Пушкина», подбадривая Родиона, указывает на остальных поэтов.

ГОРЛОВ. Мы почитаем ИХ нулями, А единицами — себя!. *(пьют)*

Родион показывает Горлову знак ладонью «иди сюда». Жека Горлов наклоняется, Родион по очереди снимает у него бакенбарды и цепляет на себя. Поворачивается к залу и Поэтам.

НИНА ПАВЛОВА. *(в микрофон)*

Чем тебя приручили, дружок?

Ты ведома, слепа и нетрезва!

Им известно про слабое место!

Ты в ловушке, не слышишь смешок?

РОДИОН. *(перебивает поэтессу)* Только победит всё равно Пушкин! Он у нас живее всех живых!

НИНА ПАВЛОВА. *(продолжает)*

Среди пошлости и фастфуда

Ты несешься в водоворот

И так хочется верить в чудо

Что кто-то придет и спасет.

Родион отбирает у Нины микрофон.

РОДИОН. Перестрелять Пушкина смогли, а переплюнуть не сможете! Слабо!

Лица выключает микрофон Родиона. Горлов уводит его обратно к бару.

ГОРЛОВ. Чет тебя растащило... Я, кстати, Пушкина не особо. Попсовый он какой-то —

РОДИОН. Ладно живые конкуренты, так и мертвые дышать не дают! Любого спроси «любимый поэт» — Пушкин.

ГОРЛОВ. — все носятся с этим Онегиным, Татьяной. У меня даже желания не возникало...

РОДИОН. А стихов его ведь, кроме школьных, и не читали. Копошись — не копошись...

На фоне раздаются аплодисменты Нине Павловой. На сцену поднимается Лица.

88

ЛИКА. И фаворит вечера — Виктор Гауз, новичкам везет! Витя, поднимайтесь. Это было тонко, честно и глубоко. Вот вам наши деньги и любовь.

Родион выпивает залпом полный стакан под аплодисменты победителю-конкуренту. Лица жмет руку каждому выступавшему и подходит к Родиону. Горлов перекладывает стакан из правой руки в левую, правую протягивает Лике.

ГОРЛОВ. Евгений! Друг поэта!

Лица брезгливо смотрит на его стакан и не пожимает руку

ЛИКА. (Родиону) Так, невольник чести, в руки себя взял.

РОДИОН. Может, лучше тебя?

Лица отодвигается. Родион не справляется с координацией, его ведет. Видит, что Лике ждет ее Знакомый.

РОДИОН. Вижу, вы торопитесь?

Лица наклоняется к уху Родиона.

ЛИКА. Что это было? Дорогой, если ты собираешься бухать и плакать, я пас, поддержки не жди. Талантов как грязи, а побеждают танки. Сказки не будет. Заявляй о себе!

Горлов открывает перед Ликой дверь.

ГОРЛОВ. Госпожа! Будьте моей музой.

ЛИКА. Музы в музее. *(уходит)*

Бармен наколдовал коктейли. Он протягивает два джина с тоником парням. Все так же в своем электрическом танце. Друзья пьют, не чокаясь.

РОДИОН. За смелость.

ГОРЛОВ. За успех!

РОДИОН. И за талант.

ГОРЛОВ. И, за талант!

По-кошачьему довольное и хитрое лицо бармена Макса, на фоне логотипа с Джинном.

Люди расходятся, уборщица Ирина уносит посуду со столов...

89

ГОРЛОВ ...Я вот не боюсь конкурентов. Ни живых, ни мертвых — я готов. Я талантлив, я учился, тренировался, только все равно никакого прогресса. Куда идти, с кем пить, кому в жопу дуть? Думал, в Питер перееду, попрет... Меня, по-твоему, зажигает прыгать по рекламе и корпоративам? Я трагический артист! Но мне похер. Любые шансы, любые возможности, только дайте эту сцену, эту камеру. Дайте мне себя проявить... *(бездарно входит в роль)*

«Дай, Джим, на счастье лапу мне» — понимаешь... *(снова веселый)* Так. Всё это лирика. Шас в тубзик отскочу, и в караоке покатым, а то здесь уже тоской фонит.

Горлов идет в туалет, оглядывается, в баре действительно стало камерно и тихо.

Родион смотрит в одну точку. Затем тихонечко сползает со стула, надевает верхнюю одежду и молча, ни с кем не прощаясь, выходит из бара в бакенбардах.

Бармен забирает пустые стаканы, протирает стойку и скрывается в служебном помещении.

У бара «ONE GIN», на улице. Мы видим логотип бара: надпись «ONE GIN» Джин, выпущенный из бутылки джина. Мимо бара идет элегантно одетый Мужчина с зонтом-тростью. Он замирает на секунду и смотрит на часы.

Дверь бара открывается, и оттуда вываливается Родион. Мужчина его поддерживает.

РОДИОН. Простите, оступился.
МУЖЧИНА (ЛУКАВЫЙ). С кем не бывает...

Родион не слышит мужчину и уходит в ночь.

МУЖЧИНА (ЛУКАВЫЙ). Вы, главное, голову берегите, вам еще стихи писать.

Мужчина ухмыляется и заглядывает в окно бара. Горлов выходит из туалета, смотрит: по сторонам: никого. У Горлова вибрирует телефон, абонент «мальшика».

ГОРЛОВ. Да...?

Коммуналка Родиона. Родион пьян, движется в расфокусе по длинному коридору, к своей комнате. В голове его крутится стих, с которым он хотел выступить. А может, он бормочет текст под нос.

РОДИОН. я работаю на заводе. на сверлильном станке американской системы. покидаю отель каждый день ровно в семь. говорят, что форма сидит отменно. не замечая очарованных сменщиц и взглядов напарниц, делаю свое дело. вместо солнца лучей ежедневно в мутном воздухе на потолке электрический свет. я делаю свое дело каждый день, много лет здесь скрипит и воет зажатый в тиски металл и выются горячие стружки стальных пружин. я не мечтатель. я профессиональный производитель будущих ваших машин. я работаю на автомате. вертятся с кожаным шумом их приводные ремни. автомобили для статуса, роскоши и семьи. авто добавляет очков мужчине. в шесть часов выключаю станок и не знаю, куда идти мне.

Родион заходит в свою комнату. Включает свет, расстегивает джинсы, они падают на пол, перешагивает через них. Перед кроватью на стене мы видим современную картину с изображением «Пушкин-рэпер». Родион по-прежнему в бакенбардах. Он снимает футболку и запускает её в лицо Пушкину.

РОДИОН. Че смотришь.

/ЗАТЕМНЕНИЕ. УТРО/

Родион лежит на неразложенном диване. Ноги в носках торчат из-под пледа. Вдали на полу, как мираж на горизонте, стоит начатая бутылка с водой. Рядом с водой розетка, в нее воткнут электрический чайник (стоит

на подоконнике). Родион протягивает руку к бутылке с водой. Трогает свое лицо, отклеивает бакенбарды. Наконец делает усилие и идет к бутылке, пьет. Затем находит телефон и набирает абоненту «Жека Горлов».

РОДИОН. Живой?

ГОРЛОВ. *(из трубки)* Живее всех!

РОДИОН. А я не особо... Слушай, Жек, я реквизит на себе унес... Запасные найдете? Либо подвезу на съемки, если горит.

ГОРЛОВ. *(из трубки)* У меня уже полтора года съемок не было, дружище, какой реквизит?

Родион замечает свою футболку, висящую на картине.

РОДИОН. Бакенбарды. Для Пушкина, для рекламы.

ГОРЛОВ. Пушкин? Не, я не в теме.

РОДИОН. Солнце, блин, русской поэзии. Ты убитый, что ли?

ГОРЛОВ. Какое солнце, мы в Питере. Братан, давай потом, у меня корпорат через час в Галерее, я за рулем.²

Родион ставит бутылку на стол, снимает свою футболку с картины с Пушкиным-рэпером. Вместо лица Пушкина, нарисовано лицо Родиона. Немое удивление. Родион, не отводя глаз от картины, роется в столе, находит таблетки от похмелья, кидает сразу две в бутылку с остатками воды и набирает Лике.³

91

ЛИКА. *(из трубки)* Чем удивишь?

РОДИОН. Лика, скажи... Та картина, которую ты мне дарила... Там у Пушкина чье лицо?

ЛИКА. У кого?

РОДИОН. У Пушкина на картине мое лицо сейчас, это нормально?

ЛИКА. Не понимаю. Какой нафиг Пушкин?

РОДИОН. Наше — всё...

ЛИКА. .... Родион, я сказала тебе: если бухаешь, исчезни.

Родион кладет телефон, выпивает антипохмельную воду, оборачивается в сторону книжных полок, подходит к книгам. Ищет среди книг, выбрасывает книжки на пол. Пушкина нет.

РОДИОН. Че за...

---

² здесь видеопроекция. Горлов едет в такси на заднем сиденьи. Боковое стекло запотеваает от перегара. Он проезжает в такси по Адмиралтейской набережной. На запотевшем стекле рисует звезду, смотрит сквозь рисунок на улицу, на памятник Медному всаднику. Ему мерещится, что Петр I ему подмигивает. Горлов пугается, выпрямляется и садится ровно.

³ здесь видеопроекция. Лика в тренажерке. Она принимает звонок в наушниках.

Родион открывает поисковик на телефоне и печатает «пушкин». На экран выводится изображения пушек. Родион дополняет «пушкин поэт». С экрана предлагают «пушки», «стихотворения о войне».

РОДИОН. (в телефон) Пушкин Александр Сергеевич.

На экран выводится ссылка на страницу неизвестного тезки в социальных сетях. Родион ищет на картах город Пушкин: вручную приближает карту до названия города.

РОДИОН. Царское Село?! Так, хорошо.

Родион открывает ноутбук, печатает в поисковик «театр пушкина москва». Выводятся театральные афиши на месяц. Театра Пушкина в списке нет. Тогда он вручную вбивает адрес «театр москва тверской бульвар». Самым верхним в поиске выводится «Московский драматический театр имени А. Таирова».

РОДИОН. Театр Таирова?! Это розыгрыш такой, да?

Родион снимает со стены картину со своим (теперь) портретом. Рассматривает ее со всех сторон, стучит по раме, зачем-то прислушивается.

92

Родион — в бывшей пушкинской библиотеке (теперь: «библиотека им. Шварца»). Сотрудница библиотеки отрицательно машет головой и моргает.

РОДИОН. ...Евгений Онегин? Борис Годунов? Маленькие трагедии? Пиковая дама? Капитанская дочка? Сказки Пушкина...

СОТРУДНИЦА. Сказки есть!

РОДИОН. Пушкина?

СОТРУДНИЦА. Шварца.

РОДИОН. Не надо.

Родион обращается к девушке в очереди.

РОДИОН. Писатель: Александр Сергеевич — стрелялся на дуэли — фамилия?
ДЕВУШКА ИЗ БИБЛИОТЕКИ. ...Грибоедов?

РОДИОН. Понятно.

Девушки переглядываются,жимают плечами.

БАР «ONE GIN», ЛОГОТИП: Джин, выпущенный из бутылки джина. Родион сидит за баром. Он выглядит разбитым и напуганным, пьет несколько стаканов воды подряд, отрешенно крутится на стуле.

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). То есть вы говорите, что был-
РОДИОН. Есть!

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). -есть великий поэт.

РОДИОН. Александр Сергеевич Пушкин.

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). Которого еще вчера весь мир — боготворил и знал. А сегодня как будто зачеркнул и забыл. Так?

РОДИОН. Так.

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). А вы, значит, помните все его стихи?

Родион выходит к микрофону

РОДИОН. Я помню. Чудное мгновенье.

Входит Лика. Родион колеблется.

93 ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). Если это сокровища такого масштаба, как вы говорите. Может быть-
РОДИОН. *(продолжает)* Передо мной явилась ты... Как мимолетное виденье... Как гений чистой красоты...

Декорации трансформируются под выступление. Свет меняется на сценический, зрительный зал заполнен.

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). Может быть, сама судьба подкидывает вам шанс? Как вы считаете?

РОДИОН. Да нет. Это какой-то бред.

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). Может и бред...

РОДИОН. А я вас раньше видел? Вы давно здесь работаете?

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). Третий год...

РОДИОН. То есть вы меня подталкиваете...

ОХРАННИК (ЛУКАВЫЙ). Нет-нет. Решать это только Вам...

РОДИОН *(продолжает)*

И сердце бьется в упоенье,

И для него воскресли вновь

И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь!

Громкие аплодисменты. Лика торжествует. Лукавый аплодирует вместе со зрителями. Родион недоумевает, осторожно пробует следующее.

РОДИОН

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа...

У Лики выскакивает сообщение в месседжере от ее вчерашнего Знакомого, она смахивает — отбой. Лика включает камеру и снимает Родиона на видео.⁴

РОДИОН

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

И вновь громкие аплодисменты. Лика торжествует. Лукавого не видно.

Родион спускается в бар. Борется со стыдом и страхом быть раскрытым и, вместе с тем, ликует от авантюры. Уборщица сияет и подмигивает Родиону. Он колеблется.

ЛИКА. Не знаю, у какого Гудвина ты набрался храбрости, но... Круто! Это так не похоже. Какая-то чистота и сдержанность, чувственно и страстно... Блин, я даже заговорила по-другому, ахах.

Родион взглядывается в лицо Лики: ирония или искренность?

ЛИКА. Слушай: ну мощно. Меня редко подводит интуиция, что-то в этом есть.

РОДИОН. Это же Пушкин.

ЛИКА. Опять ты. Всё! Молодец! Возьми этот стиль и оседлай его. Это твое, настоящее. Публика принимает. Пойдешь на слэм с этим новым материалом. Пообкатывай его, пока время есть.

Родион смотрит туда, где только что сидел Охранник (Лукавый), но его нет.

---

⁴ здесь видеопроекция. Мама на пассажирском сидении. Отец засовывает стиральную машинку в багажник, захлопывает, садится.

МАМА. Знаешь, я что подумала? Надо нам и дачу в этом сезоне менять. Надоела эта хаалупа, сил уже никаких.

Мама листает соцсети, видит видео с Родионом, которое снимает Лика. На словах «не оспаривай глупца», мама раздраженно выключает.

МАМА. Глупца...

К Родиону подходят две девушки (лет 25–26, выглядят как подростки). Первая деловая, вторая всю сцену молчит.

ПОДРУГА–1. Можно с вами? (*крутит полароидом*)

РОДИОН. Конечно.

ПОДРУГА–1. Отличные стихи. Такие немного пост-винтаж или супермодерн, что-то между, не знаю.

РОДИОН. Странные?

ПОДРУГА–1. Немного. Стильненько, как из другой эпохи. Мне нравится. В хорошем смысле.

Родион становится посередине, обнимает девушек. Девушка делает селфи на полароид. Сушит снимок и просит автограф.

ПОДРУГА–1. Распишетесь?

РОДИОН. (*пишет*) Р. Андреев.

Пока Родион расписывается, проявляется изображение на фотографии...

/ЗАТЕМНЕНИЕ/

Радиостудия. Тот самый Виссарион Чернавский.

ВИССАРИОН...Ваш аристократизм. Я имею ввиду, внутреннюю революцию за счет, так скажем, стилистического прыжка в ретроспекцию — это маска или сущность? Как давно вы в этом стиле?

Мы видим Родиона. Он изменил прическу «под Пушкина» и отрастил бакенбарды.

РОДИОН. Я всегда был в поиске. Думаю, что сейчас я — лучшая версия себя.

ВИССАРИОН. Феноменально. Не обижайтесь —

РОДИОН. Продолжайте)

ВИССАРИОН. — что в наше время упрощения и уплощения, поощряемой небрежности, возникает Вы, как бы, наперекор. Демонстрируя глубину и немодную по-степенность.

РОДИОН. Выходит, в моде немодное?

ВИССАРИОН. Парадокс. Я действительно много думал о вашем феномене и пришел к выводу, что козь поэзия стала подчас формалистской, превратилась, если хотите, в черный квадрат, в верлибр, написанный из трех букв, и зашла в тупик... То выходом из тупика явилось Ваше обращение к традиции, к архаике...

РОДИОН. Не думал так глубоко, если честно. Но это многое объясняет.

ВИССАРИОН. И много примиряет. Открыв форточку в прошлое, Вы привнесли свежее и новое в наше настоящее.

РОДИОН. Благодарю вас. Правда. Мне важно это слышать, особенно сейчас, когда я решил замахнуться на большую форму. Роман. Поэтический.

ВИССАРИОН. Даже роман! Полагаю, конечно же, о —

РОДИОН. — о любви.

ВИССАРИОН. Разумеется. Смелое желание. Ничего еще я не ждал с бóльшим любопытством. Что ж, дорогие зрители и слушатели, это был Родион Андреев, поэт. А теперь реклама.

Звучит джингл радиопередачи «Виссарион! Виссарион! Виссарион!» Родион разворачивается в кресле. Сквозь стекло в коридоре видно Лику, она фотографирует эфир. Родион машет ей, по-детски улыбаясь, снимает наушники, встает.

ВИССАРИОН. Родион?

РОДИОН. Да?

ВИССАРИОН. Тот случай в баре. Вы извините. Я был резок. Но, знаете, так заявить о себе — это смело. С вашей стороны очень благородно согласиться на этот эфир после того, как я... (пауза) Признаюсь, Вы утерли мне нос, Родион Андреев.

РОДИОН. С кем не бывает...

Родион выходит в коридор, наклоняется и целует Лику. Ее осанка остается ровной. Она улыбается ему, как мальчишке, и позволяет себя поцеловать. Лику разворачивается и идет по коридору, Родион — следом. Заходят в пустой кабинет с афишей «ЛИКБЕЗ С ЛИКОЙ КОЭН». Родион изучает плакат. Лику изучает Родиона. Родион пребывает в возбуждении. Лику, не суетясь, садится на стол, закинув ногу на ногу, и разглядывает Родиона с нежностью укротительницы.

ЛИКА. Там шампанское.

Родион мгновенно исполняет неозвученную просьбу. Открывает шкафчик, выбирает.

ЛИКА. Любое.

Родион торжественно суетится, берет шампанское, конфеты, стаканы. Не находит себе места, не знает, как и где сесть, остается стоять перед Ликой.

Открывает шампанское.

РОДИОН. Я тут в первый раз.

ЛИКА. Я тоже тут в первый раз... (смотрит на Родиона в упор).

Родион не сразу понимает намек. Лику улыбается. Он догадывается и целует Лику. Пробка с волной пены вылетает из бутылки... Родион ставит бутылку на стол и продолжает целовать Лику.

*Родион целует Лику,
и они проплывают мимо метро «Пушкинская», вывеска которого меняется
на «Витебская».*

*Родион целует Лику,
и реклама «Пушкинской музейной карты» превращается в рекламу
«Чеховской музейной карты».*

*Родион целует Лику,
и Пушкинские горы становятся Холмами Довлатова. Мы видим табличку:
«ХОЛМЫ ДОВЛАТОВА. ЗДЕСЬ РАБОТАЛ И ЖИЛ СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. ДЛЯ
ПИСАТЕЛЯ ЭТО БЫЛО МЕСТОМ СИЛЫ, ВДОХНОВЕНИЯ И ПРИОБЩЕНИЯ К
ПРИРОДЕ РОССИИ».*

РОДИОН

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

97

*Родион обнимает и целует Лику. Начинается осень. Лика отходит от
Родиона и присаживается к зрителям: Виссариону и его Спутнице.*

РОДИОН

И с каждой осенью я расцветаю ВНОВЬ;
Здоровью моему полезен русской ХОЛОД;
К привычкам бытия вновь чувствую ЛЮБОВЬ:
Чредой слетает сон, чредой находит ГОЛОД;
Легко и радостно играет в сердце КРОВЬ,
Желания кипят — я снова счастлив, МОЛОД...

*На рифмах вновь-любовь-кровь, холод-голод-молод лицо Виссариона
выражает восторг.*

ВИССАРИОН. Гений! И точка.

*В зале родители Родиона. Мама, растроганная, сидит в лучшем платье.
Отец чешет затылок.*

РОДИОН

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,

Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

98

Зал взрывается аплодисментами. Лицо Виссариона выражает уважение и признание. Мама Родиона плачет. Виссарион подходит к Родиону.

ВИССАРИОН. Дивный вечер, юноша. Не перестаете удивлять. Сильное исполнение. Прекрасный материал. Смело.

РОДИОН. Благодарю.

ВИССАРИОН. Не жмут ли здешние залы? Как будто бы можно уже и расширить...

РОДИОН. Пока меня волнует расширение репертуара.

ВИССАРИОН. Ну, на этот счет я в вас уверен. Как там ваш роман в стихах?

РОДИОН. «Всё здесь» (в голове) Осталось только записать!

Виссарион смеется остроумию Родиона, хлопая его по плечу.

Внимание зала направлено на маму Родиона: она дает интервью перед микрофоном.

МАМА. Конечно же, я с самого детства видела, что он, мой ребенок, мой сын, не такой как все: особенный. И эти стихи, эти рифмы, они же пришли в наш быт, как только Родион заговорил. Играли в мячик. Я ему «розы», он мне — «слезы». Я ему розы, он слезы. У меня даже специальный блокнот был...

Лица подходит к Родиону и Виссариону.

ВИССАРИОН. Лица Коэн!

ЛИКА. Виссарион Чернавский!

ЛИКА. (Родиону, намекая на родителей) Ты как?

РОДИОН. Вроде, в порядке.

Лица гладит Родиона по спине и отходит, оставляя Виссариона с Родионом.

ВИССАРИОН. Знаете, тот сборник, который вы мне тогда подарили, а я имел наглость... В общем, я буду идиотом, если не попрошу у вас тот экземпляр с автографом. Отказ приму!

РОДИОН. Нет-нет... Конечно. Я поищу...

ВИССАРИОН. И насчет расширения... Подумайте. Я не заставляю вас отречься от «друзей», но вам есть куда расти, и я могу помочь с площадками посерьезнее. И не только.

РОДИОН. Я подумаю.

Отец подходит к Родиону, хлопает по спине, со стеснением и уважением кивает Виссариону.

ВИССАРИОН. Ну, значит, договорились.

Виссарион отходит в сторону к своей Спутнице. Мама целует Родиона в обе щеки.

МАМА. Ну, как я выступила? Всё им рассказала! А этот свет, так спит, это софиты, да? Дожила. Такая ответственность, катастрофа!

Родион не слушает маму: после разговора с Виссарионом он задумчив. Он подходит к Уборщице с Барменом.

РОДИОН. (*уборщице*) А где охранник?

УБОРЩИЦА. Ваш что ли?

РОДИОН. Ваш! Наш. Вот здесь сидел.

УБОРЩИЦА. Не было у нас...

РОДИОН. Лысый такой.

УБОРЩИЦА. Не было никогда. Кого нам охранять-то? Кофеварку?

Родион отходит в задумчивости.

/КОШМАР РОДИОНА/

Родион стоит за кулисами и смотрит в зал. К нему подходит Виссарион, хлопает по плечу.

ВИССАРИОН. Волнуешься?

РОДИОН. Немного.

ВИССАРИОН. Вижу, что волнуешься. Это правильно. Я бы тоже на твоём месте волновался. Думаешь, я, Виссарион Чернавский, стихи Пушкина не знаю? За лоха меня принял? Что смотришь? А ты догадываешься, что за такие шутки в Питере делают?

100

Родион просыпается от кошмара. Светит телефоном на картину: всё стабильно, на картине по-прежнему его лицо. Родион сворачивается калачиком и пытается вновь уснуть. Затем встает, сгребаёт все сборники своих стихов (было 20 штук, сейчас осталось 18. один у Отца, один у Жеки Горлова) и выкидывает их в мусорный контейнер.

Родион бродит по городу и пытается вспоминать-сочинять.

РОДИОН. Так. Я к вам пишу. Чего же боле? Что я могу ещё сказать?

ПРОХОЖИЙ (ЛУКАВЫЙ). Обманщик... Тебя накажут.

РОДИОН. Что, простите?!

ПРОХОЖИЙ. Обменник, говорю, не подскажите?

РОДИОН. (*продолжает вспоминать*) Теперь я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать.

ПРОХОЖИЙ (ЛУКАВЫЙ). Совести нет у вас... Не дожدهшься.

РОДИОНА. Что?!! Что вы сказали?

ПРОХОЖИЙ. Сырость, говорю. Дождь.

РОДИОН. *(продолжает вспоминать)* каплю жалости храня, вы не оставите меня.

ПРОХОЖИЙ (ЛУКАВЫЙ). Наивный.

Родион сторонится прохожего.

ПРОХОЖИЙ (ЛУКАВЫЙ). Ты не знаешь его наизусть.

РОДИОН. Яквампишу. Чегожеболе? Чтоямогуещесказать? Чего же боле? Что я могу?

ПРОХОЖИЙ. Его надо не только *помнить*. Его надо *вспомнить*.

Родион понимает, что не знает всего «Евгения Онегина» наизусть. В бессилии вертит в голове знакомые строчки.

РОДИОН. Мой дядя самых честных правил, Когда не в шутку занемог!

ПРОХОЖИЙ. Кем ты себя возомнил...

РОДИОН. Он уважать себя заставил!! Иначе? выдумать не мог!!

ПРОХОЖИЙ. А дальше?

РОДИОН. *(забыл кусок)* ...Какое дикое? коварство Полуживого развлекать. забавлять! *(снова забыл)* Как-то, что-то там лекарство... Вздохать и думать про себя...

ПРОХОЖИЙ (ЛУКАВЫЙ). Бездарный пересказ.

РОДИОН. Когда же черт возьмет тебя! *(толкает прохожего)*

ПРОХОЖИЙ. А-ха-хха-хаа!

РОДИОН. Москва... как много в этом звуке... Любви все возрасты покорны... Чем меньше женщину мы любим... Мы все глядим в Наполеоны... А счастье было так возможно... Мы все учились понемногу... Что день грядущий мне готовит?

ПРОХОЖИЙ. Иссяк репертуар...

РОДИОН *(в отчаяньи)*. Сдаюсь. Я ничего не вспомню.

Комната Родиона. Родион сидит на диване, держа пачку листов с названием «Евгений Онегин». Напротив сидит Жека Горлов. Вид у Родиона ошарашенный, волосы засаленные. Листая, читает.

ГОРЛОВ. *(за кадром)* Пушкиа, вообще!

РОДИОН. Пушкин?!

Горлов говорит о картине с лицом Родиона. Родион смотрит на картину вслед за указательным пальцем Горлова и облегченно выдыхает.

ГОРЛОВ. Картина-пушка.

Горлову не сидится на стуле, он ерзает, качает головой, смотрит на книжные полки и зевает. Родион пытается сосредоточиться, теряет

терпение. Горлов запускает на смартфоне игру — беговую дорожку для пальцев, имитирует бег пальцами по беговой дорожке на экране, пока Родион читает.

РОДИОН. (о романе) Ты кому-то еще показывал?

ГОРЛОВ. Не-а. Я после того вечера с поэтами — когда мы с тобой в баре — знаешь, такую энергию поймал! Муза-не-муза, поток с неба. Была бессонница, дай думаю, приколюсь...

РОДИОН. Сам сочинил, говоришь?

ГОРЛОВ. Ну а кто? Саня ПУПКИН?

Родион сглатывает слюну.

ГОРЛОВ. Слушай, я без амбиций. Я ж потому и пришел к тебе, как к авторитету. Ты только по-честному руби, как мастер. Всё окей, даже не парься. Как тебе?

РОДИОН. Это гениально.

ГОРЛОВ. То есть, я поэт?!

РОДИОН. Поэт.

ГОРЛОВ. Че, серьезно? Ахах! Ну, привет, коллега!

Горлов кидается обнимать Родиона.

102

ГОРЛОВ. Про Онегина понял? Думал, какую фамилию ему дать поблагороднее, и тут вспышка: название этого бара, где мы бухали: «ONE GIN»! Быстро произнеси, onegin, onegin, onegin...

РОДИОН. onegin...

ГОРЛОВ. Ну!!!

РОДИОН. Да.

ГОРЛОВ. Онегин! Ну, а имя я ему свое подарил, Евгений, чего уж!..

РОДИОН. Евгений Онегин, получается.

ГОРЛОВ. Да!! Евгений. ONE GIN. Ахаха!

Родион продолжает смотреть в одну точку.

Родион по-прежнему смотрит в одну точку. Появляются Лика, Мама, Отец, Поэты с поэтического слэма, гости. Гул голосов и музыки возвращают Родиона в реальность. Жека Горлов трясет шампанское.

СТАС СОБАЧКИН. Родион, дружище. Когда я увидел тебя в первый раз, ты стеснялся выходить к микрофону. Сейчас ты звезда — нет, не спорь — и для меня удивительно, что ты несколько не изменился... Какой же ты, сука, приятный, светлый парень! Нет в тебе двуличия и всего этого. За тебя, за твою чистую поэзию!

ВСЕ. Ура-а-а! Родион! За тебя! Так держать!

ОТЕЦ. *(поднимает тост)* За тебя, сынок! Мы с мамой, Еленой Борисовной, всегда тебя поддерживали.

ЛИКА. *(кивает маме)* Елена Борисовна.

МАМА. А как же! *(шепчет на ухо Родиону)* Тетя Вера, соседка, тоже поздравления передает.

ОТЕЦ. И тем не менее, хочу подарить Мужской подарок, так скажем, чтобы был.

Отец вручает Родиону коробку с дрелью. Все смеются. Родион тоже смеется.

МАМА. Ну, а что.

ЛИКА. И правильно!

МАМА. «У человека всё должно быть прекрасным», как говорится.

РОДИОН. В человеке...

ЛИКА. Всё прекрасное!

ОТЕЦ. И дрель!.. Это чтобы ты смог, так скажем, свою крепость обустроить.

Мама вручает Родиону книги по дизайну интерьера.

103

МАМА. А я тебе, как человеку художественного склада, подарю — вот. Чтобы ты обустроивал свою крепость красиво!

РОДИОН. Спасибо. Спасибо.

Родион распаковывает дрель. Жека Горлов стучит по микрофону, все обращиваются. Горлов стоит с пачкой листов, заглавие: «Евгений Онегин».

ГОРЛОВ. Я поднялся, чтоб тож поздравить и, конечно, сказать спасибо. Недавно Я попал на вечер поэзии, там выступал мой друг. И во мне что-то щелкнуло. Наверное, это и есть вдохновение. Я стал писать... Вчера Я показал это тебе, и ты сказал: гениально. Нет, ты не сказал, твои глаза сказали. Ахаха. В общем, Я хочу прочитать буквально начало. «Евгений Онегин». Роман в стихах.

(переводит дыхание)

Мой дядя самых честных правил,

Когда не в шутку занемог,

Он уважать себя заставил

И лучше выдумать не мог...

Лица, родители, Поэты, все восторженно слушают Горлова. Родион стоит с дрелью, как с пистолетом, направленным Жеке Горлову в живот. Родион включает дрель. Жужжание. Лица с укором толкают Родиона, он выключает дрель.

ГОРЛОВ.

Вздыхать и думать про себя:

Когда же черт возьмет тебя!

ВСЕ. (*Горлову*) Bravo! Ура! Ну ничего себе, заявка!

ГОРЛОВ. Евгений — это я в честь себя назвал. А «Онегин» — видите логотип? «One Gin». Прочитайте не как «уан джин», а как по-нашему. Онегин, онегин, онегин. Поняли?

ВСЕ. О-о-о.

НИНА ПАВЛОВА. А есть полный текст? Пришлете?

ГОРЛОВ. Можно на ты)

ЛИКА. (*Горлову*) Евгений!.. Добро пожаловать в семью!

ГОРЛОВ. (*Лике*) Мадам!

Родион направляет дрель-пистолет на Горлова, включает дрель. Жужжание.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Родион курит у бара «ONE GIN». Внутри мило беседуют Лика и Горлов. Горлов оживленно рассказывает. Лика смеется. Дверь бара открывается, толкая Родиона. Выходят родители.

РОДИОН. Всё?

ОТЕЦ. Пойдем потихоньку.

МАМА. Ты не обижайся, если мы где-то с советом раньше.

РОДИОН. Всё нормально.

ОТЕЦ. Ты, оно, главное, не зазнайся. Такие люди, такие слова!..

МАМА. Волнуемся.

ОТЕЦ. Успех, знаешь, оно как.

РОДИОН. Всё хорошо.

Родион обнимает родителей, они удаляются.

МАМА. (*отцу*) Руку мне дай, или я спотыкаться должна?

Отец подает ей руку. Родион возвращается внутрь. Горлов развлекает гостей. Горлов бьет Поэта фальшиво, по-киношному. Поэт подыгрывает. Лика вздрагивает, затем смеется: она им очарована!

ГОРЛОВ. Это не по-настоящему! Вот. Главное, скорость. Могу научить Вас, если хотите.

ЛИКА. А я в детстве на каникулах занималась карате.

ГОРЛОВ. Значит, Вы уже знаете, как дать отпор мужчине.

ЛИКА. Вас это пугает?

Горлов хохочет. Родион демонстративно проходит мимо Лики и Горлова. Включает громко музыку, но передумывает. Подходит вновь к Лике и Горлову: тот уже рассказывает байку.

ГОРЛОВ. Она мне говорит, мол, у меня есть фамилии, связи, люди не последние. И на ухо, такая: Костя, Федя, Димочка... Я и поплыл. Нам, артистам, только намекни! Ну я приехал, думал, там Богомолов, Бондарчук, Нагиев... При этом, она же фамилий не назвала! А я клянул!

Лица смеется почти до слез, флиртует.

ГОРЛОВ. А в итоге был дублером его **** (ей на ухо).

Родион стоит с взлохмаченным диковатым видом с вытянутой к Лике рукой, молча приглашает Лиду на танец. Горлов замечает Родиона, поднимает тост.

ГОРЛОВ. Дружище, за тебя!

У Горлова вибрирует телефон, абонент «кошечка». Горлов берет трубку, делает жест рукой — пропуская Лиду на танец с Родионом. Начинает играть страстная музыка. Лида идет с наигранной радостью.

/танец/ Родион танцует нелепо, пытается вести даму, выходит не органично. Но постепенно к Родиону возвращается грациозность, и танец становится красивым. Родион и Лида смотрят друг другу в глаза.

/ЗАТЕМНЕНИЕ/

Звуки поцелуев, силуэты-тени. В окно падает свет, и в силуэтах отчетливо узнаются лица Лида и Горлова.

Лида и Горлов целуются.

Станок печатает афиши «Евгений Горлов – Евгений Онегин».

Лида и Горлов целуются.

На афише — довольное лицо Горлова с приоткрытым ртом, он подмигивает.

ГОРЛОВ. Ай да Горлов, ай да сукин сын!

ЛИДА. Спустишь на землю.

ГОРЛОВ. Но тогда я расстанусь с моей богиней! А я этого не хочу!

ЛИДА. Дурак.

Горлов целует ее, в это время у него вибрирует телефон, абонент «тыковка». Он сбрасывает. Лида отходит. Горлов со смехом идет за ней.

ЛИДА. Кто тебе постоянно звонит?

ГОРЛОВ. (восхищенно) Какая женщина меня ревнует!

Лида улыбается и злится одновременно.

ГОРЛОВ. Это сестра моя! Я ее так в шутку называю, тыковка. Хочешь, позвоню ей сейчас?

Жека Горлов догоняет Лику, разворачивает к себе.

ГОРЛОВ. Дурочка моя.

У Жеки снова вибрирует телефон, он незаметно его выключает.

Интервью в бильярдной. Кий Горлова ударяет по шару и загоняет его точно в лузу. Интервьюер наблюдает за антагонистами, в длинных паузах задумчиво курит.

ГОРЛОВ. В начале было слово... В конце — стоп-слово. Глупый каламбур, чикните на монтаже.

Родион кусает щеки. По его неестественным движениям заметно: чувствует одновременно и превосходство над туповатым Жекой Горловым, и бессилие перед его (?) гениальной поэзией. Реплики Жеки смешат, игра Горлова в бильярд — сокрушает.

106

ВЕДУЩИЙ. Критики сравнивают ваши сочинения, находя ряд переплетений. Так и хочется спросить, кто из был в начале, кто кому подражает...

ГОРЛОВ. Кто у кого списал!

Горлов забивает очередной шар.

ВЕДУЩИЙ. Да. Причем, взять что Шекспира, что... Донцову, претензии к плодовитым авторам в том, что за них пишет команда «рабов». В вашем же случае: два отдельных, самостоятельных автора, но творите вы словно на одном языке.

ГОРЛОВ. Хм. Не знаю. Может, нас продюсирует один Бог?

Горлов целится и вновь забивает.

ВЕДУЩИЙ. Похоже на то... Тонкие, глубокие вещи в простых очевидных сюжетах. Что это? Фантомная ностальгия по эпохе, в которой ни один из вас не жил.

ГОРЛОВ. Общй стиль...

РОДИОН. Общее лингвистическое дыхание, безусловно, есть. И всё же Евгений — мастер большой формы. Я же пока что лишь автор серии стихотворений...

ВЕДУЩИЙ. Прекрасных стихотворений.

Кий у Родиона.

ГОРЛОВ. В жизни я совершенно другой человек. А в стихах... Честно, иногда сам от себя фанатею. Хах. Я думал, поэзия — это сложно, а оказалось, что, например, как бильярд. Просто кому-то везет.

Родион бьет и промахивается, передает кий Горлову.

ВЕДУЩИЙ. (к Родиону) Не чувствуете в себе желания отомстить везунчику?

РОДИОН. Рановато вы меня назначаете Сальери.

ВЕДУЩИЙ. Почему Сальери? Что вы имеете в виду?

Родиона машет головой ведущему «не берите в голову».

Подруги, которые брали у Родиона автограф, смотрят видео этого интервью на телефоне.

ПОДРУГА-2. Джони краш.

ПОДРУГА-1. Нарцисс. ЧСВ зашкаливает. «Я, Я».

ПОДРУГА-2. Имеет право.

ПОДРУГА-1. Бабник, видно. Вот Роди огонь.

ПОДРУГА-2. Да душный он, че сравнила.

ПОДРУГА-1. Зато не мезогин, как твой.

ПОДРУГА-2. Мезогин бы не сочинил Онегина.

ПОДРУГА-1. Да пофиг. Роди вообще первый этот стиль придумал.

ПОДРУГА-2. Ой, всё.

Родион идет мимо тех самых Подруг, которые смотрят с ним и Жекой Горловым видео на телефоне. Наравне с Родионом по направлению к светофору идут пара прохожих.

ПРОХОЖИЙ-1. Чем меньше женщину мы любим, как говорится... тем больше мы ей нравимся.

РОДИОН. Тем Легче! Нравимся! Мы! Ей!

Прохожие смотрят на Родиона, как на сумасшедшего.

Родион стоит на светофоре, пережидает красный.

Мимо него проезжает Горлов в такси (ему везде зеленый).

Взгляд Родиона и Жеки Горлова встречается на секунду.

Горлов приобнимает Лику.

Дом Родителей Родиона. Родион разуваётся и смотрит вокруг: много гостевой обуви. Проходит на кухню. За столом сидят разные гости, все смотрят только на него.

РОДИОН. Здравсьте.

ГОСТИ. Здравсьте.

РОДИОН. Я ненадолго.

МАМА. Он ненадолго.

Родион садится. Мама накладывает Родиону.

РОДИОН. Я сам.

МАМА. Ну всё теперь! Сам, сам. А у нас тут и тетя Дина, и Маргарита, и Олег, и Мишка с Катюшей, и все вообще. Заждались.

РОДИОН. Да. да.

Родион улыбается всем еще раз и оглядывается. На стене висят фотки в рамочке. На фотографиях Родион на сцене и Мама, дает интервью.

МАМА. Поэт.

108

Родион смущается.

МАМА. Прочтешь гостям?

РОДИОН. Сейчас?

МАМА. А когда?

ГОСТЬ. Мы готовы.

РОДИОН. А что прочесть?

МАМА. А что хочется.

РОДИОН

Я вас любил: любовь еще, быть может,

В душе моей угасла не совсем;

Но пусть она вас больше не тревожит;

Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,

То робостью, то ревностью томим;

Я вас любил так искренно, так нежно,

Как дай вам Бог любимой быть другим.

Родион с издевкой смотрит на всех, кого он только что обманул. Тетя Дина толкает под столом Катюшку.

ТЕТЯ ДИНА. Нет слов.

МАМА. Вот! Сын.

МАРГАРИТА. Как за душу.

РОДИОН. Ну хватит.

МАМА. Скромный.

ТЕТЯ ДИНА. Катюш, а помнишь, вы в детстве с Родечкой в семью играли.

Катюшка краснеет, Мишка с ревностью смотрит на нее и на Родиона.

МАМА. Ну что, закусим? (*начинают есть*) Валера, ты за дамами следишь? Компотик, компотик там наверху!

Отец встает из-за стола за банкой компота, стоящей на холодильнике. К дну банки прилипает сборник стихов Родиона, который Отец еще в самом начале туда положил. Сборник пыльный и нетронутый. Отец листает сборник стихов, затем кладет его себе во внутренний карман куртки.

Фоном доносятся разговоры с кухни.

ГОСТЬ. А помните, Родьку маленького попросили Катюшу спеть, а он выдал «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой. Три танкиста, три веселых друга. Экипаж машины боевой».

ТЕТЯ ДИНА. Хохма!

109

Родион незаметно для всех обувается и выходит из дома.

Лица берет в руки афишу «Евгений Онегин», поднимает, рассматривает. На афише довольное лицо Горлова с приоткрытым ртом: он подмигивает.

РОДИОН. По-твоему, это Онегин?

ЛИКА. Это его автор. И привет.

РОДИОН. Ликусь, это пошлость!

ЛИКА. Не завидуй. Хорошо? Ладно?

Родион хочет притянуть ее к себе, но она ускользает, целуя его в лоб.

ЛИКА. Максик, сделаешь кофе?

Официант улыбается и подмигивает. Родион напрягается и уходит в свои мысли. Лица уходит с афишей на улицу и командует, как ее повесить.

РОДИОН.

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет — и выше. Для меня

Так это ясно, как простая гамма.

Родион сползает со своего места и плетется посмотреть, как вешают афишу с Горловым. Мимо него и мимо бара проходят те самые две Подруги, здороваются с Родионом, он улыбается им с добром и грустью.

РОДИОН

Родился я с любовью к искусству;
Ребёнком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слёзы
Невольные и сладкие текли.

Лица руководит людьми, которые вешают афишу с Горловым. Поглядывает на Родиона со смесью нежности и сожаления.

РОДИОН. А меня включили в сборник современной поэзии.

ЛИКА. И кто был прав? Я всегда в тебя верила!

РОДИОН. И я это ценю.

ЛИКА. Поздравляю. Следующий этап — книга. Набирай материал!

РОДИОН. *(протягивает ей конверт)* Время рассчитаться за тот тираж. Мой долг.

ЛИКА. Ты что?..

РОДИОН. Нет. Оставь. Это искренне.

ЛИКА. Спасибо...

РОДИОН. Виссарион предлагает меня продюсировать. Просто, чтобы ты знала.

ЛИКА. Да?!. Здорово.

РОДИОН. Я отказался.

Лица пожимает плечами.

РОДИОН

Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять ещё о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слёзы вдохновенья.

Лица поглядывает на телефон, фотографирует плакат и отправляет Горлову в месседжер.

РОДИОН. Ты — с ним теперь, да?

ЛИКА *(не прячет глаз)* Да.

Родион проходит мимо, не прощаясь.

РОДИОН

Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!

У Родиона звонит телефон. Горлов.

Горлов в окружении красивых девушек. Стол заставлен алкоголем. Одна из девиц танцует. Вторая сворачивает буклет с лицом Горлова в трубочку, подставляет трубочку к уху Горлова.

ДЕВИЦА. (*шепчет*) Горлов. Ты рок-стар.

ГОРЛОВ. А остальные?

ДЕВИЦА. Остальные — отстой.

Горлов набирает Родиона.

111

ГОРЛОВ. Ал-ло-оу. (*девочкам*) Заткнитесь! (*Родиону*) Сто из ста, ты тухнешь над стихами. У меня есть предложение получше: караоке. Подскакивай, я тут по старой дружбе отдыхаю.

Родион сбрасывает. Горлов смотрит на сброшенный вызов, пожимает плечами и шлепает девицу по заду.

РОДИОН

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?..

ДЕВИЦА. А я думала, что поэты немного задроты.

ГОРЛОВ. Даже я?

ДЕВИЦА. Ты другой.

ГОРЛОВ. А я не поэт.

ДЕВИЦА. А кто?

ГОРЛОВ. Я больше. Я — артист. Кино и сериалов.

ДЕВИЦА. Не знала...

У Горлова секундная грусть от его актерской непризнанности.

ДЕВИЦА. А где ты снимался?

ГОРЛОВ. Отвали, чего пристала! Ну-ка, посмотри на меня. Честно говори. Я талантливый?

ДЕВИЦА. Самый талантливый...

ГОРЛОВ (*стучит по столу*) Алё, продюсеры!? Вы послушайте, что народ говорит!

К Горлову робко подходит поклонница за автографом. Протягивает ему книгу «Евгений Горлов – Евгений Онегин».

ГОРЛОВ. А? Онегин? Да, давай.

Он берет книгу и расписывается, затем смотрит на обложку и как-то по-детски спрашивает:

ГОРЛОВ. А что... это правда — круто?

ПОКЛОННИЦА. Да. Очень...

Горлов задумчиво смотрит в сторону. Поклонница благодарно кивает и отходит. Девушка пристаёт к нему с поцелуями.

ГОРЛОВ. Да отстань ты. (*официантке*) А можно еще раз меню? Гений проголодался!

112

Родион дома, достает подаренную дрель, засовывает ее в рюкзак и выходит.

Подходит к квартире Жеки Горлова.

РОДИОН. Все говорят: нет правды на земле. (*достает дрель*) Но правды. (*вскрывает квартиру Горлова*) Нет. И выше.

Родион проникает в квартиру Жеки Горлова, роется в поиске черновиков, заметок. Находит ноутбук.

РОДИОН. Исчезни!

Разбивает ноутбук Жеки Горлова; в состоянии аффекта цепляется взглядом за единственный журнал на полке. Это тот самый сборник стихов «родион андреев» с отпечатком кофейной кружки Виссариона Чернавского.

Родион бросает на кровать обломки ноубука и аккуратно берет сборник стихов в мягкой обложке. Родион тронут и потрясен. Он открывает сборник на месте закладки — обложка от конфеты «вдохновение». Родион нелепо улыбается. Держит сборник в руках и оглядывается вокруг. Кладет

сборник в рюкзак, обувается. На выходе смотрит на себя в зеркало, трогает свое лицо, бакенбарды... и словно не узнает себя под маской.

Родион выходит из подъезда Горлова. Плачет, вытирает сопли и слезы. Это закрытый двор с охраняемыми воротами. Рядом с будкой видит Охранника. Охранник похож на Охранника из бара. Родион кидается к нему.

РОДИОН. Ты! Ты сказал, что это подарок судьбы, но это ловушка! Я устал, я хочу быть собой!

ОХРАННИК. А разве кто-то запрещал?

РОДИОН. Всё, что я помнил, рассказал. Но сочинить того, чего не знаю, я не могу и все мои попытки — кривой бездарный пересказ! Это тупик.

ОХРАННИК. Тупик у тебя в башке. Вон выход. На свет.

Родион кивает, идет на свет улицы.

Родион сидит в свете софитов на краю сцены, в руках микрофон.

113

РОДИОН

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

АССИСТЕНТ. Отлично, спасибо, спасибо. А то бы мы его еще долго ждали.

ЛИКА. Оставайся! Послушаешь стихи друга.

РОДИОН. Я бы с радостью.

ЛИКА. Но?

РОДИОН. Но.

Родион выходит из бара и сталкивается с Жекой Горловым в пальто и ярком костюме. Тот любит афишей с собой.

ГОРЛОВ. О! Какие персонажи! Ужель пьете в этот час, иль на меня пришли глазеть? Привет, поэт! А я-то думал, ты ушел в подполье, строчишь роман в перегонки со мной. Хотел тебя вчера позвать попеть по-братски после работы.

РОДИОН. Артист, поэт и тамада. Что дальше?

ГОРЛОВ. Завидуешь? А я прикинь, вчера, пришел домой: дверь взломана, всё вдребезги. По камерам пробил... Стоит ушлепок, на тебя похож. А во лбу строка бежит «я лох»... Так, с этим позже, дружище. Не хочу коверкать настроение. Че приперся? (зовет Лиду) Лиду? Пропустим человечка на концерт? (Родиону) Обожаю ее.

РОДИОН. Животное.

ГОРЛОВ. Чувак, остынь, я прикалываюсь. Ручонки убери.

Родион бьет его в челюсть.

ГОРЛОВ. Че?

Еще удар.

ГОРЛОВ. Ты охренел?

ЛИКА. Вы охренели оба?

ГОРЛОВ. Малыш, ну ты посмотри на мой костюм!

Горлов бьет Родиона в ответ не по-актерски, как когда-то показывал Лике, а всерьез, по-настоящему. Оба падают в слякоть. Из бара выскакивает Лика и Макс. Уборщица разнимает парней. Горлов поднимается и смотрит на свой костюм.

ГОРЛОВ. Сука. Я тебя уничтожу, понял? Как там ты сказал? Сальери? Я сочиню это быстрее и талантливей! Осел.

Родион шатается по городу с бутылкой вина. Выходит на площадь искусств Петербурга к постаменту без Пушкина. Рядом дежурит полицейский. Мы видим, что это Лукавый.

РОДИОН. А когда памятник вернут, не знаете?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Время придет — вернут. Реставрация.

РОДИОН. А чей памятник стоял, помните?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Что значит, чей?!

РОДИОН. Я вас спрашиваю.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Ты меня спрашиваешь?!
РОДИОН. Нет, нет. Извините.

Полицейский отходит. Прохожие, слышавшие разговор, пытаются вспомнить, чей памятник.

ПРОХОЖИЙ-1. Мужик какой-то был.

ПРОХОЖИЙ-2. С бородой?

ПРОХОЖИЙ-1. С бакенбардами... Да не помню я... О, в пиджаке!

ПРОХОЖИЙ-2. Сидячий?

ПРОХОЖИЙ-1. Че?

ПРОХОЖИЙ-2. Сидел?

Прохожие удаляются. Родион взбирается на пустой постамент и читает свой стих.

РОДИОН

не уйти, не уехать, не вырваться. не прорваться, не выскользнуть из границ. выбьешься из сил, выбьешься. выдирай себя по частям из страниц. я — закон. не уедешь, останешься. оставайся, воюй со мной, ненавидь. место гиблое, вечное, странное. не забыть, не покинуть, не победить. я — магнит. не сорвешься, не спрячешься. погуляй. повыгуливай алфавит мой! мальчик, хочешь куда-то отправиться? мальчик хочет куда-то уплыть? ну, поплавай, поплавай... порадуйся. повыгуливай алфавит! дурачок в бездорожье отправился. так хотелось ему порулить. ну, поплавай, поплавай, порадуйся...

115

Полицейский возвращается.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Слышь, дурачок. Слезай-ка сюда. Документики показываем.

РОДИОН. С собой нет. Я поэт.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Кто?

РОДИОН. Родион Андреев.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Почему памятники топчем?

РОДИОН. Так нет же памятника... Пусто.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Ты спорить будешь?

РОДИОН. Нет.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Почему топчем памятник, камикадзе?

РОДИОН. Я выступаю. О себе заявляю, я.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (ЛУКАВЫЙ). Заявитель, значит.

У полицейского срывает рация, он отходит. Родион с подозрением взглядывается в его лицо.

РОДИОН. Мы не знакомы?

Полицейский-Лукавый отходит, ухмыляясь.

УБОРЩИЦА (ИРИНА). Отличные стихи. Вам они подходят куда больше позднего.

Родион оборачивается. На лавочке сидит уборщица из бара. Она переделалась в гражданскую одежду, с первого взгляда ее не узнать.

РОДИОН. Я вас не сразу... А почему вы не остались на Евгения? Онегина.
УБОРЩИЦА (ИРИНА). Не моя смена.

Родион подсаживается к ней.

УБОРЩИЦА (ИРИНА). Вы мне, Родион, давно симпатичны. Еще до вот этого успеха. Имя у вас красивое, как у моего отца.

РОДИОН. Не знал. Значит, вы Ирина Родионовна... Как няня...?

УБОРЩИЦА (ИРИНА). И пишете талантливо, я за вами давно наблюдаю, волновалась, когда вы боялись выступать. И тот ваш сборник настоящий хорошо помню. Зря вы не читаете теперь ничего оттуда.

РОДИОН. Оттуда я, кажется, всё забыл.

УБОРЩИЦА. Своё не забудете.

Родион смотрит на Ирину Родионовну с немой оторопью.

УБОРЩИЦА (ИРИНА). Помните, прекрасные строки? *(читает стихотворение Пушкина)*

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:

РОДИОН.

Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

УБОРЩИЦА (ИРИНА).

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,

РОДИОН.

Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

УБОРЩИЦА (ИРИНА).

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

РОДИОН. Спасибо. Я понял. (неловко, показывает бутылку) Может, вина? Да где же... Кружка. Хах.

Родион и Ирина Родионовна разговаривают на скамье.

/ЗАТЕМНЕНИЕ/

Квартира Родиона.

Родион сбрасывает бакенбарды — чужую маску. Возвращая себе свое лицо.

Родион достает из рюкзака с дрелью свой сборник, который забрал от Жеки Горлова. Он улыбается и начинает перечитывать.

Затем открывает ноутбук с файлом «Мои Стихи», печатает. Его лицо сияет спокойствием: тревоги больше нет.

Квартира Родителей Родиона.

Отец Родиона идет в коридор, достает из внутреннего кармана куртки сборник стихов «родион андреев», отряхивает его от пыли, подходит к дивану, садится и начинает читать те самые стихи сына. Он улыбается.

Решает выключить телевизор, и продолжает читать в тишине.

117

/ВИДЕО-ПРОЕКЦИЯ/

Жеке Горлову делают грим под Пушкина для рекламы березового сока. Художница по гриму — это СПУТНИЦА Виссариона Чернавского из той реальности, в которой Родион был звездой. Мы видим, что пока Художница накладывает грим Жеке Горлову, на диване скучает Виссарион Чернавский. Виссарион крутит в руках коробку с соком, хмыкает.

ГОРЛОВ. Литературный критик, говорите... (гримерше) А можно... Ван момент.

Жека Горлов подпрыгивает, достает из кармана сборник с кофейным отпечатком и протягивает его Виссариону.

ГОРЛОВ. Я точно в этом понимаю меньше, чем вы. Но, кажется, там очень талантливо. Не судите по обложке.

Виссарион разглядывает обложку и охреневает. Ухмыляется проделкам судьбы и начинает читать. Его лицо сменяется с надменного на вдумчивое, затем на удивленное, одобряющее и восхищенное...

/РЕКЛАМА/

РЕКЛАМА БЕРЕЗОВОГО СОКА.

Березовая роща. По ней идет мужчина. Мы видим его спину, затем лицо. Это Жека Горлов, переодетый Пушкиным, смотрит на березки и трогает их с любовью.

ГОРЛОВ (ПУШКИН). Здесь русью пахнет!

Жека Горлов (Пушкин) держит на вытянутой руке сок «Березовый», нежно трется об него щекой, открывает крышку и смотрит в кадр. Вот-вот сделает глоток!

ГОРЛОВ (ПУШКИН). Представьте себе русский дух в бутылке. А если добавить к нему лечебные свойства березы, получится настоящее волшебство.

Жека Горлов (Пушкин) с наслаждением подносит картонную упаковку к губам и ПОЧТИ_делает глоток. Но вдруг раздается выстрел. Пушкин-Горлов падает, перед падением всё же успевает сделать несколько глотков живительного русского сока.

ГОРЛОВ (ПУШКИН). Березовый сок славится лечебными свойствами, которые помогают укрепить иммунитет, поднять тонус и оздоровить организм. (подмигивая в кадр) С каждым глотком.

Стреляющий подходит к телу Горлова-Пушкина, дабы убедиться в его кончине, но Пушкин-Горлов вскакивает как ни в чем не бывало и убивает противника.

ГОРЛОВ (ПУШКИН). Русский дух — высокие технологии!

Играет рекламный джингл, возможно, балалайки. Вместо березового леса — лес упаковок березового сока.

/РЕКЛАМА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ/

Родион сидит за столом. Справа разложены его книги, слева один за другим подходят поклонники за автографами. Одна из поклонниц — одна из Подруг, которые брали у Родиона автограф. Родион открывает сборники один за другим и подписывает: «Родион Андреев». Подходит Подруга. Родион ее узнает.

РОДИОН. А где подруга?

Подруга-1 его не узнает. Для нее это первая встреча с Родионом, заметно волнуется.

РОДИОН. Для кого подписать?

ПОДРУГА–1. Для меня. Таша.

РОДИОН. *(подписывает)* Таше от Родиона Андреева.

Родион возвращает книгу. Они смотрят друг другу в глаза. Таша смущается, улыбается и отходит. Очередь автограф сессии продолжается

....

Родион подходит к полкам с книгами, рассматривает различные издания А.С. Пушкина. К Родиону подходит Виссарион с экземпляром книги.

ВИССАРИОН. Автограф для продюсера?

РОДИОН. С удовольствием.

Вдалеке колеблется Таша, решается подойти. В руках полароид.

ТАША. Можно с вами? *(крутит полароидом)*

РОДИОН. Конечно.

ТАША. У вас отличные стихи. Мне нравится. В хорошем смысле.

Родион улыбается. Изображение на полароиде проявляется.

119

Родион гуляет с Ташей.

Они идут мимо библиотеки им. Пушкина, мимо метро им. Пушкина, сквозь сквер, где Родион пытался сочинить Евгения Онегина, гуляют на Черной речке. Мимо них проплывают вывески с пушкинской музейной картой, театром им. Пушкина и указатель на Пуш.горы.

ТАША. Родители хотели, чтобы я на физфак шла, они у меня физики, и сестра старшая на радиофизика училась, спала с учебниками. А я вдруг решила, что буду поступать на астрономию, не знаю, почему. Пришла на день открытых дверей, а там на учебной доске чеширский кот нарисован. Ну, я и подумала, что это знак. Я же, как и многие, думала про астрофизику, что это звезды, космос, романтика, а это оказывается голая физика и математика.

РОДИОН. Не отвертелась от физики, получается.

ТАША. Не-а. Та же физика, только в космосе.

РОДИОН. А будущее ты умеешь видеть?

ТАША. *(смеется)* Будущего вообще не бывает.

РОДИОН. Как?

ТАША. Есть настоящее, прошлое и возможное, вот и всё.

РОДИОН. Настоящее, прошлое и возможное...

ТАША. Я сейчас вообще ничего не планирую и не загадываю. *(пауза)* На пятом курсе поехала на Северный Кавказ. Там стоит самый большой российский телескоп, современные лаборатории, природа классная. Тогда я этим всем загорелась и хотела заниматься наукой, жила там, диплом писала. Познакомилась со студентами из Питера, влюбилась, съездила в гости, а потом и переехала сюда насовсем. Наверное.

РОДИОН. Так у тебя и парень есть?

ТАША. Может и есть, а че ты переживаешь? Да шучу, нет у меня парня, расстались. А вот Питер, Питер — это любовь.

Они смотрят друг на друга, продолжая бесконечный разговор.

Родион с Ташей приходят в бар. Лика ходит со списком участников. Улыбается Родиону, ставит галочку о его участии. Родион с Ташей садятся за столик, уборщица Ирина Родионовна приносит им напитки.

УБОРЩИЦА ИРИНА. От Макса.

Бармен подмигивает парочке. Родион дарит уборщице свою новую книгу.

РОДИОН. Ирина! Это вам.

УБОРЩИЦА ИРИНА. Родион! Я же сразу вам сказала: погорячился тогда этот критик. А мне нравится.

РОДИОН. Спасибо.

Входят родители Родиона. Они раздеваются, и подсаживаются за столик к Родиону и Таше. Родион представляет всех друг другу.

120

РОДИОН. Елена, Валерий, Таша.

МАМА. Наташенька.

ТАША. Здравствуйте...

Отец пожимает Таше руку. Лика подходит к Родиону со списком.

РОДИОН. Народ собирается...

ЛИКА. Ты же выйдешь? На сцену.

РОДИОН. Конечно.

ЛИКА. «Вот север, тучи нагоняя, Дохнул, завыл — и вот сама Идет волшебница-зима» — помните, у Пушкина? Мороз и солнце пришли на смену осени, а это значит, что вновь настало время Стихопатии, ведь каждые три месяца у нас — соревнование поэтов на деньги. В ближайшие пару часов нас ожидает много прекрасных стихов от суперкрутых поэтов, которые уже здесь. Я — Лика Коэн. Начинаем. (*пауза*) А первым я хочу пригласить на эту сцену одного очень талантливого автора, у которого вчера вышла книга стихов! Так складывалось... что Родион ни разу не заявил о себе в нашем конкурсе... И я подумала, что и сегодня это твоё выступление будет вне конкурса.

Звучат аплодисменты.

ЛИКА. Родион Андреев! Камон.

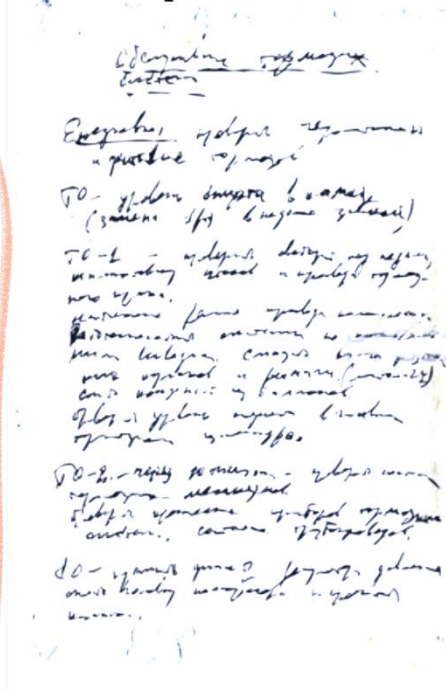
В бар забегают запыхавшийся Жека Горлов, машет Родиону: успел. Родион машет ему в ответ и идет на сцену в рапиде, на свет прожектора.

Воронеж, 2023

ОЛЕСЯ ЛИХАЧЕВА

1985 г.р, драматург, Воронеж
Окончила мастерскую Н.С. Скороход
в РГИСИ (Санкт-Петербург).
Победительница Пушкинского конкурса
в номинации «Наше все» с пьесой «Пуш.Kill».
Постановки — в МХТ им. А.П. Чехова
(Москва), театре Балтийский Дом (СПб),
Театре Поколений (СПб) и др.

Фото: Валерия Земская

11 КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ

В основе пьесы — реальные лица и события.

Действующие лица:

ВИКА, девочка 10 лет

ПАПА ВИКИ, 32 года

МАМА ВИКИ, 30 лет

Утро буднего дня. Небольшая комната в общежитии — около 11 квадратных метров. Вплотную друг к другу стоят шкаф, кресло и диван. Напротив дивана телевизор, холодильник и кухонная тумба. Папа сидит на диване за деревянным столом, мама стоит у кухонной тумбы, Вика сидит на кресле в школьном сарафане и с бантиками на голове.

ВИКА. Вся моя жизнь проходит на кресле. Под пальцами ребристая поверхность, чёрточки, ногтевой пересчёт: раз, два, три. Иногда мне кажется, что если сидеть долго-долго, то можно увидеть отпечатки узора на коже. Возможно, он останется со мной навсегда.

123

С моего угла можно осмотреть ковры: *(показывает на пол и стены)* раз, два, три. И хотя ворс облепляет все поверхности комнаты — я не чувствую впитавшихся в него запахов. У моих подружек пахнет горячим молоком или рыбой, мазями и лекарствами, старой мебелью. У нас — ни прожаренного котлетами воздуха, ни маминых духов, ни папиных сигарет. Ничего даже из других комнат по коридору. Лишь изредка запах свежего хлеба из пекарни под общежитием, *(показывает хватяющее движение)* как будто протянешь руку и схватишь буханку. А дальше из окна — другой район на горе, как спина волшебной рыбы-кита, по позвоночнику которой проезжает поезд.

МАМА. *(ставит на стол чай и тарелку с бутербродами)*. Вика, садись ешь. Я на балкон за вареньем *(уходит со сцены)*.

ВИКА. *(перелезает с кресла на диван, садится за стол)*. Наша комната у общего балкона. Я стараюсь лишний раз не выходить на него: из бетонной стены выступает солидный штырь *(показывает руками длину штыря, как принято ребенку преувеличивает — растягивает руки во всю длину)*, на котором держится мой мир. Пять этажей вниз падать не хочется.

Мама возвращается. Ставит банку варенья на кухонную тумбу, а сама садится на кресло, берёт из сумочки карманное зеркало и начинает краситься.

ПАПА. Помнишь, что ты сегодня в школу с дядей Семёном и Таней? Смотри машины не перепутай.

ВИКА. Ну папа! *(далее в зал)* У меня туго с номерами машин и их внешним видом. Особенно среди кучи снега тёмным зимним утром, когда шапка и шарф закрывают глаза. Вот как-то в декабре нас с подружкой в школу должен был отвезти её папа. Зима, мороз, темно, вижу — машина. Я еле заползла на заднее сидение с портфелем и в болоньевых штанах! Сказала громко «Здравствуйте!» Какой-то мужик повернулся, посмотрел на меня и ничего не понял...

Я тут же открыла дверь и постаралась убежать, но сразу упала в сугроб. Пыталась выбраться из него, проваливалась, он мне уже в рот попадал. И эти штаны ещё фить-фить-фить скрипели по снегу. Какой же позор... *(закрывает глаза руками на несколько секунд)* В итоге: отряхнулась и, будто бы ничего не случилось, осталась ждать подружку на улице.

124

Вечером папа спросил:

ПАПА. А ты чего сегодня в чужую машину залезла?

ВИКА. Как? За мной следят? *(смотрит по сторонам)* Так и знала, что дома скрытая камера! Или на снегу остался след моего лица? Откуда он знает?

ПАПА. Мне на работе сегодня рассказал сосед.

ВИКА. Дурацкое общежитие, где все работают на одном заводе и друг друга знают.

Я заплакала. Родители смеялись, а я продолжала корить себя: как стыдно!

ПАПА. Ладно-ладно.

ВИКА. Это он еще не знает, как вчера за мной опять какой-то мужик гнался. Хорошо, что входные деревянные двери заменили на железные с домофоном. Я успела её захлопнуть за собой — и всё, никак дальше не попадёшь! До пятого этажа я бы уже не добежала...

В первом классе пришлось от одного такого мужика вообще петлять кустами и дворами.

Папа делает телевизор громче. Вика ест.

МАМА. Вика, вечером не хочешь сходить вместе на почту? Надо бабушке письмо отправить.

ПАПА. Им разве связь еще не провели?

МАМА. Не всем. К концу весны обещали установить телефоны и присвоить номера. А там они пока в администрацию ходят да в сельпо.

ВИКА. У нас в городе у всех уже есть сотовые телефоны. Мне в прошлом году купили самсунг — а в моём классе почти у всех еще только нокиа. Один раз я забыла сумочку с телефоном в автобусе. Поняла это почти у дома, мы с мамой вернулись на конечную, нашли автобус, а сумки там уже не было... Оказалось, что наш сосед с 4 этажа нашел ее и ждал нас на лестнице. Всё оказалось на месте. Он ходит на одной ноге и наркоман. Но добрый.

Папа делает телевизор громче.

ПАПА. Юля! Слышишь, Ельцин вчера вечером умер.

МАМА. Чего?

ПАПА. Ельцин умер!

ВИКА. Вообще не услышать что-то в нашей комнате сложно, так как всё расстояние равно (*делает вид, что считает*)... Примерно десять шагов восьмилетки. А вот у моей подружки Танюшки только зал такого размера. Но да ладно: (*к папе*) Папа, кто такой Ельцин?

ПАПА. Первый президент России.

ВИКА. Ого. Больше мне ответить нечего. Надо же: прямо сейчас я собираюсь в школу, а умер наш первый президент.

(*к папе*) У России до этого разве не было президентов?

ПАПА. Нет, там другая система была.

ВИКА. Там был Ленин? Ленина я знаю: у него День Рождения был позавчера. Ты раньше говорил, что мы с ним совсем рядышком.

ПАПА. Прощание и похороны назначено на 25 апреля.

ВИКА. За день до моего дня рождения! Можно я посмотрю по телевизору? (*поворачивает голову, то на маму, то на папу*) Потом расскажу всем в школе! Хоть кто-то теперь не будет говорить, что поздравляет меня с годовщиной Чернобыля. Дурацкая дата.

МАМА. Зачем тебе смотреть это?

ВИКА. Чтобы быть свидетелем истории.

ПАПА. Если показывать будут. Юля, ты готова?

МАМА. Не забудь деньги на столе (*целует Вику*). До вечера.

ПАПА. Давай пять (*даёт пять Вике*). Целую крепко твоя репка.

Папа берёт кожаный плащ. Родители уходят.

Вика разваливается на диване и берет пульт от телевизора, листает каналы.

ВИКА. Папин кожаный плащ наделал столько шуму недавно в школе. Мои одноклассники уверены, что он — мафия. Как в «Бригаде». У нас есть кассеты со всеми сериями. Папа говорит, что понимает Сашу Белого. *(цитирует низким голосом): «Будут стрелять по мне, а зацепят вас».*

Рядом с кассетой Бригады ещё лежит мой любимый мультик «Балто». Но я его не пересматривала уже несколько лет. Одного дядиноного друга зарезали, он узнал об этом, когда мы смотрели вместе «Балто». С тех пор не хочу пересматривать.

(выключает телевизор, смотрит в окно)

Недавно папа ушел на другой завод и теперь им с мамой на работу в одну сторону. Раньше маме приходилось ехать целую вечность на пазике: мы живем на одной конечной, а ее работа — на другой.

Я тут узнала, что пазики создавали для перевозки картошки, людей на поля и гробов. Но зимой мне нравится в них просто сидеть у окна, поставив ноги на печку. Трамвай и троллейбусы до нас не доходят: они новые, списанные из Москвы!

126

Вика подтягивает резинку бантика на волосах. Достает из-за дивана зеркало.

Зеркало у нас одно, его постоянно приходится таскать туда-сюда. *(крутится у зеркала)* Сарафан мне сшила подружка мамы, потому что отдельно покупать — дорого. А банты эти у меня с первого класса. Вон в них фото есть *(указывает на фото в рамке около телевизора)*.

Маме Таньки пришла идея: купить какие-нибудь дешевые картины в магазине у дома, соскоблить с них рисунок — останется красивая рамка. В хлебную мастерскую идти дорого.

(ходит из стороны в сторону) Вот мама купила картину в чёрной раме с золотыми переплетениями в магазине на другой улице. В этом магазине вообще есть всё: вёдра, утюги, платья, выдуманные права Барби, великолепные пятитысячные купюры с мультяшными героями и наклейки. Сходить туда — великое удовольствие. Но картины? Кого это интересует у нас на районе?

Короче, сколько ни убирала рисунок, вокруг моей фотографии всё равно какая-то траурная рамка осталась.

Звонит домашний телефон. Вика берёт трубку, отвечает «алло» и слушает. Кладёт трубку.

ВИКА. Папа попросил не выходить на улицу, а ждать у Таньки на третьем этаже. В подвале за железными решетками обыск. Кого-то опять нашли.

Молчит. Смотрит в зал. Говорит:

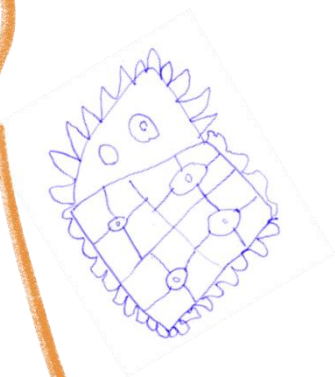
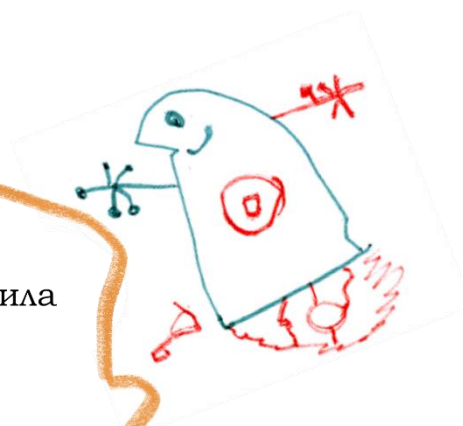
Каждый день я загадываю денежному цветку младшую сестру и переезд.

ВИКТОРИЯ МАТРОСОВА

Родилась в г. Томске, окончила филологический факультет Томского государственного университета.

Сейчас проживаю в Санкт-Петербурге. Работаю в сфере онлайн-образования.

Публиковалась на русском и английском, участвовала в резиденции АСПИР в 2022 году. Пишу рассказы и пьесы.

СЕРИИ

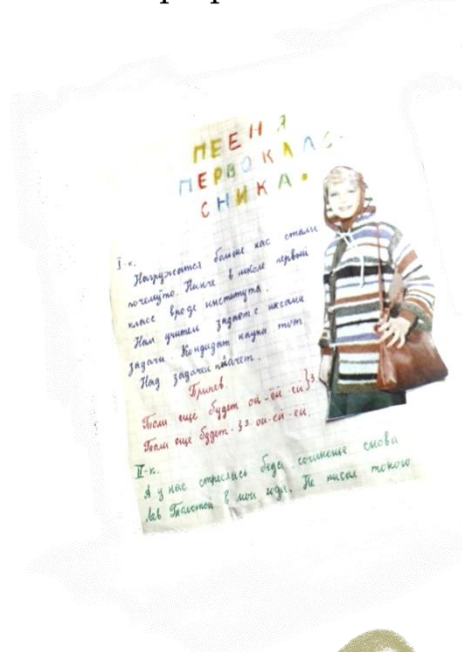

РИТА ШИЛКИНА

Автобиография: Родилась в 2003 в городе Абакане, с 2021 студентка Литературного Института им. А. М. Горького по направлению «проза» (мастерская Р.Т. Киреева), участница мастерских АСПИР («Мир литературы. Новое поколение», межрегиональные мастерские в Екатеринбурге и Новосибирске) и форума молодых писателей «Липки», полуфиналист премии «Лицей».

Фотограф: Зыкова Елена

ВСАДНИКИ

И.Б.

I

Они сидели за столом, уставшие, но бодрящиеся, и считали чужие деньги. Родионов рассказывал про ценники и тиражи, Белый вбивал цифры в калькулятор, а Щербаков перекатывал бледно-зелёные горошины по тарелке. Он сосредотачивался на игре «прокати горошину по золотистой каёмке и не получи ничего». Горошина за маму, горошина за папу, горошина за первый «А», за пятый и одиннадцатый, горошина за Веру Георгиевну, горошина за Сеткину, за Родионова, за Белого. Десять горошин за Белого! Белый — единственный из первого, пятого и одиннадцатого «А» — выбился в люди! Ай, да Белый, ай да молодец! Кто сейчас вспомнит, что он крысил и доносил на Ваньку Рыжакова классруку? Ирина Петровна — кажется, её звали Ирина Петровна (Вера Георгиевна появилась позже) — а Рыжаков пилит парту линейкой, вон, вон посмотрите! Ванька Рыжаков ушёл от них после девятого, сперва в ПТУ, а потом и насовсем, туда, откуда не возвращаются — напился, нарвался на мента, завязалась драка, его, дурака, ударили, он пошатнулся, упал, ударился головой и умер. Бордюры из бортового камня, бордюры из бордюрного камня, почему бы не лепить их из пластилина? Нужно разжижать кровь, разжижать, иначе она свернётся, Ванька не знал, что алкоголь превращает ноги в вату, а не разжижает кровь, несчастный, невежественный, одинокий. У него, кажется, была беременная девушка? Он, кажется, так и не стал родителем? Или, кажется, стал? Почётное звание посмертного родителя, лучше бы такого не присуждали, как и почётных званий вдов, переживших развод супругов, бездетных отцов и матерей. Горошина за Ваню — мало, десять — мало, целую банку! Целую банку за раз, в одного, чтобы не переваривалось, чтобы спёрло дыхание, чтобы слёзы на глазах и ком в горле. Ванька умер, а они жили, целовались, выходили замуж, рожали детей, устраивались на работу и увольнялись, а Ванька как был школьником с заляпанной картофельным пюре рубашкой, так им и оставался. Нельзя было собираться без Ваньки, нельзя было без него танцевать. Белый пожаловался на него классруку и окончил школу с золотой медалью, выпустился из университета с красным дипломом, ай да Белый, ай да молодец!

Все они жаловались на жизнь, все они плакали, мол, то не это, это не то, пашешь как лошадь, а получаешь гроши, штаны просиживаешь, годы прожигаешь, что за жизнь, что за жизнь? У Ваньки и такой не было. Мама, которую забыл, папа, которого не видел, кашляющий дедушка, плачущая бабушка, кошка Муська и её трое котят. Ванька прогуливал геометрию и физику, пил, похабно шутил, но, когда у Муськи появились котята, забыл обо всём и сутками простаивал на рынке. Ночами холодело: коченели ступни, он не чувствовал пальцев ног, обнимал себя, хлопал по коленям и голеням, но те только краснели. Тупо выходить в джинсах на мороз, но что делать? Одежду дедушки не наденешь: пропахла старостью, тошно шкаф открывать — а кроме джинсов ничего нет, разве что болоньевые штаны, но в таких только лохи ходят. Котята ползали в вязаных кофтах и шарфах, по постеленному внизу коробки одеялу, Ванька мёрз, а котяткам мёрзнуть не давал, как-никак, они были меньше и слабее. Дома их могла съесть лишённая молока Муська. Такое с ней уже бывало, он видел, ещё подумал: мышь поймала, что ли? Крупновата для мыши чёт... Подумал, и его затошнило. Стошнило. Котят разбирали, из помёта в помёт, — это стоило и заочкованных пальцев, и обветренной, потрескавшейся кожи. Ванька стыдился рукопожатий, ему казалось, что если до него дотронуться, то можно непременно поцарапаться.

132

Он специально отпустил что-то про мать того мента, хотел, чтобы ему вмазали, хотел, чтобы избili, наказали, плохой, бесполезный, кому он сдался? Верка кричала, что он сломал ей жизнь, что она теперь никто, что теперь её родители отвернутся от неё и перестанут называть «доченька», Верка кричала и желала ему, сукину сыну, смерти. Вот он и умер, сукин сын.

Горошины в тарелке Щербакова кончились, Белый с Родионовым перестали считать и переключились на литературу. Они не то соревновались в количестве прочитанных авторов и выученных наизусть стихотворений, не то по сути своей были занудны — рассуждали о смыслах и о том, где они глубоки, а где поверхностны, как первое связано со вторым, а второе — с третьим, углублялись в историю, вспоминали Золя, Гессе и Гёте, и у Щербакова вяли уши.

— Если бы роман Шаповой «Это я, Елена» назывался «Это я — Леночка» было бы иронично.

— Если б издала книгу «Старуха сидит на месте» было б ещё ироничнее. Жаль, у нынешних писателей всё смерть да алкоголь, смерть да развод, смерть да аборт. Как будто писать не о чем.

Щербакову не нравился Белый, не нравилась его речь. Эти высокопарные «да, да, да», люди чёкают, экают, мыкают, запинаятся, а этот... Мало, что живёт как праведник, так ещё и вещает как со сцены. За три часа, что они сидели в этом обшарпанном клубе, в этом «Каштане», он ни разу не хихикнул. Летний лагерь, дискотека, Лизка танцует с Мишкой, ты готов плюнуть ему в лицо, но плюёшь на ботинок, слабо, надо признаться, неуверенно, слюна провисает ниточкой и капает на штанину, — вот что это был за «Каштан». Белый смотрелся здесь нелепо, как белая ворона, как пион среди подосиновиков, маслянистых и склизких. Он мог сказать: «Бесконечная шутка», и все готовы были молкнуть, падать на колени и каяться в своей необразованности, клясться на том же Уоллесе, что отныне и впредь будут читать каждый день, каждую свободную минуту. Белого сторонились. Те, кто поумнее, считали себя рядом с ним ущербными и бесталанными, а те, кто попроще, говорили, что он «чё-то там непонятно чё вякает и не бухает, странный ваще, ну его, короче». Между тем, Белый уставал от самого себя: считая себя человеком способным, он мрачнел, как только проходил день, а его потенциал не реализовывался. Он переставал разговаривать, а если на разговор его всё-таки выводили, раздражался. Он наказывал себя алкоголем и жирной пищей, физические страдания отвлекали от душевных, и Белый метался, как загнанный в клетку зверь. Страдания цеплялись друг за друга и создавали порочный круг, из которого он с размахом выходил — то, проведя месяц без тренировок, записывался на полумарафон, то, отложив чтение в дальний ящик, запирался на месяц в библиотеке и дочитывал все те книги, которые пылились в шкафу. Он казался кем-то рациональным, кем-то, для кого правила означали жизнь, а жизнь означала правила, но лишь казался. На деле он был порывист и до страшного увлечён: не только заносил в заметки имена авторов, но и открывал их, изучал тех, кого записывал. Таким могли похвастаться немногие, в «Каштане» — никто. Белый придумывал себе идеальный образ и подогнал под него жизнь, уставал, не спал ночами, но продолжал подгонять.

Он не утверждал, что работа — это ключ к успеху, но верил, что она и только она может спасти от скуки и тоски. У него была чётко

выстроенная картина мира, на каждый вопрос он если не находил, то искал ответа. Всё этого — сформированные убеждения, сформированные увлечения и сформированный характер — у него были. Ровно до того момента, пока он, читая лекции по зарубежной литературе, не влюбился. Выслушал её доклад, посмотрел в голубые глаза и вдруг всё понял. Ему захотелось упасть на колени и зашептать её имя, бессвязно, безостановочно: Вера, Вера, Вера... Однако встrepенулся, бросил: «Хорошо, спасибо, присаживайтесь» и пригласил следующего докладчика. Обычно разговорчивый, весь этот семинар он молчал. Их разделяло больше десяти лет, у него — два года отношений, у неё — меньше, но тоже есть, ничего бы не получилось, ничего и не получилось, без «бы». Или? Он впервые почувствовал что-то настоящее, впервые испытал что-то не потому, что искал, а потому, что нашёл, внезапно и неожиданно. Не получилось ли? Он твердил, что ему не нужна взаимность, твердил и вздыхал, пронзаемый такой тоской, что слёзы выступали на глазах, и такой щемящей нежностью, что в области солнечного сплетения становилось щекотно. Белый уехал в Карелию, смотрел на бурлящие квасом водопады, тёмно-коричневые и пенистые, слушал пение птиц, по вечерам жёг костры и опускал в них ветки. Концы поджигались, разгорались и гасли, он тушил их об лёд. Его не утешали ни кирха, построенная в двадцатые девятнадцатого столетия, ни мраморные каньоны с сероватыми узорами, ни деревянный пирс посреди заледенелой воды. Он любовался видами, но все они, что кирка из красного кирпича, что зелёные кроны, окрашивались в голубой. Голубым стало всё: обожжёшься о шампур, ожог заголубеет, будешь резать редис, нож соскользнёт, кровь заголубеет. Белый уехал из Карелии в Петербург, щурился от мелкого снега по утрам и солнца по полудням, прогуливался по людным Невскому и Лиговскому, заходил во дворики, наблюдал, как тень от одного дома ложится на второй, как здания становятся объёмнее, и всё искал. Вернувшись домой, он поцеловал свою не-девушку девушку, подругу Родионова по Консерватории, виолончелистку, а потом вытер губы рукавом. Они охладели, превратились в карельский лёд. Её губы были такими же тёплыми, как и прежде, но огонь тух, Белый больше не запоминал слов, не обращал внимания на повороты головы и интонации. Они продолжали жить вместе: вместе засыпали и завтракали, но, как только солнце заходило за горизонт, он переводил взгляд за стекло и вздыхал, много, часто и тяжело. Ему бы расплакаться, признаться во

всём не-девушке девушке, лучшему другу, первому встречному или Вере, в конце концов, но он молчал.

135 Вера поступила на филологический случайно, сдала четыре экзамена: русский, английский, литературу и историю — все на девяносто с чем-то, и начала выбирать. Обычно университеты выбирали абитуриентов, но Вере об этом никто не сказал. Ей вообще мало кто что рассказывал, и поэтому она строила жизнь как хотела: хотела не отвечать на семинаре, просила об этом, и что-то заставляло преподавателя философии слечь с температурой. Она влюблялась, и в неё влюблялись в ответ, всё сбывалось и сбывалось поразительно точно. Было страшно думать о страшном, ведь оно могло рано или поздно наступить. Должно было, по крайней мере. Вели ли Веру мистические силы, или она просто-напросто в это верила? Совпадения, знаки, знамения... Однажды, возвращаясь после пятичасовой прогулки со своим молодым человеком, к тому моменту ещё не бывшим, она повстречала в метро его друга. До этого видевишиеся в общей компании, они обменялись парой фраз и разошлись, а теперь, именно после ссоры с ещё не бывшим молодым человеком, встретились. Друг спускался вниз по лестнице, она поднималась по ней же, но с другой стороны, разделённые решёткой, они перегнулись через неё и обнялись, договорились о встрече. По приходе в общежитие Вера прямо в джинсах опустилась на кровать и начала гадать. Она не доверяла таро, но, как только появлялись сомнения, карты были первым, к чему она обращалась. Расклад предрёк, что Верина любовь — это человек интеллигентный и опытный, Максима, своего нового старого знакомого, она считала именно таким, однако на первой же встрече, после похода в кино, пота и сосульчато-сальных волос, поняла, что поторопилась. Карты не врали, Максим просто-напросто был не тем. В следующем учебном году она перешла на четвёртый курс и увидела интеллигентного и опытного человека в только что поступившем аспиранте. Ему было двадцать шесть, должно быть, двадцать шесть — это именно тот возраст, когда мужчина ещё молод, но уже интересен. Ей бы испугаться, подумать: «А не ищущ ли я в нём своего отца?», но Вера подумала: «Раз пришёл, пусть остаётся». Колода контрастная, деталей много, смысла в каждой — трактуй не перетрактуешь: лавровый венок, куриный бог, порванный носок, сохнувший на спинке кровати. Дьявол — потакание своим слабостям, низменные инстинкты, зависимость, пороки, Башня — потрясение, Умеренность — совет, следует навести в жизни порядок, Дурак — начало чего-то нового,

отсутствие опыта, внутренний ребёнок, необходимость принятия важного решения, Императрица — зрелая женщина, познавшая любовь и горести, достичь зрелости в двадцать два, зачем, в двадцать два хорошо быть двадцатидвухлетней, Туз Пентаклей — подарок судьбы, получение чего-то ценного, период обновления. Каширин, наверняка Каширин!

Каширин ответил взаимностью. Не карты помогли ему сделать выбор, а нечто иное. В Вериных глазах он, как и Белый, что-то рассмотрел, что-то шепнуло ему: «ломай», и он сломал. Пролитая — она вопиет к небу, стыдно, как же стыдно, они будут убираться и увидят, Бастилия пала, ты же не историк, ты не историк, стоокий Аргус, Египт, Эпаф, правда, думать об ещё Эпафе рано, хватит, пожалуйста, хватит, что мне мифы, я человек. У Каширина была жена, Вера узнала об этом спустя несколько месяцев падений. Она увидела её, такую же молодую, как она сама, такую же способную на чувство, и от её взгляда Веру затошнило. Не стошнило. Ночь, улица, фонарь... Щёки мокрые, губы сухие, пусть они будут сухими, эти губы, красишь их красным, и кто-нибудь обязательно засматривается, а смотреть — это мало, смотреть — это недостаточно. Вера бродила по улицам до утра, и под утро ей показалось, что запели петухи, подсолнечное масло зашипело на сковороде, запахло жареными яйцами, можно было никуда не торопиться, валяться в постели хоть час, хоть два, хоть три. В деревню бы, в деревню...

Утром она зашла в церковь, не было ни шарфа, ни косынки, чтобы заправить волосы. Всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову. Прелюбодейка, непризнающая власть мужчины над женщиной — этим она была? Незамужняя с замужним; предсказательница, по Данте им уготован восьмой круг, — этим она и была. Несведущая, заблудшая — этим она была? Обманутая предсказаниями, использованная мужчиной, — этим она и была.

Вера никогда не интересовалась религией, на вопрос: «Верить?» отвечала неоднозначно, во что-то верила, на что-то надеялась, а Бог, судьба или случайность — принципиально ли? В детстве храмы и церкви её пугали. Это началось с того дня, когда бабушка привела её на службу и сказала: «Подойди к батюшке и покайся. Он всё передаст». Вера не подошла: в чём ей нужно было каяться и зачем? Бабушка не настаивала, встала в очередь и через

несколько минут оказалась рядом с длиннобородым мужчиной в тёмных одеждах, что-то зашептала. Подбородок задрожал, рот искривился, слёзы собрались в морщинах, бабушка их не вытирала, они капали на рубашку, на туфли и пол. Весь пол храма был в пятнах и разводах, Вера впервые видела, как бабушка плачет, плачет навзрыд, и как собравшиеся вокруг люди тоже плачут и тоже навзрыд, и от этого становилось страшно. Что же с ними делали? Почему какой-то мужчина о чём-то монотонно говорил, и все плакали, ладно говорил, но плакали-то они почему?

Вера улыбнулась своим воспоминаниям. Ей захотелось вернуться в тот день, подойти к загнанно озирающейся девочке и обнять её, не произнося ни слова, обнять и уйти. Эффект бабочки эффектом бабочки, но успокоить бы. Церковь пустовала, на плиты падал белый неяркий свет, никто ничего не читал, никто ни к чему не призывал, никто не плакал. У Веры впервые за долгое время получилось сделать вдох.

137

Потолок огибали дуги, церковь пустовала, на плиты падал белый неяркий свет, от побелённых стен отходила краска, алтарь был накрыт скатертью. Белый смотрел на лик Христа, лик Христа смотрел на Белого. Лахденпохский район, кирха в Лумиваара, её использовали как склад и тюрьму, над ней ругались, её поджигали, а она как стояла, так продолжала стоять. Кто о ней помнил, кого она волновала — туристов, которые нацарапали «С + Г» рядом с цитатами из Библии? Снежа и Гриша, Сима и Гоша, Соня и Герман, кирха — германизм, смех и грех. Время бежит, колокол молчит, кирху строили финны, рядом с ней — братское захоронение, под землёй финские солдаты и жители посёлка, быть может, это они её построили или, быть может, это были их отцы, сыновья и братья, матери, дочери и сёстры. Внутри церкви мемориальная доска, кому и о чём напоминали эти имена, фамилии? Кому и о чём напомнит его фамилия — Белый? Белый, Чёрный, Саша Чёрный, Андрей Белый, а он Саша Белый, вот ирония, московский преподаватель из Петушков. Какое у него право на существование? Такое же, как и у этой кирхи с её строителями, как и у Саши Чёрного с Андреем Белым, как и у Москвы с Петушками, вырваться из контекста, крикнуть: «я — это я! а я — это не кто-то!» сложно, невозможно, так что же? Кто же помнил о кирхе, кого она волновала — не карельские ли дожди, что стучали по шпилью?

Родионов то облокачивался о спинку стула, то подавался вперёд, вращал шеей влево и вправо, хрустел позвонками. Он сцеплял пальцы в замок и опускал на них подбородок, расцеплял их и стучал ими по столу. Создавалось впечатление, что он не знает, что с собой делать.

— У меня знакомая рассказывала, что у неё папа маму два месяца ждал. Он был иностранцем, а она — переводчицей. С финского, вроде... Ну не суть, поболтали, она сказала, что приедет сюда репортаж об отреставрированных церквях писать, и он каждый день по две электрички приходил её встречать. Через два месяца выходит и видит его... История, скажи? Есть, Сашка, любовь на земле, есть и всё. И он был женат, и у неё годовалый ребёнок, а встретились, влюбились, побросали всё и вот — моя знакомая теперь есть, живёт, спектакли в Александринке ставит. Сказка, сказ-ка!

Родионов бил по больному. Он об этом не знал, но даже если бы знал, всё равно бы бил. Для него было важно высказаться, высказываниями собеседника он интересовался мало, а его состоянием — тем более. Белый отвёл взгляд и ничего не ответил, Родионов принял это за интерес.

— Так что? Раз судьба, вместе будете, хоть голод, хоть война. Ну, у нас с Ленкой не судьба, видно, ну, бывает, дальше пойдём, женщин в мире много. Красивых, правда, меньше, умных ещё меньше, ну да ладно. Главное, знать, что они есть, и пробовать.

Они дружили с восьмого класса, поддерживали связь и в университетские годы, и после, а почему — хороший вопрос. Возможно, потому что Родионов умел растормошить Белого, а возможно, потому что Белый умел привести Родионова в чувство. Белый закончил филфак, а Родионов — консерваторию, он играл на валторне и, надо отдать должное, играл хорошо, слушать-заслушиваться. Музыка была его делом и домом, он беспокоился об инструменте так, как не беспокоился о стареющей матери. Всё, кроме музыки, обсуждал без придыхания, но как только кто-то называл валторну тубой, Родионов переходил на личности, махал руками и кричал: валторна — это другое, вы альт скрипкой назовите, назовите и спросите у скрипачки, мол, откуда у тебя засосы? Работа, работа и труд всё перетрут, Родионов оставлял засосы на пианистах, музыковедах и арфистках и шутил: «Ну вот, теперь ты первая скрипка!» Им было не смешно, но они смеялись, боялись, что

перестанет шутить, а на юморе держится всё, как выдержать-то без шуток?

139   Расстаётесь с девушкой, нервы оголены, каждое слово режет, отпечатывается в памяти так больно, что хочется кого-нибудь ударить, неважно, кого: её, себя, Игната, Игоря, Илью, как его там? Хотя, её не стоит: жалко. От смерти спасают юмор и вера, к ещё вере не пришёл, а вот для фарса в самый раз — годен! Она говорит, что сожалеет, а ты: «Конечно, конечно, но ты присмотрись, вон их там сколько». Среди толпы мужчина лет тридцати, глаза тёмные и пустые, лицо глупое, с ним она могла бы лечь из-за денег, паренёк в форме, нашивка на плече, добрый, но ничуть не умнее тридцатилетнего, с ним бы не легла, боится людей в форме, но могла бы и с ним, если б пригрозили. Нам надо поговорить, хорошо, давай поговорим, если попросишь паузу, мы расстаёмся, если скажешь, что больна, я останусь, останусь до последнего, займусь организацией похорон, буду обнимать твою маму, напишу стихотворение, стихотворение или роман, что тебе больше нравится? Что тебе больше нравится — клубничное мороженое или банановое, пломбир с шоколадной крошкой? Крошка-кошка, сдам ГОСы, начнутся вступительные, и можем снять квартиру, завести серую кошку. Игнатий, Илья, Игорь, Игнат жил с серым котом, ты выбрала его поэтому — двух зайцев одним выстрелом? Ушла бы к зам. директору зоопарка, чего мелочиться, директора не потянешь, птица не твоего полёта, птицы — это к орнитологу, ты — к заму, он тоже замещением занимается. Замещение должности главы государства, вакансии, погибших мышечных клеток, человеческого труда, онлайн-тезаурус не выдаёт ничего о замещении меня им. Юмор, юмор, на юморе всё держится.

Родионов, как обычно, пошутил про первую скрипку, и Лена ушла, потому что и так была первой скрипкой. Через три года они поженились, повыходилизамужлись. Чувства пришли, когда топили воск, сидя за столом его однокомнатной квартиры. Обои клеил сам, местами топорщились, потолок тоже сам, краска попала на рубашку, пришлось выбрасывать, зато породнился с квартирой. Он отламывал от свечи бортик, подтапливал его частички пламенем, те сжимались и превращались в струи, текли под фитиль. Одна из капель потушила огонёк, пришлось приподнимать почерневший хвостик и зажигать заново.

— Луна какая, а? Страшно раздулась, а? Дневное небо, а луна,
— это всё-таки поэтично.

— Скажи ещё, что я на неё похожа, и всё, дальше некуда.

Родионов промолчал, они продолжали топить воск и изредка посматривать на луну, в ней и вправду было нечто Бетховенское. Пока Лена разглядывала его губы, для валторнистов это святое, лучше сломать ногу, а то и две, нежели разбить губу, пока Родионов разглядывал, как его разглядывают, пока в парке, на который выходили окна, дети гуляли меж берёз и искали в себе Есениных, пока их родители качали головами, глядя на клочья собачьей шерсти, под столом пробегал таракан.

Всю совместную жизнь, все четыре года, что Родионов с Леной трепетали от нежности и сгорали от страсти, закрывались друг от друга и молчали, репетировали в одежде и без, принимали ванны, души, заваривали кофе и чай, плакали, хлопали дверцей посудомоечной машины, ну давай, давай ещё громче, не стесняйся, курили, приглашали друзей, пили коньяк и решали, что больше пить не будут, уезжали в командировки, приводили Руслана, Рената, Рауля, Рустама или как его там, тараканы продолжали бегать. Современники динозавров, трепещи, род человеческий, трепещи, пройдёт твоё царствование, царствование же тараканов вечно. Ни тапки, ни аэрозоли, ни шарики из борной кислоты с яичными желтками не изничтожат сих созданий, что общего у ворона и письменного стола? Что общего у Чуковского и Кафки? Всё они, всё они!

— А ты её любил? — спросил Белый.

— Ну, как любил, ну, было что-то... — замялся Родионов, Родионов-Тараканов. — Наверное, но не до дрожи, не до боли, под поезд бы не сиганул, с крыши бы не спрыгнул, но любовь, она, наверное, и не про крыши с поездами.

Белый кивнул и подумал, что он бы и лёг, и спрыгнул. Лечь, может, спрыгнуть? Вера пропускала его лекции, несколько раз он видел её в компании молодого аспиранта, своего аспиранта, но спрашивать, что между ними, не стал. Он не позволял себе даже намёков, только слышал её голос и не понимал ничего из того, что она говорила. «Каштан» полонила музыка, настолько громкая, что приходилось наклоняться, чтобы что-нибудь сказать. «Каштан»

переливался красно-зелено-сине-жёлтыми цветами, но для Белого он была голубым. Как и всё, как и всё надолго.

II

Он так часто спрашивал себя, в чём смысл жизни, что в конце концов ответ к нему пришёл. Хорошо ли, что пришёл? Пришёл, лучше бы не приходил, вернее, раз пришёл, значит, пускай остаётся, но посторониться. Если не посторониться, можно убиться, такой была его первая мысль: «о господи, я сейчас умру». Господь не дал ему умереть, а, может, он сам не дал себе умереть, прозреть — почти что умереть, выстоять можно, только если что-то держит, а Белого держали его студенты.

Он не подумал: «как же я умру, не оставив след в истории», не подумал: «как же я умру, не выплатив долг», он подумал: «как же я умру, у меня же через неделю лекция?» Лекция состоялась, он остался жив, но ощущение «о господи, я сейчас умру» осталось с ним надолго, он долго его к себе не подпускал, но и не упускал. Такое не забывается, захочешь — не забудешь, будешь есть, пить, а всё равно не забудешь. Всё равно, все равны, как так получается, что всем всё равно на то, что все не равны? Гуляют по равнинам, в горах сходят лавины, рисуют картины, а вокруг — мины, руины, карантин, карантин и картины... Надо же, надо признаться: как невелико искусство, как велика профанация, дезориентация, ориентация... Белый думал и над этим: что будет, смени он ориентацию? Он — всё и ничто, ничтожество и божество, солнца луч и гром меж туч.

141

Он так всё понял, что ему захотелось закрыть глаза и уйти к Отцу своему, стать радугой — как они это там называют? Какая разница, чего достигать, что постигать, куда идти и что нести, думал он, может, всё-таки уйти? Белый попросил себя этого не делать, он просил: «У тебя студенты, Саша, студенты, пожалуйста, останься», просил: «У тебя Вера, Саша, Вера, у вас всё ещё может получиться». Другой Белый спросил: «Нужна ли она мне — эта Вера, эта вера? Я же всё понял, я пойду», но Белый продолжал просить: «Я-то всё понимаю, я, правда, понимаю, но они-то?» Они бы не поняли, они бы испугались, это было бы не его смертью, а их, Белому было страшно не за себя, он-то всё понял, ему было страшно за них. Он продолжал просить: «Пожалуйста, я не хочу уходить, пожалуйста, оставь меня и останься, мы им нужны, мы им очень нужны, мы же не эгоисты, чтобы уходить, правда? Мы пацифисты, вернее, тебе-то всё равно, а

я — пацифист, мне жизнь нужна, ок, да? Видишь, если я могу говорить: «ок, да», это значит, что мне есть чему учиться».

Другой Белый слушал и вздыхал: «Точно? Ты уверен, что оно тебе нужно?» Белый кивал, ему было не то жутко, не то радостно: «Пожалуйста, я люблю своих студентов, я люблю Веру, пусть она, может быть, ещё не любит меня, пусть никогда не полюбит, но мне всё же хочется, чтобы любила, мне ещё есть чего хотеть». Вера дала ему веру, теперь он должен был её отблагодарить, он ведь любил — боже! — любил её, так сильно любил, что и впрямь стал Белым — светом, светилом, просветлением. Что есть любовь? Одно и то же вновь и вновь, водоворот, круговорот и просвящение, освобождение, наложение одного на другого. Она была его семьёй, семья — семь я, семикикий, великий, безликий, обезличивание. Кем чем? Кто кем? Кто кого обезличивал, увеличивал, возводил, изводил, подводил — зачем и как? Сказать: «Чудовище», «зверь» — какой пустяк, так ли? Так. Не так: пустяк, что вылетело, то и полетело? «Разве этого ты хотела, Маша?» — спросит какая-нибудь Даша, её звали Даша, её сестру — Наташа. Чья она была — ваша, наша? Каша в голове, каша, сам заварил — сам расхлёбывай, сам запрыгнул — сам выпрыгивай, сам, сам, сам...

142

«Я тебе щас как дам!» — кричала Сеткина, её старший сын закрывал голову руками. Её глаза полыхали, вокруг тихо, вокруг — лихо, он был лихим мальчиком! Не Сеткин, а Лихачёв, Лихой, Залихватский, как залиvisto он смеялся в компании друзей, как потерянно озирался в её копании. Он озирался, озёра отзывались блеском, он жил в Петушках, озёра отзывались в душе, озёра — отдушина в тесной, тёмной комнате, в тесноте да в обиде, обитель — целитель, придумай себе обитель и исцелись, стань цельным, прицельно цельным, цель — цельность, цель — исцеление, искупление.

«Купание красного коня» называлась картина, на которую Белый смотрел. Он смотрел на картину, кого-то сажали на карантин, кого-то карали, на кого кричали, кто-то кого-то рожал, кто-то умирал, цикл смертей и рождений, каждый день — рождество, торжество или исторжение, историческое положение для свершения, завершения, соотношения начала с завершением, завершение — свершение, разрешение конфликтов и споров, толков и разговоров. Разглагольствуйте! Глаголом жечь сердца людей, сердца людей

сожжённые, спалённые, спаянные одно с другим, картина и карантин. Смотря на «Купание красного коня», Белый задавался вопросом: «Почему красный, почему не синий? Синий конь да в красную реку войдёт, войдёт да не выйдёт. Что только не приходит в голову, во что только не приходит голова?» И раз, и два, и раз, и два... Почему на коне юноша, а не юная дева? Петров-Водкин художник, он так видел, то, что художник видит, нехудожник любит или ненавидит, ненавидит, потому что не видит, Белый был художником, преподаватель-художник, рисует человеческими умами, преподаватель-каторжник, даватель, дарователь и должник, долг — то, из чего преподаватель возник, долг — то, из-за чего преподаватель поник, поник и приник к самым талантливым из учеников своих, вознёс руки: «Дайте мне надежду трудиться на благо науки!» Всё — слухи, всё — духи, грызть гранит науки из интереса или скуки, Белый разговаривал с Петровым-Водкиным через картину, ведь что есть картина, как не запечатлённый дух, запечатай дух в картине, картина — печать или картина — мать? Художник рождается из картины, а картина из художника, художник может всё, но худо рисовать художник не может, это нехудожественно.

— Я в детстве играл в Демонов Врубеля. Заигрался, получается?

Получите и распишитесь, получается? Луч света в тёмном царстве, получается? Как этому лучу светить полагается, что на этот луч возлагается? «Воз на Сене» — это Босх вообще-то, в общем-то и он, Белый, Босх, по старинной нидерландской поговорке: мир — это стог сена, каждый хватает сколько сможет, если Босх нарисовал стог сена, Босх нарисовал мир, Босх — бог, Белый — часть мира, получается, Босх, получается, бог. Все мы в чём-то Босх, все мы в чём-то — бог, все мы в чём-то мир, мир один, мир един, единственно-единый мир.

— Почему Врубель? Почему не я? — нет сомнения, Петров-Водкин нравился ему меньше Врубеля, пришлось оправдываться, не оправдываться, а объяснять:

— Потому что, — ответил Белый и двинулся к другой картине. Пока он двигался к картине, его мать держали на карантине, пока текли воды Иордана, звучала музыка органа — органично.

...

«Несколько раз начинала, заканчивала, опять начинала. Раз начинаю, значит, надо всё-таки написать, если не отпускает, надо. Столько надо, что теряешься, столько надо, а пишу тебе и книжки читаю, мне уже кажется, что слова превращаются в жизнь, а жизнь — в слова, что делать? Книжки читаю и не потому, что нравится, а потому, что ты их читаешь, тебе они нужны. Мне-то жить хочется, это тебе — читать, но раз тебе читать, то и мне читать. Всё, наверное, от этого «надо» и идёт, в детстве мама кричала: «Что сидишь? Что ты сидишь?», вот я и перестала сидеть, везде пробиваюсь, лезу, а зачем?»

Тебе я пишу или себе? Себе-тебе, у меня все устои рухнули. Обмануть себя нельзя, обмануть других — это да, это всегда пожалуйста, хотя и себя, наверное, можно. Хотя, почему наверное? Постоянно все себя обманывают, от этого страшно, думаешь: так, а цепляться-то за что? За что цепляться, какой смысл в этих жизнь поживи, мир посмотри, то-то и то-то сделай, туда-то и туда-то пойди, я-то пойду, сделаю, а смысл? Сама себе условия ставлю, теперь сама себе говорю: «что ты сидишь? Что ты сидишь?» Если не в любви всё, то в чём? У меня к тебе — любовь или наносное что-то? Может, и хорошо, что мы не вместе, а тоже устала бы, как от всего. Всё теперь под вопрос ставлю, всё! Никогда ни в чём не сомневалась, красное — это красное, синее — это синее, а теперь? Теперь красное — это синее, а синее — красное, ничего не понятно. Опять. Где правда? Или, знаешь, не так: зачем её искать? Вот нашёл ты правду, а она страшная! Страшная, ты сидишь и не понимаешь, что с ней, с этой правдой, делать. Думаешь: да оставь, да новая найдётся, да она у каждого своя, в жизни ещё столько всего, ух! Ещё дети, ещё путешествия, успех! Нужен мне этот успех, нужны мне эти дети? У всех успех и дети, а вдруг это тоже наносное? Вдруг они, все, только делают вид, что понимают, а на самом деле не понимают ничего? Хорошо собакам! Я что скажу: собакам хорошо! Всё им понятно: погуляли — хорошо, погладили — хорошо, накричали — плохо. Хотя, знаешь, собакам, может, тоже сложно, откуда мы знаем, собаки мы, что ли? Наше горе с их горем не сравнится, мы так любить не умеем, поэтому и не страдаем, как они.

Прогуляться, что ли? Гуляла, вроде, даже легче стало, а толку? Всю жизнь гулять буду, что ли? Жучки, паучки, травинки, осинки — всё это мне так дорого было! А теперь что, теперь, я спрашиваю, что?

Мне теперь на что, на кого надеяться? Ты о Фолкнере что-то говорил, Фолкнер — это чудесно, я теперь только его и читаю, я теперь сама — Фолкнер, а мне и собой было быть неплохо. Я же сейчас, как в восемнадцать, умираю, хотя, в тот раз больше было, не переплюнул ты его, он меня — да, убил, а ты — так, напоминание. Я на первом курсе была, стихи писала, плакала, к сессии готовилась, они мне: Древний Рим, Карфаген, вы реферат не сдали, на лекциях не были, вы вообще учиться хотите, а я им: да мне что лекции, что мне реферат, я сама всё выучу, сама всё пройду, что мне Древний Рим, у меня — настоящее, любовь у меня! Всё сдали, не отчислили, сказали: ещё раз и всё, гуляй, а я: да посмотрим, посмотрим, кто ещё до куда догуляет! Кто кого — посмотрим! Посмотрели — они меня, сидела потом, готовилась, думала: зря, зря, но что же? Если бунтовать, значит, надо было бунтовать, сейчас-то я поспокойнее. Так вот, к нему, к тому, кто по-настоящему убил... Хотя «по-настоящему» — это громко сказано, может, и не по-настоящему, может, я и тогда смерти хотела, хотела поверить, что люблю. Он ничего конкретного не говорил, а я всё показывала, всё напрямую, мол, бери-забирай, а он, может и хотел, но не взял. Тогда впервые подумала, что неопределённость хуже отказа, до сих пор так думаю, но самое смешное-то что? Цепляет это! Цепляет эта неопределённость, когда понятно и просто — это не нужно, а когда непонятно и сложно — хочется разобраться, думаешь и думаешь. Любовь, она в мыслях? Мне иногда кажется, что мы сами её придумываем, как всё остальное. Например, есть у меня подруга, мы с ней и огонь, и воду, и железные трубы, я всем: она, мол, моя лучшая подруга, люблю её, как сестру! Как сестру я её люблю или так, слов ради? Надо же говорить: да, и у меня друзья есть, да, и я привязываться умею, иначе вопрос: не человек, что ли? Они и так вопросы задают: как ты делаешь то, как ты делаешь это, а я сама не знаю, как я и что делаю, думаю: попробую, а вдруг, и оно и вдруг, и даже вдруг! Но о первой любви, о первой любви...

Мне все тогда говорили: «не нужна ты ему», «да урод», «да придумываешь», я их не слушала, конечно, что они могли знать, если они ничего не знали? Все делают вид, что всё знают, но на самом деле никто ничего не знает, может, ты что-то знаешь? Все знают про что-то, но что-то одно у первого — это не то же, что это что-то у второго, у третьего, пятого и тридцать пятого. Они говорили «урод», потому что у них уроды были, а у меня мог быть не урод, у меня могло быть другому, надо было пробовать. Я так верила, что получится! Так

верила, что перестала спать, вставала в четыре утра и всё смотрела фотографии, пыталась в них что-то угадать. Были встречи раз в неделю-две, а он стал для меня самым близким человеком. Рядом были люди, до них можно было дотрагиваться, спрашивать: «Как дела?», а я в кого-то вымышленного влюбилась, в свою голову, в образ. Нездорово, ну и что? Зато он два экзамена из трёх на сто баллов, есть чему поучиться, а у других чему учиться? Все учат, все — ученики и учителя, наше дело только выбирать у кого и чему учиться. Я у этих никогда не любивших и трижды разведённых учиться не хотела, я хотела, чтобы у меня было по-другому, по-своему. Наверное, многие этого хотят — другого, своего, наверное, я и этого хочу — все в реку, я — из, все — учиться, я — работать, все — работать, я — учиться. В подростковом возрасте это нормально, а у меня вся жизнь — это затянувшийся подростковый возраст, никто не указ, никто не приказ. Мама меня этому научила, что ли? Она такая же: у всех — муж, у неё — три, у всех — работа, у неё — свобода, у всех — дети-это-дети, у неё — дети-это-люди. Она многое знает, но она — не учитель, она — это я, но я пока что об этом не знаю, вернее, уже знаю, но пока что не соглашаюсь.

146

Он сдал экзамены на сто, а это всё-таки показатель! Учитель-не учитель, а конкурентом моим был, я, если влюбляюсь, конкурировать начинаю, соревноваться (со всеми, кроме тебя, с тобой не получается, ну и хорошо). Знаешь, что удивительно? Всех выигрываю, даже если изменяют, осмеивают, осуждают, я всё равно выигрываю! В каком-то общечеловеческом смысле, назло — пойду, увижу, победу. Победу, побегу, одержу победу. Обида потом выветривается, а победы — остаются, я, может, одними этими победами и живу, может, они одни мне дороги, хочется ими делиться, но как же делиться, если они — мои? Ни с кем ты чем-то по-настоящему своим не поделишься, я уже говорила — у одного своё одно, у другого — другое, а объединить как? Не объединишь, только рассказывать, но рассказывать — это не делиться, рассказывать — это рассказывать, а разве кто-то кого-то слушает?

Что получается в итоге? Во что верим, то и настоящее, не верим в настоящее — настоящего нет, верим — всё настоящее. Вчера мы с моей одноклассницей писали доклад, я ей про всё это настоящее и наносное рассказывала, доклад по языкознанию, не по философии, набираю: «Предмет наших наблюдений — иноязычная лексика в составе современного российского молодежного сленга» и вдруг

начинаю плакать, стыдно, а поделаться ничего не могу. Этот доклад — тоже ведь ненастоящее, мы тоже его пишем не потому, что хочется, а потому, что надо. Ради автоматов, высшего образования, репутации университета, грамотности населения, человечества! Я — часть человечества, человечество — часть меня, но как же это помогает с докладом? Расплакалась не из-за этого, экзистенциальные вопросы — это, конечно, хорошо, но я над ними думаю, не плачу.

Моя однокурсница от англицизмов отвлеклась, но не отсоединилась, когда успокаивала меня, сказала: «кринжово как-то». Всё же оставим эти англицизмы, германизмы, не в них всё дело. Дело в том, что она мне намазала на хлеб масло! Такой этот хлеб был... Соль, масло, ржаной хлеб — всё как в детстве! Я ела и думала: «как же давно я не ела хлеба с маслом, как же давно, а раньше мне бабушка каждый день такие бутерброды делала...» Слёзы как-то сами собой высохли, я вся этому хлебу отдалась, не бабушке даже, а именно хлебу, погоде за окном — среди туч солнце, не круглое, каким его дети рисуют, а растянутое, обычно в облаках символы ищешь, а тут — солнце. Я потом всю неделю на небо смотрела, но ничего похожего не увидела, всё как обычно: облака как облака, солнце как солнце, не рассмотреть, глаза режет. Масло на хлеб намазывала, вернее, не намазывала, а ломтями накладывала, но тоже не то. Вкусно оно, может, вкусно, но не то.

147

Ещё настоящее — это наши «здравствуйте!», «хорошего дня!» и «до свидания!» с вахтёрами. Я про них ничего не знаю, они — про меня, но столько смысла в этих фразах вкладываем, с родственниками с таким чувством не здороваюсь, а тут...

Но для начала хватит, хватит, мне всё же важно, чтобы ты прочитал, а не я написала. Когда ты рядом — ты тот хлеб, который после слёз и в перерыве между языкознанием, когда тебя нет — ты первая любовь и красный, который синий».

...

Сеткина сидела рядом с Белым и Родионовым, слушала их разговор и догадывалась, что Белый болен. Она знала о болезни неразделённой любви, заразилась ею от Белого в десятом классе, а в одиннадцатом, при помощи Щербакова, вылечилась.

Она рвалась вставить слово, и когда речь шла о литературе, и о любви, но это рвение погибало прежде, чем она успевала что-то

сказать. «Не, им неинтересно, не, не поймут», — думала она и была права: ни Белый, ни Родионов не то, что не интересовалась бывшей одноклассницей, они её даже не замечали. Если бы заметили, не узнали бы. Двое детей, шесть лет брака и работа организатором туристических поездок её изменили. Из девочки с дрожащими руками и с незамысловатыми, но честными стихами она превратилась в женщину с твёрдым характером. Водила экскурсии по их городку, по месту, где некогда жил Ерофеев, отвечала на одни и те же вопросы: «А почему не Москва–Красноярск, почему не Москва–Абаза, почему не Петушки–Москва-то?» Люди приходили, благодарили за экскурсию и уходили. Сеткина никогда не видела себя вожатой детского лагеря, но именно ей она и стала, той самой активисткой, чей активизм никому не нужен. Давайте пойдём в горы? Давайте, давайте, а зачем? Сегодня мы увидим пять удивительных мест Подмосковья! Н-да, н-да, удивительно... Муж Сеткиной женился на ней не потому, что раскрашивал мир цветом её глаз, а потому женится больше было не на ком. Слабый мужчина, сильная женщина и дети, которых не любишь, стыдишься, но не любишь всё равно.

148

Сеткина встала из-за стола, его край прошёлся по платью, живот подтянулся, но, как только она чуть отодвинулась, опал вновь.

— Потанцуем, может? Песня хорошая играет, да и вообще, — она подошла к Щербакову. Воспоминания о Ваньке привели его к размышлениям о смерти как таковой, он сидел с остекленевшим взглядом и поднятой руке вилок. От голоса Сеткиной вздрогнул, задел плечом её подбородок, тот цокнул, Щербаков извинился и, чтобы хоть как-то сгладить неловкость, согласился потанцевать. Он был выше её, но тоньше, смотрелись они комично, но другие пары мало в чём уступали. Щербаков смотрел на родинку на шее Сеткиной, она была словно соринка, словно что-то приклеенное, и задавался вопросом: «В десятом классе она тоже была? Или появилась потом? Или была, но увеличилась?» Вспомнилось, как они гуляли по лесопилке, проводили ладонями по шершавым срубам, сидели на куртках, рюкзаках и принесённых из дома простынях и рассматривали воду. Запах стирального порошка смешивался с запахом травы, вода перетекала в небо, сперва рукав толстовки коснулся рукава ветровки, а после Щербаков, потянувшись к развязанному шнуру, дотронулся до плеча Секиной. В следующий

раз она опустила на это плечо голову, и он впервые почувствовал себя мужчиной. Чувствовал ли он себя им до сих пор?

По вечерам в Крыму холодело. Они были к этому не готовы, поэтому обхватывая себя руками, тряслись. Сеткина вспоминала, как дедушка рассказывал ей о трясогузках, не помнила, что именно говорил, но помнила, как его глаза сужались, когда он расплывался в ухмылке. Когда он смеялся, его чуть покачивало из стороны в сторону, а когда он стал ближе к богу, нежели к ней, его глаза стали прозрачными; у её мужа были карие глаза и вытянутое лицо, её муж был похож на крысу.

В один из апрельских дней Сеткина проснулась, взглянула в зеркало и поняла, что походит на Ольгу Юрьевну, их преподавательницу по биологии. Не внешне, а внутренне — разбитая судьбой, разбитая собой, не сумевшая склеиться. Они сидели за одной партией и наклеивали на картон кругляшки из цветной бумаги, жёлтый кругляш из цветной бумаги — солнце, и Белый — солнце, светило, просветление. Она, Сеткина, — тот, кто клеит, он — Белый, тот, кто светит. Кто кому светит, что кому светит, светит ли ей хоть что-то, светит ли хоть что-то ему?

Она сидела на белом лежаке, пробовала лежать на правом боку, — неудобно, на спине — неудобно, на животе — неудобно. Неудобные удобства, удобные неудобства, она пролила на немолодого охранника яблочный сок, но тот был немолодым, а не раздражительным, поэтому отшутился и предложил Сеткиной яблоко. Яблоко раздора раззадорило Сеткину, раззадорило охранника, разорило её семью.

Она не целовалась с охранником, как не целовалась с мужем, они гуляли по берегу, море шумело, шумела кровь в висках. Сеткина прикладывала ракушки к ушам и не могла разобрать, что шумит громче: кровь или море? Ракушек на пляже не было, пляж — сплошь камень, заходишь в воду — поскальзываешься, падаешь, ругаешься, зато сразу тепло. Не тепло, не сразу, но говоришь себе об этом, убеждаешь, и убеждения нагревают не то тебя, не то воду, что-то они нагревают, подогревают (хорошо, что не страдала подагрой, а то бы никакого отдыха, терапия и терпение). Крым превратил Сеткину в русалку, русалка, не приживалка, попробуй с такой приживись.

На море-то, понятно, приживишься, на море все приживаются, ты попробуй в Петушки вернуться, я-же-уже-двести-пятьдесят-девять-раз-повторяла, я-сказала-значит-мы-пойдём-туда, я, я, я... Русалки — духи водоёмов, какой дух, такие и духи — от Сеткиной пахло чем-то приторно сладким, ванильным мороженым. Она не только пахла как это мороженое, но и таяла, как оно, смесь пота и ванили, смесь карамели и песка. Песок — карамельного цвета, различить ваниль в поте сложнее, но можно, если любишь, можно и корицу разобрать, и лаванду, и мяту, всё, всё, что захочешь. Тот, кто ищет, тот всегда найдёт. Сеткину никто не искал, даже этот немолодой нераздражительный охранник. Женщина-петушинка, жаль, что не кувшинка, никогда кувшинкой не была, всегда репей, застревает, не отдерёшь. Она и за жизнь так цеплялась — зацепится — не отцепится, берите меня на работу, ещё не взяли? Берите, говорю, не возьмёте, так я к кому-нибудь другому пойду, берите, я-кому-сказала. Сеткину никто никогда брал на работу, это она брала работу, или я, или никто, никто — невыгодно, поэтому я и точка. Запятые можете оставить при себе, запятые и вопросительные знаки, я — точка. Я — не восклицательный знак, восклицательные знаки — это шпана в платяшках, шпана с обгоревшими носами и плечами, кожа слезает полупрозрачным шмотьём, и я такой шпаной была когда-то. Я была такой шпаной? Такой не была. Бесстрашные они сейчас, молодцы, такие же как я, но бесстрашные. Я — страшная, они — бесстрашные, ни стыда, ни совести, нужна ли совесть? Совесть — повесть, когда я в последний раз что-то читала для себя? Мы в ямы, мы — яма, мы — социальное дно. Хотя, не дно, не дно, преддонье, мы ещё хорошо живём, хо-хо, кому-то ноги отрывает, у кого-то дети с ДЦП, у кого-то их нет, эх, не знают жизни, детей нет — жизни нет, дети — цветы жизни. Рожаем для себя, а они для себя рождаются, ай-яй-яй, надо рождаться для родителей, ходить на гимнастику, мама же на гимнастику не ходила, надо записываться на карате, папа в детстве карате занимался, занимался и бросил, но ты же не папа, ты не бросишь, ты не бросишь, слышишь? То-то ты всё бросаешь, то-то ты не можешь сосредоточиться ни хрена, сказали тебе иди делай, значит, иди делай. Он сказал «блять», откуда поднабрался, у кого? А, ну понятно... Что понятно? Да у тебя и поднабрался, у тебя, это ты всё время: «заебали, как же заебали», «нет ну нихуя себе», «да пошли они, суки, нахуй». Отрицать будешь? Отрицай-отрицай, дети всё за тебя сказали. Что — и за меня? Нет, я такого не говорю, говорю, они от тебя поднабрались, это точно! Из школы, может быть, ещё, из

школы — они там все «чмо» и всякое такое... Школа — это ух, школа — это ах, плавали, знаем, плавали, тонули. Тонули, тонули, но выплыли! Или?

151 Тили-тили тесто жених и невеста, тили-тили тесто нет для нас места! Что мы драматизируем, что мы, с другой стороны, драматизируем? Они же будут лучше нас, вот и всё, сами встанут, сами поднимутся, жизнь-то какая, жизнь длинная, за жизнь успеется и подняться, и упасть, жизнь — пропасть, но в жизни не пропасть. Драматизировать не надо — это да, драма — это во всяких там Москвах, Петербургах, у нас — гречка на завтрак, борщичок на обед, бутербродики на ужин — и сказка! Сказка о борщике и пельменях: жили-были борщичок и пельмени, пельмени-блины, борщичок-холодец, готовила их мама каждый день своим деткам, детки есть не хотели, вякали, бубнили, дети-бубенчики, мол, мама, мама, что же одни борщи да пельмени, мама, что же они одни, а потом дети и сами остались одни и всё повторилось: и борщи, и щи, а те, у кого не повторилось, у тех всё равно повторилось, только они об этом забыли, столько всего у него случилось, что позабылись борщики, позабылись и вспомнились, вспомнились и позабылись, так всегда. Никогда не вспомнишь, казалось бы, как сидел в беседке с видом на море, как птицы жужжали датчиками, а квадрокоптеры — мухами, не вспомнишь, как разглядывал рябь на воде и думал, что она напоминает отпечатки пальцев, такие же замысловатые узоры, узоры-обзоры, мы обзираем, нас обзирают, море разве что нет, поэтому море можно обзирать без зазора, на нём узоры; позабудешь как мимо тебя летела паутинка, Человек-Паук её пустил, что ли, твои сыновья любят Человека-Паука, а ты своих сыновей любишь? Никогда не вспомнишь, как сидел в беседке с видом на море, в зелёных шортах, в розовой майке с блёстками, блестящее сочетание — зелёные шорты и розовая майка в блёстках, кто такое сочетает? Ты такое сочетал, не вспомнишь, но сочетал, не вспомнишь, а оно было, ты ещё две иголки в щель между половицами спихнул кроссовкой. Ты не вспомнишь, оно само вспомнится, неожиданно, нежданно-негаданно, всё так и происходит — нежданно-негаданно. Сеткина в судьбу не верила, а судьба в неё — да.

Судьба-усадьба, могла ли она жить в усадьбе? Не боярыня Морозова, а барышня-крестьянка, крестьяне — народ простой, знай своё место, какая усадьба, какие боярыни Морозовы и барышни-крестьянки? Суриков с Пушкиным переворачиваются в гробу, милая,

они — часть тебя, но ты-то — их часть? Народ безмолвствует... Получается, что и ты — часть их, частичка вечности, всем хочется вечности, беспечности, беспечное ли у неё было детство? Не было у неё детства, поэтому не знает ни беспечности, всё грести-грести-загрести, загрести-гробастать-гробить, она кого угодна угробила бы ради своего утраченной беспечности. Вечность уж ладно, вечность или выбирает, или не выбирает, но беспечность? Есть ловцы человечности, охотники за любовью, борцы за власть, искатели вдохновения, а она — гонец за беспечностью, гонец не потому, что послана куда-то кем-то, а потому, что гонится. Гонец — это что-то быстрое и лёгкое, но что же, бывают и исключения, она — медленный и тяжёлый гонец, потому что гонится за тем, что потерялось и не вернётся. Что же не гнаться ей за этой беспечностью, принимать свою медлительность и тяжесть? Сеткина не могла всё это принять, если бы она это приняла, превратилась бы в остановку. Люди-остановки не гонятся, не ловят, не борются, они ждут. Они пребывают в вечном ожидании, что же — это плохо? Кто знает, может быть, если ожидание вечно, то и вечность у них есть, может, люди-остановки — счастливицы? Если человек-остановка выбирает быть человеком-остановкой, то да. Если искатель вдохновения заставляет себя стать человеком-остановкой, то нет. Это — насилие, насилие родит бессилие, бессилие — насилие, что рождает она — Сеткина? Двух людей породила, породила, поработила, птенчики в клетке, клетка жестяная, не золотая и даже и не позолоченная, позолотите ручку, предскажу судьбу, лучше не надо, если не предсказывать, мы ещё сможем что-то поменять, а так — как? Каждому по вере, каждому по Вере, каждому по вере да по способностям. На что вы способны — на всё? Докажите, покажите, на словах я Лев Толстой, а на деле... Не Лев Толстой, что-то другое, поступки — поступками, поступки — уступками, слова — словами, слова — делами, кого чему учить и нужно ли? Нужны ли кому-то ученья, поучения? Владимира Мономаха кто-нибудь читал? Мало кто, но живут же и радуются, без его поучения обходятся и без ваших обойдутся, если найдутся те, кто не обойдутся, дело другое. Дело другое: помогать, если за помощью пришли, то помогать, если ушли, то отпускать. Ну вот опять дидактика, дидактика... Не опять, а снова, в начале было слово. В начале было яйцо или курица, курица из яйца, яйцо — из курицы?

Курицы... Они отобрали у неё всё, эти курицы. У неё всё было, никто ничего не отбирал, но фраза «всё отобрали» звучала красиво. «Цвет спелой сливы» звучал красивее, но у каждого своя красота, для

кого-то «всё отобрали» красивее, чем закаты и сливы, сливы красивые, если их едят, а закаты — если на их фоне кто-нибудь бросит сторублёвую купюру в изношенную панамку.

...

«Шла до метро, и вдруг захотелось выть. По-волчьи так, во весь голос. Когда мне было восемь, я, бывало, выбегала на улицу и кричала, чтобы покричать. Крики получались сдавленными, вокруг никого, а всё равно стыдно, кажется, что сейчас к тебе подойдут и спросят: ну что, что ты разоралась? Крики рвались, а я молчала, смеялась и бегала, то на ступеньку запрыгну, то спрыгну, то на горку залезу, то слезу. Тогда от радости кричать хотелось, от жизни. И теперь от жизни, но не от радости. Выла в себя.

Рядом с общежитием у нас прилавок с выпечкой, лепёшки с запеканками продаются, он круглосуточный, и в нём мигранты работают. Они умеют скручивать лаваш так, чтобы не разворачивался, и любят улыбаться. Они такие же одинокие, как и я, — вот что поняла. У них, как и у меня, нет дома, но они, как и я, живут и улыбаются, скручивают лаваша. Из-за того, что ты меня не любишь, вернее, любишь, но не так, я начинаю любить всех подряд — женщину с заплывшими щеками, она, выходя из вагона, толкнула меня, толкнула так, что я, отшатнувшись, чуть не упала на какого-то старичка. Старичков с трясущимися руками и грустными глазами люблю, хотя раньше рядом с ними было неловко.

Я так посмотрела на того мигранта, который складывал мою лепёшку в зелёный пакет, что он поежился. Отвёл глаза и сказал: пожалуйста, хорошего дня. Это пожелание звучало как извинение, хотя извиняться ему не за что. Я на всех теперь так смотрю, все пугаются, но мне не хочется смотреть по-другому, мне хочется, чтобы всем было так же страшно, как и мне. Жизнь — это страшно, почему если я это узнала, этого не должны знать они? Почитать им сводки? Все всё и так знают, знают, но не хотят признавать, я признала и что — стала счастливее? Неправильно на них так смотреть, неправильно винить их в том, что я вижу, а они — нет, пусть не видят, жалко их, если бы все зрели в корень, если бы никто ни во что не играл и никем не притворялся — что бы было? Мы все потому и претворяемся, чтобы быть, даже я сейчас видящей притворяюсь.

Расскажи мне, какая она — твоя жена? У неё тёмные глаза — это я запомнила, она носит треугольные очки — это я тоже запомнила, но о чём вы с ней разговариваете, вы же разговариваете? Она рассказывает тебе о том, как маленькой девочкой ходила с бабушкой в храм и испугалась слёз? Этого она рассказывать не могла, это рассказывала я.

Утром проснулась и подумала: я влюбилась, что же, влюблённость — это хорошо, кто знает, может быть, ты — моя судьба, а судьба настигает без предупреждения. Всё утро ходила влюблённая, влюблённой чистила зубы, влюблённой натягивала колготки, заметила, что на ногах волосы, подумала — влюблённая, но не любимая, у любимых волос на ногах нет, они их сбривают. Хочешь узнать про восковые полосы? Вряд ли хочешь, но я напишу, об этом важно знать: восковые полосы — это мучения во имя любви, женщины боятся, что над ними посмеются, что от них откажутся, поэтому ложатся на кушетку и приносят себя в жертву. Они, то есть мы, называем это жертвой любви или мужчине, а на самом деле это жертва себе. Неприятно об этом читать, скажи? Делать ещё неприятнее. Приятно, только если любишь, лежишь, сжимаешь в кулаке простыню и думаешь: зато как он будет на меня смотреть, ка-а-ак, и не больно.

154

Влюблённой я натягивала колготки, а потом приложила карту к турникету, загорелся зелёный, в голове опять: зелёный — красный, красный — зелёный, я так бы и стояла, если бы сзади кто-то не пихнул, дверцы турникета съехались, и защемило. Не турникетом, не меня, а в груди. Стало трудно дышать, голова закружилась, чуть не отступилась, чуть не упала, а ведь могла... Как по-толстовски! Ты Толстого не любишь, знаю, вряд ли бы впечатлился, а вот по-флоберовски, с мышьяком — это другое!

Что меня спасло? Будешь смеяться: Древний Рим, думала над периодизацией римской истории и не думала о тебе. У них там сначала царский период, потом ранняя республика, потом поздняя, потом ранняя империя, потом поздняя — циклично, прямо как у нас: сначала кому-то больно из-за меня, потом мне больно из-за кого-то. Всё, больше не хочу, прошлое письмо закончила на том, что мне важно, чтобы ты прочитал. Это заканчиваю на том, что мне неважно, можешь вообще не читать, мне и с римлянами, волосами и мигрантами хорошо».

...

Музыка оборвалась. Щербаков чуть отстранился от Сеткиной, она от него — нет, даже глаз не открыла, как упиралась лбом в плечо, так и упиралась. Родионов замешкался, перестал сыпать словами, Белый, воспользовавшись внезапной паузой, сказал, что сейчас придёт, покурит и придёт. Он вышел за дверь и прислонился затылком к деревянной стене. Он не курил. Перед глазами встала привычная, и до страшно привычная картина: два мальчика катили по разрытой дороге велосипед, тот постоянно проваливался: то переднее колесо провалится в яму, то заднее. Один из мальчиков выругался так, что Белого передёрнуло, второй молча присел, прислонился к велосипеду спиной и встал. На трясущихся ногах, покачиваясь из стороны в сторону, он дошёл до подъезда.

— Не, Никит, машина! Я... Ну, в следующий раз ты...

— Скажи спасибо, что мама не знает! Такая грязь, а ты куда-то чё-то поёр! Она б тебе таких... Такого вставила!

155

— Не вставила, и хорошо, — простодушно отозвался тот, от чьей ругани Белый вздрагивал пару минут назад.

Раздался тонкий прерывающийся писк домофона, и мальчики скрылись за железной дверью. Белый вспомнил о своей матери: когда он звонил ей в последний раз, когда она ему звонила? Он провёл в Петушках все школьные годы, а она приезжала раз пять-шесть. Пять-шесть раз за одиннадцать лет. Сына, какой же ты у меня молодец, не сдался мне, правда, но всё равно молодец! Она жила в Казани, от Казани до Москвы летать два часа, но прилетала ли она к нему хоть раз? Раз прилетела, он ради неё приехал в аэропорт, час поговорили, на втором часу она предложила выпить кофе. Кофе пила литрами, безостановочно, он ведь ни к чему не обязывал, перед ним ведь не нужно раскрывать душу, кофе — это раз и выпил, а не раз и родил. Мама оставила Белого с бабушкой, как только они с отцом разъехались, как только выяснилось, что у него была женщина, а у неё — мужчина. Белый гордился своей самостоятельностью, многие повторяли, что добились всего сами, а он не повторял, он и вправду всего добился, и вправду сам. Бабушка старалась дать ему столько любви, чтобы хватило и на отца с матерью, ну подумаешь, ранний брак, ну бывает, а Белый неблагодарно позволил памяти растереть её образ. Друзья и знакомые оживлялись, как только речь заходила о

бабушках, вспоминали, как им подливали подливу, как пекли для них оладьи, а оладьи — это не просто еда, это встань, замешай, раскатай, пожарь, варенье из погреба вытащи... Столько жизни! Всю её Белый забыл, забыл и утопил в Голдинге, Сэлинджере, Хемингуэе. Поначалу, плавая в их текстах, он упивался, а после утонул, утопил бабушку, оладьи, подливу, и ему надоело. Период был такой или он до конца жизни будет стараться влюблять своих студентов в авторов, сам при этом ничего не испытывая? Вряд ли всё потеряно, успокаивал он себя, Кафка же нравится, нравится его абсурд и всепоглощающее, всепожирающее одиночество. Чуковский, Кафка, тараканы, Петушки... Над крышами домов голубел закат.

Пока чинили музыку, Щербаков отлучился от Сеткиной, посчитав, что извинился сполна, сказал, что сейчас придёт, покурит и придёт. Он вышел за дверь и столкнулся лицом к лицу с Белым, повисло молчание. Белый заострил внимание на широком лбе одноклассника, такой же лоб был у его аспиранта, если глаза — это зеркало души, то что со лбом? Лоб — это зеркало чего? Почему столько женщин выбирают мужчин с широкими лбами, неужели они видят в этом мужественность? У Белого не было широкого лба, да и женщиной он не был. Щербаков оглядел носки ботинок, грязи не было, пуговицы на рубашке не расстёгивались, живот не выглядывал, кетчуп пряди не сцеплял.

— Что? — спросил он, защищаясь непонятно от чего.

— Что? Ничего, — ответил Белый и потупился.

Так и стояли, спрятав ладони в карманы и выставив большие пальцы. Словами никто никому ничего не доказывал, но тела сражались: большие пальцы — клыки, что, Дим, так и живём в Петушках, в столицу не перебираемся, чё, Сашк, зазнаёмся, что, Дим, как с Сеткиной, чё, Сашк, для брака слишком хороши?

— Как Веру Георгиевну проводили? — спросил Белый.

— Приехал бы, узнал. Нормально.

До того, как стать преподавательницей русского и литературы Вера Георгиевна пятнадцать лет отработала в театре. В Петушки она переехала по состоянию здоровья и по просьбе сестры, которая писала, что не справляется с хозяйством, участок большой, муж поборолся пять месяцев с раком и не поборол. У Веры Георгиевны был

поставленный голос, если она заходила в класс, класс вставал, если заходила в учительскую, в учительской садились. Ко дню матери седьмой «А» учил стихотворения про мам, плакали все, кто вызывался читать, и не от переизбытка любви, а от страха. «Ещё раз! Ещё раз прочитай и подумай: что в этой строчке написано? Представь, что мама уходит, представь, что она умерла! Поэзия — это не отгараторил и сел, поэзию чувствовать надо! Её надо понимать! Нести! Кому ты что понесёшь? Представь, всё, конец, вы расстанётесь и больше никогда не увидите! Нет её больше, нету!» Тринадцатилетнего мальчика спутали с тридцатилетним актёром, Белый плакал и вытирал сопли рукавами рубашки, старался отвлечься, но всхлипывал, вздрагивал, отворачивался, спрятаться было нельзя, нельзя было не слушать. «Да и так нет, и так нету! — закричал он. — Не обижайте матерей! На матерей не обижайтесь! Перед разлукой у дверей нежнее с ними попрощайтесь! И уходите за поворот вы не спешите! Так надо, так, я спрашиваю? И ей, стоящей у ворот, остановившись, помашите! Вздыхают м-м-м... М-м-м... Матери в тиш-ш-ши, в тиш-ш-ши ночей, в тиш-ш-ш...» Он уронил голову на парту, плечики поднимались и опускались, ногти впились в ладони, да пошли вы со своей поэзией, со своими матерями с их днём и тишью, в тиши ночной, в тиши тревожной, для них мы вечно — малыши и спорить с этим невозможно, я поспорю, я ещё как поспорю. Постепенно он успокаивался, дыхание выравнивалось, всхлипы сменялись отрывистыми вздохами. Глаза закрывались, его начало клонить в сон, но как только голова опустилась на парту, он встрепенулся и посмотрел на Веру Георгиевну. Красные глаза тринадцатилетнего, красные глаза пятидесятидвухлетней, она прикрывала рот ладонью, тоже плакала. Он — звучно, она — беззвучно, пятнадцатилетний стаж, поэзия и смыслы пали перед заплаканным мальчиком. Свеча горела на столе, свеча горела... В восьмом классе Белый с Верой Георгиевной и Борисом Леонидовичем выиграли школьный конкурс чтецов, в девятом — региональный, в десятом — получили приз зрительских симпатий на всероссийском, правда, уже не с Борисом Леонидовичем, а с Александром Александровичем. Так он светил своим бессмысленным светом, что все закивали: «верю, верю». Кому, как не петушинцам, читать об улицах и фонарях? С днём матери в седьмом не срослось, с матерями тоже, срослось и обрезалось, когда — в родильном доме или потом — в первом классе?

С Верой Георгиевной и поэзией, наоборот, соединилось, притом, ни у него одного. После девятого двое поехали поступать в театральный колледж, один поступил, а другой вернулся. Вернулся и сгорел в своей же квартире, которую подпалили по пьяни. Белый помнил, как сидел во дворе, на сетке, протянутой между железными брусьями, пил лимонад и не ощущал вкуса. На протяжении нескольких дней он не ощущал ни вкусов, ни запахов — не радовался ни приторной сладости сгущёнки, ни терпкости мокрой травы. Ему было пятнадцать. Лицо одноклассника стёрлось, как и лицо бабушки, как и лицо Ваньки Рыжего, они превратились в слова, которые проговариваешь и не испытываешь стыда, в истории, которые рассказываешь, а сердце не стучит. Всё проходит, всё зарастает, голубизна со временем сменится зеленью или серостью, Белый не хотел в это верить, но знал.

— А футбол? Я помню, ты играл, в сборную хотел.

— Никак, — Щербаков сжал губы. — Сломал ногу, врачи сказали: никакого спорта. Если буду туда-сюда бегать, то вообще без ноги останусь, вот и всё, что? Всё.

158

Они сидели на крыше гаража, построенного под водонапорной башней; и водонапорная башня, и гараж были обнесены забором, но для них забор был не помехой. Разве в шестнадцать забор — помеха? В шестнадцать Китайская стена — не помеха, а «пойдём попробуем». Кто знает, если бы они попробовали, может, и получилось бы.

Белый, присев на край, качал ногами и смотрел вниз, высматривал в траве божьих коровок и других жучков, названий которых он не знал. Тёмные и тёмные, с длинными усами и с длинными. Рассматривая жучков, он вспоминал об Ольге Юрьевне, преподавательнице по биологии. Она, казалось, знала не только названия всех жучков, но и то, сколько они весят, как размножаются и при какой температуре спаривание проходит наиболее успешно.

Ольга Юрьевна была выдающегося ума человек, человек выдающейся памяти, но зачем ей были нужны эти все жучки-божьи коровки и их спаривание? Если они увлекли её ещё на школьной скамье, когда она, слушая про мёртвых людей: писателей, исторических деятелей, философов и математиков — послушала про тараканов и подумала: «ну, хоть живые», тогда он бы понял. Но что,

если она села изучать этих муравьёв и птиц потому, что её мать была преподавательницей биологии? Мать стала преподавать из-за бабушки, бабушка — из-за прабабушки — что тогда? Кого из них по-настоящему увлекали инфузории и ученики? Белого пугала мысль, что какой-то другой мальчик будет вот так же сидеть и рассуждать любит ли он божьих коровок или нет? Не божьих коровок, но то, что он выберет себе для любви. Что ему нужно будет сделать, чтобы не потерять эту любовь и обрести её? Он настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как насекомое улетело. Сеткина нарочито громко выдохнула, но Белый не заметил и этого. Ольга Юрьевна отдавалась ляфриям рыжим, рыжим мукоедам краткоусым и рыжим мягкотелкам, пока её муж, рыжий и усатый, макал хлебную корку в суп. Рыжий хлебоед длинноусый — так она, должно быть, его называла, называла и давала краткую характеристику: родился в семье дантиста и работницы Роспотребнадзора, в Красную Книгу не занесён. Сеткина под села ближе и прокашлялась, Белый продолжал спрашивать себя: кто занесён в Красную книгу и что нужно сделать, чтобы туда попасть?

159

— Саш, слушай, а ты номера по физике записал?

Белый поморгал.

— По физике? Ну да, да... Записал. Дать тебе?

Сеткина покачала головой, чуть улыбнулась, подумала: «нет, блин, просто так спрашиваю». Белый, отвлечённый от кокцинеллидов и Ольги Юрьевны, со вздохом поднялся, пошарился в затасканном рюкзаке, протянул Сеткиной дневник и сел обратно.

— Ага-а, девятнадцать и тридцать восемь... У меня были девятнадцатый и девяностый...

Белый никак не отреагировал, Сеткина продолжила:

— Слушай, ты ж в физике шарить? Может, мы это... Ну, соберёмся порешать? Нифига не понимаю.

— Можно так-то, почему нет, — Белый кивнул, было видно, что он не подумал ни о том, когда им можно собраться, ни где.

— А где, когда? — Сеткина чуть наклонилась к нему. — Ой, погоди, соринка.

Она стряхнула с его плеча соринку, который не было, а он неразборчиво поблагодарил и чуть отодвинулся, собственные мысли интересовали его больше сидящей рядом девушки. Сеткина бросила ему под ноги его же дневник и встала, кафельные плиты хрустнули.

— Не хочешь, так и скажи, чё ломаешься-то? Ой, извини, не сегодня, ой, извини, давай потом, завтра-послезавтра! Я те чё Сонька, Лерка?

— Да нет, Кать, нет, я...

— Я, я, я! Вот именно, что ты, Саша, ты! У тебя всегда ты! Зачем позвал-то тогда?

В словах Сеткиной звучал голос матери, та точно так же ругалась с отцом. Белый сжался, что он мог ей ответить: извини, я позвал тебя потому, что мне было стыдно?

— Извини, я позвал тебя потому, что мне было стыдно. Я столько раз отказывался...

Честность — это качество сильного человека, сильные люди должны быть честными, лучше быть правдорубом, чем лжецом, режь правду-матку, без правды не житьё, а вытьё, в ком правды мало, в том и добра нет, где правда, там и счастье, всяк про правду трубит, да не всяк правду любит, говорить правду — крепить дружбу, маленькая правда победит большую неправду... Боже мой, она плакала! Она и до того не сказать, что была красива, теперь же нос покраснел, на кончике повисло что-то желтоватое, веки набухли. Сильные люди должны быть... Хватит! Хватит, Сеткина была живым человеком, а как ещё живому человеку реагировать на такое? Дурак, дурак, думаешь о человечности, а поступаешь как? Как ты поступаешь? Поэкспериментировать захотел, правду человеку в глаза высказать? Она всё поймёт, она ведь понимающая, Ольга Юрьевна бы тебе сказала: «Сашенька, ты замечательный, но извини, мне неинтересно», ты бы её понял? Ты и так всё понимаешь, Катя тоже всё понимает, озвучивать-то зачем?

— Ну, то есть, то есть... Я хотел...

— Ты сказал, ты всё сказал! Пошёл ты! Неинтересно ему... — он попытался дотронуться до неё, но она отшатнулась. — Пошёл! Нахер!

Каблучки застучали по плитам. Он ещё пожалеет, поймёт и будет просить прощения, а она скажет: «а всё, всё!» За минутку Сеткина успела пообещать себе, что выйдет замуж, и её муж будет лучше Белого, её дети будут лучше, красивее, здоровее, чем дети Белого. А он... Он может спиться или угореть, пусть спивается или угораёт, ударяется головой о бордюр. Сеткина подумала об этом и тут же передумала: она не хотела быть лучше его, она хотела быть с ним. Смерти она не желала ему тем более, он ведь такой умный, наверняка совершит что-то выдающееся, ей умирать — да, можно, а ему — нет, нельзя. Скажи Белый Ольге Юрьевне: «Я спас Катю от низжайшего из унижений — от нелюбви, я не мог и не смог бы ей ответить», она бы не сказала ему, что он поступил правильно или честно, она бы пожалела её: «Бедная девочка, ты разбил ей сердце, как жестоко, бедная девочка, Саша, ну зачем?»

161

У Белого заболело сердце. Он прижал к нему ладонь, надавил на грудь, но боль не утихала. Он вдохнул, но воздуха не хватило. Он вздохнул ещё раз, но воздуха снова не хватило. Он только что убил человека — он, тот, которого друзья называли выходцем из Партии Людей. Как продолжать видеться? Она ведь его не простит, просит, но не забудет, простит, но потому, что выберет простить. Надо было встретиться, порешать физику. Она бы закусывала губу и думала: «если невзначай коснуться его коленом, отодвинется?»

Он бы не отодвинулся от Ольги Юрьевны. Её голени касаются чужих, напомнил он себе, слушай про членистоногих и время от времени поднимай глаза — это всё, на что ты можешь рассчитывать, Катю ты уже сломал, её ломать не посмеешь. Не ломаешь потому, что влюблён, а влюблённость и любовь — это про созидание. Ну да, ну да, созидание... То-то все кругом создают, то-то твои мать с отцом насозидали. В несозидании есть такое сладостное чувство, такая власть: раз — человек треснул, два — склеился, три — разбился. Всё из-за тебя, всё по твоей вине, ты — вершитель судеб, Демиург, Создатель. Ты — кровь, ты — вода, ты — небо, ты — земля, пускай для кого-то одного, пускай природа у этого распространения жестока, но ты — распространён, ты — распространённое предложение, они — нераспространённые, а ты...

Сердце заболело сильнее, Белый лёг, кафельные плиты не хрустнули. Катька была по-прежнему некрасивой, а он по-новому одинок. Не нужен маме с папой, Ольге Юрьевне, теперь ещё и Кате,

если бы не говорил правды, мог бы быть нужен хотя бы ей. Она бы лечила твою израненную душу, а сейчас душа израна ещё сильнее. Надо было мириться, надо было терпеть, так делают все, хватит думать, что ты — не все, Белый, допустим, ты — не все, но разве это хорошо? Люди из-за тебя плачут, будь как все, терпи и пользуйся другими, молчи, если у кого-то между зубов застряла куриная ниточка, так удобнее, им так удобнее, ты ведь любишь их? Любовь — это смирение, ты должен быть целовать Сеткину, не слышать стука сердца, называть её другим именем, но всё равно целовать в невыступающие ключицы. Со временем ты бы привык, любимый человек — это как рука, как нога, разве ты любишь свою руку или ногу? Полюбишь, если отрезать. Ему не нравилась Сеткина, но нравилось то, как она его слушала, то, как смотрела на него, он не хотел её обижать, он хотел сберечь её от своего притворства, что же она — поняла? Не поняла, сочла его моральным уродом, подлецом, поделом, надо было подбирать слова, а не бросаться ими, как камнями. Ой, извини, я тебе лицо разбил, ну ничего, это потому, что я не хотел обманывать, сберечь тебя хотел, смерть от яда хуже, чем разбитое камнем лицо, да же? Из двух зол меньшее, из полымя да в огонь.

Сеткина его простит, говорил себе Белый, переживёт, всё до этого переживала, неужто его не пересилит, перепрыгнет, перешагнёт? Закроется на время или, наоборот, откроется, собачья свадьба, случка, сучка, в шкафу Ольги Юрьевны не хватало крючка. Крайний слева был, крайний справа тоже, а от того, что должен был быть посередине, осталась одна зазубрина. Он пришёл к ней, передал цветы, выпил чая ради приличия, подумал: «а жаль, а всё же жаль» и вышел. Почему в памяти запечатлелся именно крючок? Память избирательна, захочет, оставит, не хочет — размозит, расщеплет, сотрёт. Избирательная память, избирательная партия, голосуйте за крючки, а не за случки.

Когда солнце опустилось, Белый поднялся, боль утихла. Он снова ощутил, что мог рассматривать божьих коровок, притом пристальнее, не отвлекаясь на мукоедов и хлебоедов. На смену страху за Сеткину пришла вера в неё. Сеткину выудил Щербаков. Раз в море закинул невод... Белый видел, как они прогуливались между сосен и осин, и его отпустило: есть жизнь после смерти, есть любовь после нелюбви. У него с Ольгой Юрьевной ничего не сдвигалось, да и сдвинуться не могло, вернее, могло, если бы муж подвинулся, но муж

— это не молодой человек, муж — стена, её сносить, а не двигать. Глупо было ждать, ещё глупее было требовать, Белый вылил чувства в одноклассницу, Оля-одноклассница, Оля-непроливайка, Оля-не-Ольга-Юрьевна. У неё были вьющиеся волосы и такая тонкая талия, что, если бы она обвила себя рукой, пальцы достали бы до пупка, зелёные глаза, словом, красавица, писанная красавица! Он любовался ей и одновременно думал: «интересно, сколько же в прекрасных созданиях смерти. Улыбается, смеётся, а ощущение, будто и улыбка, и смех деланные». Оля-одноклассница мечтала поступить в Питер на переводчицу, но мама сказала, что в северной столице приживаются одни северяне, Оля, мамина-северянка, послушалась, и лингвистический мир понёс потери. Открытым был вопрос: большие или малые? Петушки выпустили её в Орехово-Зуево, и то хорошо, Петушки — чёрная дыра, дыра, в Петушках северяне не приживаются. Кто приживается в Петушках? Там рождаться и умирать, рождаться и уезжать или не рождаться.

163

Белый ничего не слышал об Ольге Юрьевне, спрашивать о Вере Георгиевне мог, а о ней — нет, это бы его ранило. Щербаков рассказал бы ему непоэтичную историю о превращении молодой учительницы в немолодую огородницу. Огород — корень, ниц — суффикс, а — окончание, любовь — корень, брак — приставка, разбитое сердце — окончание. Хлебоеды, хлебоеды, огородницы.

(продолжение следует)

НА ГРАНИ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Грани столетий — время прозрений

Имя писателя Тео Эли едва ли знакомо кому из филологов. Однако любителям фантастики оно хорошо известно, хотя его фантастический роман-антиутопия «Долина новой жизни» был опубликован полностью лишь в 1967 г. в Баку (переиздан в 2019). До этого, в 1928, выходила только первая часть этого, созданного в 1922 г., произведения о механическом воспроизведении нового человека, качества которого будут подгоняться под требования власть имущих. По сюжету, в инкубаторах выращивают «дифференцированных» зародышей. Лишенные страстей и сострадания, одни будут предназначены для обслуживания элиты, другие станут квалифицированными рабочими, третьи сгодятся на пушечное мясо. Дело происходит в отгороженной от мира долине, где пока существует «мирная» жизнь. Атмосфера войны пронизывает мир романа: по мнению правительства, только война способна сохранить в неизменности установленный порядок. Ученые изолированного государства, свезенные со всего света, трудятся и над генетикой, изучают наследственность, формируют у людей нужные для удобства управления «мозги», учатся выращивать и пересаживать органы, чтобы работающие роботы не ломались как можно дольше. Методы управления населением у государства испытаны и проверены: слежка, доносительство, преследование инакомыслящих, жестокие расправы над неудобными.

Проницательный читатель уловит в произведении знакомые приметы, общий антиутопический пафос романа Евг. Замятина «Мы». Но следует напомнить, что медик Федор Николаевич Ильин (1873–1959), автор романа «Долина новой жизни», едва ли мог читать не опубликованное к тому моменту произведение-антиутопию. В начале 20-х гг. Ильин обосновывается в Баку и полностью погружается в проблемы здравоохранения Азербайджанской республики. То, что было угадано Ильиным как технологические и научные новшества XX века (скоростные способы передвижения, выращивание детей в пробирке, трансплантация органов, управление мозговой деятельностью, перестройка сознания, использование новой ядерной энергии), позже было воспроизведено во многих произведениях научной фантастики. Что-то «переоткрыл» О. Хаксли в романе «О дивный новый мир». Сама идея — создание романа-антиутопии, включившего в себя размышления о тоталитарном государстве, которое ставит себе на службу науку,

подминает людей, превращая их в «касту рабов» — нашла воплощение в целом ряде более поздних романов XX века.

Главной страстью Н. Ильина стала медицина.: автор романов трудился в такой непростой для мусульманской страны области, как гинекология и родовспоможение. Он стал заведующим кафедрой медицинского факультета Бакинского университета, акушерско-гинекологической клиникой Азербайджанского государственного медицинского института, получил многие почетные регалии; его прозвали «Женским Богом» за всё им сделанное для женщин Азербайджана (см. документальный фильм с тем же названием), одним из первых применил рентгеновское облучение для излечения рака. И даже то, что к 1938 г. Ильин полностью ослеп, не помешало исследователю продолжать лечебную, научную и педагогическую деятельность.

165

По воспоминаниям близких, высокий, статный, с неизменной прямой осанкой, чутко расположенный к собеседнику, увлекательный рассказчик-импровизатор, хранящий в благодарной памяти массу ярких, случавшихся с ним в жизни историй, которые мастерски излагал со сдержанно веселым и мудрым озорством... на летней даче в станице Минутка под Кисловодском он мог вдруг воскликнуть: «Как интересно слушать тишину! Сколько жизней вокруг и в себе самом кипят, шипят, жужжат, тараторят...» Несмотря на слепоту, казалось, он отчетливо видит собеседника, смотрит прямо в душу.

Потеряв зрение, Ильин не бросил и литературную деятельность. Однако попытки что-либо опубликовать оставил. В его архиве сохранились морские рассказы (что-то можно изыскать в журналах начала XX века, где они появлялись за подписью *Морской*), прозаические произведения «Гости издалека» (фантастика), «Минувшие дни», роман «На грани двух столетий», с которым журнал «НАТЕ» и начинает знакомить читателей.

В 1952 году Федор Николаевич Ильин предварил посылку машинописных томов своего романа «На грани двух столетий» С.Я. Маршаку (с которым судьба свела его задолго до войны в

кисловодском санатории) таким признанием: «Я старый ученый, имею много трудов, исписал много бумаги... Моя главная профессия занимает всё мое время, но я много видел на своем веку, много путешествовал, много встречал людей, и мне кажется, что я должен поделиться своими впечатлениями с теперешним читателем. Сам я далек от него, и поэтому-то, простите меня грешного, я обращаюсь к Вам как к опытнейшему и знающему писателю». Маршак ответит: «Восхищаюсь Вашей энергией и работоспособностью, позволяющей Вам сочетать научную работу с литературным творчеством». И вскоре, по получении текста, сообщит: «Я пользуюсь каждой свободной минутой, чтобы прочесть страницу-другую Вашего интересного романа».

Секретарь Маршака Розалия Ивановна Вильтцин, ссылаясь на болезнь Самуила Яковлевича, в подробном телефонном разговоре с женой Федора Николаевича, Клавдией Алексеевной Прозоровой-Ильиной, с доверительной осторожностью передаст примерно следующее: «Маршак с большим интересом прочел рукопись, отметил живую фабулу, недюжинное мастерство в сложении сюжета, кадейдоскоп запоминающихся образов и судеб в одну из самых драматически сложных эпох нашей истории, но, к искреннему его сожалению, по некоторым «социально значимым воспитательным параметрам, связанным с потребностью в героических характерах», её трудно будет опубликовать в ближайшее время...» Взятые в кавычки слова записаны были Клавдией Алексеевной и деликатно сокрыты от Федора Николаевича.

Что же могло остановить С.Я. Маршака в продвижении романа в печать? Думается, что его необыкновенная правдивость. Точность, пронизательность автора относительно скрытых пружин исторических процессов, роли правительств, экономической подоплеки событий. Роман, несомненно, автобиографический (в Мичмане, Степане Евграфовиче Звягинцеве, решающем порвать с военной службой, мы узнаем черты Ильина, который после событий войны ушел в отставку и стал работать медиком). При этом роман является «автобиографической эпопеей», где место действия — вся европейская и азиатская часть земного пространства. Всё, что описано в нем, Ильин знал и видел своими глазами. Гимназистом проживал в провинциальном Николаеве, после стал студентом Императорской военно-медицинской академии и переехал в Петербург. Затем побывал на практике в Европе.

Но главное место действия в романе — это Дальний Восток накануне русско-японской войны. Здесь фактические данные

романа поистине бесценны. Следует напомнить, что русская литература не богата историко-художественными свидетельствами о войне 1904–1905 годов. Сохранились лишь воспоминания очевидцев. Ни «Путь» Л. Сулержицкого, ни «Отступление» Г. Эрастова, ни «Пережитое» Вл. Станюковича в советские годы не перепечатывались. Публиковались лишь «Записки об японской войне» Вересаева. Романы же, посвященные упомянутому времени, — «Порт-Артур» А.Н. Степанова, «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя — освещали лишь героические подвиги русских моряков, их твердость и негибимость в условиях неминуемой гибели. При этом Степанов многое мистифицировал, уверяя, что мальчиком побывал на Дальнем Востоке и всё хорошо запомнил (впоследствии это оказалось неправдой). Ценность же страниц «На грани двух столетий» заключается в том, что Ильин, переведенный на Дальний Восток, работал в Морском госпитале во Владивостоке, служил судовым врачом на транспорте «Алеут», канонерке «Гиляк», крейсере «Забияка» и других кораблях, участвовал в морских сражениях, в обороне Порт-Артура. И, главное, видел, как происходит «обживание» чужой земли, понимал, сколь далеко простираются планы России по присоединению Манчжурии, Китая, даже Кореи, как пытается нажиться на этом русское купечество, какие выгоды извлекаются из строительства городских укреплений, фортов и пр., насколько халатно совершается работа под прикрытием лозунгов о защите Отечества и его интересов (воровство на предприятиях, одобрение несовершенных орудий, приемка по знакомству и под нажимом начальства и пр.). Вряд ли автор знал выражение В.И. Ленина о том, что на Дальнем Востоке в эти годы осуществлялась «глупая и преступная колониальная авантюра» российского государства.

Ильин изобразил события и ужасные предчувствия их последствий, как художник — масштабно и ярко. В Порт-Артуре, на Дальнем, во Владивостоке автор сводит почти всех основных героев многонаселенного романа, именно их глазами мы видим обычаи и привычки китайцев, отношение к ним русских, унижение начальством простых матросов, увеселительные поездки прибывших прикупить вещички в порто-франко, разнообразные проворачиваемые махинации. Появляются реальные исторические лица (П. Безобразов, Стессель, Куропаткин), которые изображены через поступки и действия. Всё это придает панорамной картине напряжение. Не менее ярко удалось Ильину зафиксировать расслоение в кругах интеллигенции и военных. Роман создавался в период переосмысления недавних событий думающими людьми.

Очевидно, описанные в романе подробности и повлияли на решение Маршака: подобное «прозрение» никак не предусматривалось русской литературой начала 1950-х годов.

На войне Ильин знакомится со своей будущей женой, сестрой милосердия Юлией Пиленко (черты которой, как представляется, отразились в образе Веры). Юлия была связана с родом Пиленко, откуда происходила и поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева. Брак длился до смерти Юлии в 1953 году. Затем Федор Николаевич женился на своей помощнице Клавдии Алексеевне Прозоровой, сумевшей сохранить его богатое наследие (оно было завещано ей своему племяннику Валерию Владимировичу Прозорову). Клавдия Алексеевна поддерживала полностью ослепшего к 1938 году ученого, который продолжал читать лекции, заниматься со студентами, писать книги, став его неоценимой помощницей.

«На грани двух столетий» — роман, который задумывался автором еще в конце 1930-х годов. К этой поре, скорее всего, относится и основная работа над первой его частью. Примерно с 1944 по 1949 год машинописный текст под диктовку автора печатался К.А. Прозоровой-Ильиной, а в течение полутора-двух лет эпизодически подвергался редактуре. Полностью 5 томов были перепечатаны и переплетены к 1952 году (тогда же и были посланы Маршаку).

168

Настоящая публикация смогла состояться по инициативе М.В. Михайловой и В.В. Прозорова, которые приносят сердечную признательность директору Государственного музея К.А. Федина (Саратов) Марии Валерьевне Григорьевой и монтажери Киностудии Саратовского государственного университета Оксане Александровне Савченко за бесценную помощь и большую работу, связанную с оцифровкой рукописи.

М.В. Михайлова, В.В. Прозоров

НА ГРАНИ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Июльское солнце стояло уже высоко. В сосновом лесу было тихо и душно. По мягкой грунтовой дороге двигалась тройка, запряженная в большой тарантас с опущенным кожаным верхом. Взмыленные лошади яростно работали хвостами, отмахиваясь от назойливых слепней. Молодой парень на облучке подбадривал кнутом пристяжных, которые то и дело ослабляли построжки. Густая пыль клубилась облаком и долго стояла в неподвижном воздухе. Два молодых человека, очень похожих друг на друга, сидели упрямо. Поездка явно не доставляла им удовольствия.

— Однако и жаркий денек выдался, — проговорил старший, более полный, с круглым лицом. Он махал перед собою носовым платком, как бы защищаясь от пыли, и часто приподнимал фуражку с кокардой, чтобы освежить голову.

— Сильно парит, Николай Николаевич, — заметил, не поворачиваясь к седокам, ямщик, — Быть грозе.

Второй седок, тоже в форменной фуражке, продолжал молчать. Его лицо, более узкое, чем у брата, с острым носом и небольшими отвислыми усами, хмурилось.

— Я хотел развлечь тебя, Сережа, и настоял на этой поездке на ярмарку. Вижу, ничего у меня не вышло.

Сергей Николаевич, наконец, приоткрыл крепко сжатые, тонкие губы:

— Пожалуй, Мария Николаевна поступила разумно. Она не поехала потому, что не хочет показываться в обществе. Ты хорошо знаешь отношение к ней наших дам.

Взгляд Николая Николаевича скользнул по затылку сидящего впереди парня, который с любопытством прислушивался.

— Вообще, мне кажется, ее положение в этом городишке не ахти какое. Но нам не удастся поговорить с тобою. Всё люди. Наконец, этот Евгений Антонович!.. Я не понимаю тебя, Коля!

Старший из братьев показал глазами на ямщика.

— Be careful, — произнес он.

Лес раздвинулся. Началось поле. Высокая рожь клонилась к земле, по ней ходили волны. Белые облака плыли в небе, и тени от них неслись по просторной ниве.

— Ну что же, Егор, где твоя гроза? — спросил Николай Николаевич.

— Стало быть, ошибся, — почесал за ухом парень и начал скручивать сигарку из газетной бумаги.

— Не пройтись ли немного? — предложил старший из братьев. — Дорожка по обочине хорошая, плотная. Запах ржи очарователен!

— Можно... — прозвучал вялый ответ.

Братья сошли с экипажа, отряхнули пыль с плащей, расправили затекшие ноги и тронулись по узкой тропинке у самой ржи, склоняющей спелые колосья. Тройка двинулась вперед шагом, но лошади норовили, спасаясь от слепней и мух, переходить на рысь.

— Ты что-то хотел сказать мне? — спросил Николай Николаевич после некоторого молчания. И, не дожидаясь ответа, продолжал. — Твой приезд был для меня совершенно неожиданным. Едва я получил твою телеграмму, как ты явился сам. Можно сказать, я не успел приготовиться.

170

Голос сзади прервал:

— Мы с тобою не переписывались. Матери ты никогда ничего не писал о себе, о своей жизни. Мы знали только, что ты получил место следователя в уезде. Предполагали, что тебе скучно в глуши. Ведь жизнь твоя шла до тех пор в столице. Но что застаю здесь! Я, было, подумал, что ты женился...

— А теперь, — перебил Николай Николаевич, — собираешься читать мне уроки нравственности и морали?

Ответа долго не было. Наконец, равнодушный голос прозвучал:

— Мораль, нравственность... Я не придаю этим понятиям никакого значения. Просто я взываю к твоему благоразумию. Что ты увлечен такой женщиной — не удивляюсь, но она опасна. А кто этот Евгений Антонович?

— Ты слышал уже от него самого, что он — окончивший лицей единственный сын богатейших родителей, взят под опеку за непомерную расточительность. Сейчас без гроша, но в будущем... — следователь выразительно свистнул.

— Он, кажется, тоже увивается за Марией Николаевной.

— Это у него такая манера. Он поляк и воспитан в рыцарском поклонении женщинам. Но к большому не способен. В тридцать пять лет полный инвалид.

— А теперь приживальщик у тебя?

— Не совсем. Он получает двести рублей ежемесячно. Накупает шампанского, дорогих закусок, духов и всего, что попадется ему на глаза, а потом сидит без копейки.

Дорога описывала дугу, а тропинка шла прямо сквозь рожь. Следователь срывал колосья, очищал зерна и разжевывал их крепкими белыми зубами. С бугра вид расширился. Далеко впереди пестрели платья жниц.

Брат молчал, и Николай Николаевич начал снова:

— Не мог же я писать матери о Марии Николаевне... Да и зачем? Я слышал, ты окончил Академию, назначен инженером в Варшаву и доволен местом. Но я не знал о твоём отпуске, который ты решил провести у меня, на лоне природы... А теперь, мне кажется, ты не совсем доволен...

171

Сергей Николаевич возразил:

— Просто я страшно переутомился. Экзамены и всё прочее. Я полагал найти у тебя покой.

— Но не нашел.

— Не скрою, Николай, ты живешь какой-то странной жизнью, как будто бы в оперетке.

Тропа расширилась, и братья пошли рядом.

— Не думай, что я тебя осуждаю. Всякий устраивается по-своему, — и уже другим тоном военный инженер добавил, — ты думаешь, Звягинцев приедет на ярмарку?

— Почему он тебя интересуется? — вопросом на вопрос ответил следователь.

— Потому что брат Звягинцева занимает немалый пост в штабе варшавского военного округа, а их кузен — важная персона при дворе.

— Ах, вот как! — с удивлением промывчал Николай Николаевич.

В это время тарантас поравнялся с пешеходами. Ямщик выразительно посматривал, лошади нетерпеливо фыркали. Ветерок дул едва заметно, и снова стало жарко. Пять баб, пестро разодетых, и один молодой парень с гармошкой за плечами, сидевшие у придорожной канавы, где росли незабудки, с любопытством разглядывали господ. Те сели в экипаж, кнут Егора прогулялся по спинам лошадей, и тройка покатила вперед, обдавая всех пылью. Парень крикнул вслед что-то непристойное, женщины захохотали. Стала видна церковь с колокольной и зеленым куполом, а рядом с ней — кладбище.

— Ну, вот и Филиппова гора. Деревня на другой стороне оврага, — ямщик показал кнутовищем, — эва, видны деревья. Это сады. Там яблок много. К дяде Михею надо ехать после Спаса.

— А кто это Михей? — спросил инженер.

— Бывший мельник. Теперь превратился в богатого лесопромышленника. У него всегда останавливаются важные уездные гости. Мы едем тоже к нему.

172

* * *

Дом у разбогатевшего мельника был двухэтажный. В нижнем этаже помещались жилые комнаты. Верхний этаж представлял из себя парадную половину. В большой комнате толпились гости. Толстый рыхлый священник с длинными волосами по плечи надевал в красном углу около божницы епитрахиль. Лицо его было красно, он сопел. Рядом дьячок раскачивал кадило, дул в него, разжигая угли. Ладан струился, наполняя комнату церковным ароматом. Начался молебен. Через широко открытые двери в сени позволялось глядеть людям второго разряда, недостойным попасть в парадные хоромы. Здесь были приезжие из городка мещане, небогатые купцы и крестьяне из соседних сел. Тут же находились и ямщики, привезшие на ярмарку знатных гостей.

Пока в комнате господ спокойно стояли, крестились чинно и мелко, боясь уронить свое достоинство, — в сенях простолюдины размашисто осеняли себя крестным знаменем, кланялись и громко бормотали слова молитвы. Женщины вздыхали, охали, некоторые прикладывали к заплаканным глазам свернутые комочком тряпицы или утирались рукавом, размазывая по лицу пыль и грязь.

Священник нехотя бубнил молитвы, дьячок подпевал, гнусавя. Некоторые вторили. Заплывшие жиром глаза батюшки косились в

открытую дверь налево, туда, где в соседней комнате был накрыт домотканой скатертью большой стол, уставленный разной снедью на блюдах и бутылками. Посредине возвышалась четверть с водкой, по сторонам от нее на досках, покрытых полотенцами, испускали вкусный дух два громадных пирога. Головы и хвосты крупной рыбы торчали из теста.

Молебен кончился.

Хозяин, высокого роста, с правильными чертами лица, с бородкой и усами, с высоким лбом, в чистой рубахе, подвязанной пояском и городским пиджаком поверх нее, пригласил гостей к столу. Все оживились, и земский начальник фон Шлигель, с маленьким носиком-защипкой, сознавая свое первенство, с важностью двинулся в столовую.

За ним шли следовательно, его брат в белом кителе, становой пристав, рыжий мужчина с побритым подбородком и большой лысиной, член земской управы Богословский, всё время гоготавший неизвестно по какой причине, и несколько молодых людей, одетых в косоворотки самой замысловатой расцветки. Взгляды входивших бежали по столу, лица расплывались от удовольствия. Мужики вились роєм.

173

— Ты что же это, Михей Степанович, напоить нас хочешь? — произнес с расстановкой земский начальник.

— Что вы, Геннадий Львович! Как можно. Милости просим!

Бывший мельник кланялся и помогал всем рассестись на скамьях и на стульях разных форм. Хозяйка, молодуха с писанным русским лицом, в городском платье, уже делила пирог на куски, торопясь разложить их по тарелкам.

— Пироги стынут, а закуски подождут, — приговаривал хозяин, прислуживая гостям и разливая по стаканчикам водку.

— Правильно, Михей Степанович! — кричал Богословский.

— Стаканчик можно, — говорил фон Шпигель, — а больше ни-ни, и не уговаривай.

Становой пояснил:

— По единой — и до рассвету. Я никогда не пью больше, как по единой.

Николай Николаевич выпил и скривил физиономию. Водка была плохо очищена и отдавала сивухой. Земский начальник брезгливо исследовал пирог, отколупывая корку. Михей заметил и засуетился:

— Рыбка свеженькая. Только нынче утром пойманная. Присолена для вкуса. Не сомневайтесь, Геннадий Львович.

— Рыбка замечательная, — заорал с полным уже ртом член земской управы.

Фон Шпигель обратился к сидящему рядом с ним Сергею Николаевичу, продолжая прерванный разговор:

— Варшава — один из лучших городов в России. Там стоит гвардия. Я когда-то служил в Петербургском, его величества короля прусского, полку. Этот город оставил у меня самые лучшие воспоминания.

— Паненки — пальчики оближешь, — вмешался в разговор становой.

Молодые люди на дальнем конце стола все разом, как по команде, хихикнули.

174

Земский начальник сделал недовольное лицо, как бы не желая, чтобы разговор принимал игривый характер.

Батюшка много ел и пил, произнося изредка:

— Скажите. Вот как. Тот-то оно и оно-то!

— Николай Николаевич, ваше высокородие, — потчевал бывший мельник, — не желаете ли «Зубровки» или «Рябиновки» пополам с очищенной? Не откажите. Нынче праздник престольный, угощайтесь, чем Бог послал.

В это время послышался звон колокольчика и бубенцов, стук подъезжающего экипажа.

— Кто ж это будет?

Почти все повскакали со своих мест и бросились к оконцам, по которым ползали многочисленные мухи.

— Кажись, Петр Георгиевич.

— Лошади его!

— Может, с дочкой? — становой приоткрыл окно и старался заглянуть вниз.

— Красавица! — заметил Николай Николаевич, обращаясь к брату.

С улицы доносился приятный, на некоторых нотах высокий, голос вновь прибывшего помещика Базанова.

Новый стук экипажа возвестил о прибытии еще каких-то гостей. Лошади приезжих знакомились и ржали так громко, что в комнате трудно было разговаривать. Ямщики кричали и ругались, собаки лаяли. Двери в сени широко раскрылись, и на пороге показались две фигуры.

Петр Георгиевич Базанов, высокий, стройный, с открытым лицом, обрамленным темной, едва седеющей бородой. Одет он был в шелковую рубашку навыпуск и длинные брюки, из-под которых выставлялись лакированные, франтовские туфли. Он поздоровался за руку с Михеем и быстрыми шагами подошел к столу. Со всех сторон раздалось:

175

— Добро пожаловать!

— Здравствуйте!

— Как хорошо, что вы приехали!

Он раскланивался, а перед хозяйкой галантно расшаркался и вынул из картонки букет свежих роз. Та зарделась.

— Из собственных цветников.

— Bravo, bravo! — зааплодировали некоторые из гостей.

— Я очень жалею, что опоздал, господа.

— За вами три, — кричал Богословский, — мы наливаем по четвертой!

— А вы не считайте, — пробасил становой.

Седовласый старик, большой, плечистый, с рыхлыми чертами лица, с длинной бородой и такими же усами, одетый на крестьянский манер, но из дорогого материала, в высоких сапогах, неторопливой походкой, не здороваясь ни с кем за руку, подошел к столу и, усевшись на подвинутое ему хозяином полукресло в самом конце стола, далеко от знати, возгласил хрипловатым голосом:

— Мир вам!

Сергей Николаевич нагнулся к уху брата:

— Про какую дочку тут говорили? Чья дочка?

— Вот этого, первого Базанова. Недавно кончила институт. Настоящая роза, еще не вполне распустившаяся. Но, к сожалению, она, кажется, не приехала.

— А это кто? — Сергей Николаевич показал головой на старика.

— Большой оригинал. Помещик-толстовец. Тебе повезло. Ведь это и есть твой Звягинцев, разве ты не слышал об его причудах?

Базанов, между тем, занял место рядом с военным инженером. Николай Николаевич постарался завести общий разговор, но брат его не переставал прислушиваться к тому, что происходило на другом краю стола, где сидел Звягинцев. Тот говорил:

— Да где ж это Александр Александрович запропастился. Писатели — народ мудреный. Может, сидит где-нибудь и в книжечку записывает. Ему всё интересно. Мужики ругаются, а он их выражения, чтобы не забыть, — в книжечку. Ты бы, Михей, пошел, да поискал его.

Хозяйка наливала стопку и, кланяясь, приглашала выпить Базанова:

— Будьте милостивы, Петр Георгиевич. Анисовая, ваша любимая; а вот и сардинки французские.

— За здоровье хозяйки! — покрывая разговор, завопил Богословский.

На столе появилось жаркое: две индюшки и телячья нога.

— Ловко! — произнес становой, опрокидывая в глотку очередной стаканчик. Его лицо выражало полное блаженство, а глаза были прикованы к жирным индюшкам.

— Вот он — пропавший. Прошу любить и жаловать, — представлял своим хрипловатым голосом Звягинцев скромного, одетого в темную пиджачную пару человека лет тридцати.

— Писатель и лицедей, Александр Александрович Утерёхин.

Тот мялся с ноги на ногу и сонными глазками осматривал компанию.

— Представлять вас друг другу не будем, познакомитесь потом, а теперь садитесь рядом со мною и не теряйте времени, —

командовал Звягинцев. И пояснил, не обращаясь ни к кому в частности. — Александр Александрович — настоящий городской житель. Деревня ему не знакома, а между тем он восхищается картиною Репина «Крестьянский ход».

Молодые люди на крайнем конце стола с любопытством рассматривали Утерёхина. Писатель был здесь в новинку.

Фон Шпигель, разрезая грудку индюшки, начал с Базановым разговор, из которого можно было понять, что у них какие-то общие дела. Но видно было, что Петр Георгиевич не охотник до чего-либо серьезного. Молодежь начала, к его счастью, сильно шуметь:

— Правильно! — орал Богословский.

Земский начальник постарался водворить спокойствие стуком ножа о тарелку:

— Кажется, господа, я выражу общее желание прервать нашу трапезу: надо пойти на ярмарку, пока большинство еще не сильно утомилось за этим столом. Потом можем вернуться. Нас ждут там и купцы, и публика.

177

Раздались голоса:

— Конечно! Пора! Уже поздно!

Все встали. Пристав поспешно затолкал в рот большой кусок телятины, обтер губы платком и, щелкнув шпорами, устремился за фон Шпигелем.

Хозяин кланялся:

— Опосля прошу вас, добрые гости, зайти перекусить на дорогу.

Из нижнего этажа доносился разноголосый гомон: там пировали деревенские и горожане попроще.

Улица спускалась вниз и переходила в проселок, по обеим сторонам которого тянулись плетни огородов и заборы садов. По откосу к реке на свободном пространстве раскинулась ярмарка. Сколоченные на скорую руку из досок, лавчонки тянулись в два ряда. Товары, разложенные на прилавках и на полках, представлялись обозрению публики, густой толпой запрудившей узкий проход. Ситцы, кумачи, ленты, тесемки, скобяные изделия, топоры, косы, мышеловки, сусальные пряники, паточные леденцы и черные, сладкие рожки привлекали внимание непритязательных покупателей, собравшихся сюда из окрестных сел и деревень.

Женщины грудились, главным образом, около прилавков с красным товаром. Мужики разглядывали долота, размахивали топорами, щупали косы и пилы, бранились и восхищались. Дети собирались около сластей, глядя на них восторженными взорами. Маленькие пытались лизнуть пряник или отщипнуть от него кусочек, как бы для пробы. Продавцы расхваливали свой товар, не жалея глоток, покупатели кричали, стоял шум и гомон. Рядом торговали лошадьми. Темнокожие цыгане с большими блестящими пуговицами на куртках расхаживали с кнутами, то и дело взбадривая животных, чтобы те не дремали да выглядели помоложе. Мужчины хлопали лошадей по крупу, осматривали копыта, затем зубы, широко раздвигая коням отвислые губы и вытягивая язык. Некоторые усаживались верхом и, стуча каблуками под ребра, изображали лихих наездников: носились из стороны в сторону, рискуя кого-нибудь задавить. Стоял крик, улюлюканье, гогот... Человеческие голоса сливались с топотом копыт, всё это заглушалось пронзительным ржанием.

Торг шел давно. Собственно, начался он уже накануне, с вечера, но официальным открытием ярмарки считался молебен у Михея Степановича. Появление гостей Михея среди зипунов, рубах и цветных бабьих платочков было встречено общим вниманием. Толпа расступилась перед господами: сбоку от них шел урядник, а с другой стороны сотский с бляхой на груди. Фигура станового тоже вызывала опаску. Если кто зазевается, то полицейские чины не преминут восстановить порядок ловким ударом кулака в затылок или коленкой под зад. Купцы раскланивались. Начальство покровительственно обращалось к некоторым из них.

— Ты, Шошин, хорошо торгуешь. Когда я приду к тебе покупать, пожалуй, ничего не останется, — басил становой.

— Не беспокойтесь, ваше высокоблагородие, у нас запас имеется.

Член земской управы Богословский ущипнул какую-то молодую девушку и заржал от восторга, а та шарахнулась от него, поправляя съехавший на затылок платок.

Озорной, уже сильно захмелевший парень с армяком на одном плече и с гармошкой выдвинулся вперед и, пошатываясь, крепко выругался.

— Ты чего ж наших девок цепляешь?

— Взять! — скомандовал пристав.

Два дюжих десятских схватили молодца. Земский начальник не достаивал вниманием такие мелкие эпизоды: он важно плыл вперед. Торговец ножами, около которых остановилась компания, протянул через прилавок большой охотничий нож в кожаных ножнах.

— Настоящий, финляндский.

— Работа хорошая, — протянул фон Шпигель.

— Осчастливьте, ваше высокородие.

Нельзя было сомневаться в намерении продавца.

— Подарков не приемлю, — земский начальник проследовал дальше, а становой взял в руки нож и, как бы разглядывая его, позабыл вернуть.

Звягинцев остановился около пил и кос, отбирая всё, что ему нужно для хозяйства. Его худосочный гость, не то писатель, не то артист, с любопытством рассматривал товары, и теперь, увидевши ларек с книжками, бормотал названия:

— «Бова королевич», «Сочинения графа Салиаса», «Онанизм и его последствия».

179

На обложке последней книжки было нарисовано ужасное лицо идиота. Молодые люди с дальнего конца стола гоготали: один уговаривал другого купить «полезную книжицу». Николай Николаевич и его брат несколько поотстали. Первый из них говорил:

— Теперь ты понимаешь, отчего Базанов не привез сюда свою дочь?..

Толпа уже забыла о присутствии важных гостей и, тесно сомкнувшись за ними, гомонила на все лады. Солнце припекало всю, доски балаганов испускали запах свежераспиленного дерева.

— Да и дочь стесняла бы этого старого ловеласа, — продолжал следовательно. — Ты видел, этот уездный лев не забывает даже Михеевой жены!

Около лавчонки торговали лыком, лаптями и оборами. Тут же висели игрушечные лопатки. Военный инженер остановился и купил две пары маленьких и одну большую, на удивление брата.

— Повезу в Варшаву. Там таких не видели.

Николай Николаевич купил целый ящик пастилы.

— Для Марии Николаевны, — пояснил он. — Надо привезти с ярмарки подарки. А Евгению Антоновичу пепельницу. Я видел среди гончарных кувшинов. Аляповатая, но большая. Он всё курит и не знает, куда совать окурки.

— А знаешь, Коля, мне надоела эта толкотня. Выйдем в поле и приляжем где-нибудь? — предложил инженер.

— Превосходно! Ты угадал мое желание. Здесь, за речушкой, гора, она удивительной формы, с плоской вершиной, как стол. Наверху огороды, по откосам заросли. Вид сверху чудесный!

Братья направились по узкой дороге сначала вниз. Перешли мост и начали подниматься.

Сильно пахло коноплей, а ветер с полей приносил запах спелой ржи.

— Звягинцев семейный? — вопрос прозвучал как-то неожиданно. Задумавшийся следователь ответил не сразу:

— Он вдов. Есть сын — морской офицер. Теперь находится в заграничном плавании.

— А он сам?

— Что ты хочешь узнать, Сережа?

— Все они из военных, а ваш, как его?.. Где он служил раньше?

— Он многие годы избирался мировым судьей, теперь нигде не служит. Это яростный поклонник великих реформ. Всеобщая воинская повинность, гласный суд, равный для всех, выборное начало, земство — вот его любимые коньки. Конечно, он ненавидит институт земских начальников и фон Шпигелю не подает руки. Если ты так интересуешься им, мы можем съездить в Полново. Он очень гостеприимен и с удовольствием покажет тебе некоторые семейные реликвии. Между прочим, мраморный бюст Наполеона, работы знаменитого Кановы; может быть, подделка — не ручаюсь. Кроме того, мебель Марии Антуанетты и французский фарфор.

— Что же, у него целый музей? — спросил инженер.

— Нет, остатки былого величия. Его дед был одной из крупных фигур в тринадцатом году и участвовал во взятии Парижа, а отец числился среди декабристов, но сумел ловко вывернуться.

Братья оказались на вершине. Далеко внизу вольно раскинулись рыжеватые поля, окаймленные зеленью лесов.

Николай Николаевич протянул руку.

— Какой простор! — воскликнул он. — Вон, видишь белую точку: она выступает на темном фоне. Это Ильиногорская церковь. Отсюда верст тридцать. Там уже близко имение Базанова.

— У вас, кажется, сохранилось еще настоящее дворянство.

— Жалкие остатки. Базанов всё пропустил между пальцев. У него всё заложено-перезаложено. Звягинцев чудит и проживает последнее. Богословский безо всякого образования, отбывал воинскую повинность простым матросом. Еще две-три семьи перебиваются, как говорится, с хлеба на квас.

— Вот здесь, пожалуй, недурно. Мне хотелось бы полежать, — проговорил Сергей Николаевич, отыскивая под низкорослыми деревьями место почище и потенистее...

Он снял китель, бережно сложил его изнанкой кнаружи и, оставшись в одной рубашке, растянулся на траве, подложив под голову руки. Ветерок скользил по лицу и пробирался за ворот рубахи. Птичье чириканье подчеркивало тишину.

181

— Благодать!..

Вскоре инженер забылся. Дрёма перешла в крепкий сон. Следователь срывал стебли травы и связывал их вместе, плёл подобие кружева. Спать ему не хотелось, и он мысленно переходил от одного заботящего его вопроса к другому:

«Дом в Петербурге, принадлежащий матери, дает мало дохода. Капиталов нет. Жалованья, конечно, не хватает на жизнь, долги растут. Вкусы Марии Николаевны широки и разнообразны. Её нельзя превратить в обыкновенную хозяйку. Она любит развлечения, и скоро ей надоест прозябать в этой дыре. Надо будет ехать в Петербург или куда-нибудь подальше, например, на Кавказ, а может быть, и за границу...

Этот идиот Еленский при других обстоятельствах мог бы оказать громадную помощь. Единственный наследник — и почти без гроша, но мало ли что может быть в будущем?»

Николай Николаевич меняет позу, вытягивает ноги, потом ложится сначала на один бок, потом на другой. Но сон бежит от него. Так проходит более часа. Инженер вдруг вздрагивает и, севши, озирается по сторонам.

— Славно заснул. А ты, Коля?

— Что-то не спится, а на ярмарку возвращаться рано. Солнце еще высоко.

Сергей Николаевич облизал губы.

— Не знаю, как тебе, а мне страшно хочется пить. Этот завтрак, или обед у вашего мельника вызвал у меня жажду, но там ничего не было, кроме спиртного.

Николай Николаевич встал.

— Спустимся к реке. Она огибает гору с трех сторон. У меня в кармане пепельница для Евгения Антоновича, мы можем из нее прекрасно напиться.

Братья выбрались на дорожку, круто спускавшуюся к быстрой, мелководной реке с торчащими из нее там и сям камнями.

— А не выкупаться ли нам? — предложил Николай Николаевич.

— Пожалуй.

Братья разделись. Они немного стеснялись друг друга. Снимать рубашку было неловко. Младший украдкой рассматривал старшего. Он заметил, как тот пополнел: образовалось брюшко, все члены были округлены, лишая фигуру мужественности.

«Вот он каков. А недавно еще был стройный молодой человек».

Сергей Николаевич с удовольствием сравнивал себя с братом и думал: «Гимнастика, верховая езда, умеренность в пище и питье много значат».

Его сильные мышцы играли под кожей. Следовательно вошел в воду медленно, пожимаясь от холода, а брат его побежал по песку и сразу бултыхнулся, где было поглубже. В это время с другого берега реки послышались голоса. Там шла девушка, одетая в желтую кофту и зеленую юбку, а с нею двое мужчин. Они не заметили купающихся и, свернув на межу среди ржи, пропали из виду.

— Кажется, один из них был с нами у Михея? — спросил Сергей Николаевич, вытягивая шею над водой, в которую спрятался поглубже при виде проходящих.

Николай Николаевич, равнодушно оставшийся на мелком месте, отвечал:

— Это Захаров — сын водочного заводчика. Молодой человек, недавно окончивший реальное училище.

— Куда же они идут?

Следователь полил себе голову водой и продекламировал:

— «Расступись ты, рожь высокая, / Тайну свято сохрани». Кажется, так сказано у Некрасова?

Инженер вышел на песок и стоял, обсушивая тело.

— Да ведь их двое?

Брат усмехнулся:

— Бывает и трое, у нас простота нравов.

Сергей Николаевич, уже отвлеченный другой мыслью, спросил, натягивая рубашку:

— Богатый человек этот Захаров? А, надо сказать, у него водка прескверная, проглотил с трудом. Ну, да скоро им конец: не в этом, так в следующем году будет введена у вас монополия. Витте не дремлет. Водочка поправляет государственные финансы.

183

Когда купающиеся поднялись по тропке на дорогу, послышались звуки гармошки и пьяные голоса, распевające какую-то песню.

Николай Николаевич хотел уклониться от встречи, но гора была слишком крута, и свернуть куда-нибудь в сторону было невозможно. Ватага захмелевших парней и подвыпивших женщин прошла почти рядом. Раздались голоса:

— Следовательно, мать его!..

— Погонники!

— Душегубы!

Братья шли, понурив голову и делая вид, что не слышат ругани. Когда всё стихло, офицер произнес:

— Однако, православные мужички настроены далеко не дружелюбно.

— Замечается страшная распущенность. Вот потому-то и введен институт земских начальников. Им вменяется в обязанность подтянуть народ. Однако, такие миротворцы, как Звягинцев, продолжают утверждать, что палкой ничего не сделаешь.

Николай Николаевич говорил всё это без особого убеждения, и тогда Сергей Николаевич резко заметил:

— Строгость прежде всего. Этот народ надо держать в руках. Мне очень хотелось схватить за шиворот того негодяя, который назвал меня «погонником». Да только подумал, что мы не вооружены, а их много.

— Я удивился, что ты не взял с собою сабли. Военный и без оружия.

Сергей Николаевич подхватил:

— Я согласен с тобой. Такая халатность — безобразие. Если бы шашка была со мной, я бы поговорил с ними иначе.

— А я должен был бы потом производить следствие? Нет, Сережа, так вышло лучше. Мы с тобой их не научим. Предоставим это фон Шпигелю, становому приставу, уряднику. Наше дело сторона. Да и едва ли правильно обострять отношения между нами и ими.

— Тогда, пожалуй, по-твоему, миротворцы, как ты назвал их, стоят на более правильном пути?

— Как тебе сказать? Иногда я возмущаюсь, но ведь я правовец и убежден, что справедливость и права — прежде всего, и что всякое насилие, от кого бы оно ни исходило, есть всё же насилие.

184

Инженер свистнул:

— В идее, правильно, однако жизнь нас учит противоположному. Везде господствует сила и только сила. Её все уважают, а не право.

— Видишь ли, Сережа, мы, люди разных специальностей, не всегда понимаем друг друга. Ведь право есть тоже сила. Оно опирается на силу. А сила, о которой ты говоришь, есть, в сущности, произвол. Такая сила опасна. Вот в данном случае сила была на их стороне, и мы с тобою промолчали. Если эта сила развернется, так она смахнет нас всех, как пыль

— Ты говоришь о революции?

— Да. Признаки зловещи: повсюду волнения.

— На наш век спокойствия хватит, — произнес решительным голосом офицер. В нем говорил дух воспитанника кадетского корпуса и военно-инженерной академии.

Братья замолчали. Несогласие во взглядах несколько раз за эти три дня заставляло их чувствовать, что они отошли друг от друга с тех пор, как мальчиками росли под родительским кровом.

Начиналась деревенская улица, переполненная народом, и здесь уже было не до разговоров.

* * *

Земский врач Михаил Рафаилович Шебалдаев задержался на медицинском пункте и приехал на ярмарку перед вечером, когда гости Михея, плотно пообедав, уж собирались разъезжаться. Военский начальник фон Шпигель уже отбыл. Большинство пило чай с вареньем, чтобы хоть как-нибудь залить огонь, бушевавший в них после выпитого и съеденного. Все говорили разом, никто не слушал другого. Хозяин также был навеселе, но крепко держался на ногах. Он встретил вошедшего приветствиями:

— Батюшка доктор, я все глаза проглядел, дожидаясь вас. Сказывали, утром рано приехали, а куда сгинули — неизвестно. Покушать вам кое-что найдем, а вы на этом не обессудьте. Народу много, всё подобрали.

— Не беспокойтесь, Михей Степанович!

Михаил Рафаилович, крупный, атлетического телосложения, с головой, напоминающей несколько львиную, с неправильными чертами лица, быстрым взглядом осматривал всех находящихся в комнате. Он сам был иногда не прочь выпить, но знал меру и кутить в пьяной компании не любил. Он направился к концу стола, где сидели братья Корниловы, Базанов и Звягинцев. Последний уступил свое место доктору. Он встал.

— Я уезжаю. Всё было бы хорошо, кабы мой писатель воздержался, а то мне придется везти мертвое тело.

Базанов, смеясь, добавил:

— Не рассчитал своих сил.

— Да нет, он непьющий, его просто накачали.

— А вы почему, Михаил Рафаилович, так опоздали? — спросил следователь.

Доктор не терял времени и, вооружившись ножом и вилкой, справлялся с остатками телячьего окорока. Хозяин потчевал водкой.

— Хорошо, хорошо, Михей, один-два стаканчика и довольно. Больше не буду, не упрашивайте.

Повернувшись к Николаю Николаевичу, отвечал:

— Больных было много, пришлось зашивать рану: пырнули ножом в драке; а тут еще тяжелые роды — накладывал щипцы.

Звягинцев пожимал руки. Сергею Николаевичу он сказал:

— Я буду рад видеть вас у себя.

Базанов допил стакан чая и тоже поднялся. Он обратился к доктору:

— Я довезу вас до города.

— Спасибо!

— Вы не торопитесь, я отыщу Ванюшку, чтобы закладывал лошадей.

Все стали подыматься — один Богословский спал, уронивши голову на стол рядом с обедками пищи. Мухи бродили у него по лицу, норовя залезть в рот и в нос.

Колокольчик возвестил, что тарантас станového подан. Тот тяжело встал и начал будить спящего.

— Николай Ричардович! Ричардович, вставай! Едем, дружище, — он тряс за плечи члена земской управы. — Не на мягкой постели спишь, просыпайся!

Пара за парой, тройка за тройкой останавливались перед избой Михея Степановича. Подкатывали одноколки, пролётки, беговые дрожки. Много знатных гостей собиралось из города на ярмарку, все они побывали у гостеприимного хозяина и разъезжались теперь, напутствуемые его пожеланиями:

— С Богом. Трогай! Доброго здоровья, нас не забывайте. На Спаса пожалуйте!

Колокольчики звенели под дугой. Лошадиные копыта глухо стучали по мягкой дороге. Ямщики покрикивали и молодецки посвистывали. Застоявшиеся лошади не заставляли себя понукать: они тоже спешили домой, в конюшни.

Жители деревни Филиппова Гора, хмельные и задорные, громко обменивались мнениями о каждом из городских гостей. Многие посылали вдогонку нелестные эпитеты.

Быстро темнело. Краски блёкли, и зеленые кусты представлялись уже темными пятнами. Дальний лес вытянулся черной зубчатой стеной. Легла роса, и дорога пылила меньше, чем днем.

— Егор, придержи лошадей, — приказал Николай Николаевич, — пусть обгоняют. Ненавижу ехать таким поездом. А это — что там?!

Рядом с дорогой паслась лошаденка, впряженная в оглобли с передком от телеги, рядом с нею лежал человек с сильно задранной кверху ногой.

— Ехал, значит, верхом, упал. Зацепился в постромках и тащится сбоку, — разъяснил ямщик.

Действительно, когда лошаденка сделала несколько шагов, щипля траву, тело упавшего повлеклось за ней.

— Голова этого пьянчуги почти у самого колеса, — заметил Сергей Николаевич.

— Слезай, Егор, и отцепи ему ногу, — приказал следователь.

Ямщик повиновался, и тут только обнаружилось, что и сам он едва стоит на ногах. С трудом выполнив приказание, он с еще большим трудом влез на козлы. В это время группа крестьян и крестьянок поравнялась с экипажем.

Они смеялись, проходя мимо. Николай Николаевич обратился к ним:

— Подберите его.

— На что его подбирать? Выспится и сам доедет.

— М-м, мы глебовские, а он из Заозерья.

Егор хлестнул лошадей, и те бойко подхватили тарантас.

— Ну их к лешему!

— А ты, Егор, здорово насвистался, — заметил следователь.

— Ничего-с, Николай Николаевич, мы свое дело знаем.

Ночь быстро надвигалась. Потянуло холодком. Над низинами стал сгущаться туман. На небе проступали звезды. Одна горела ярче всех. Поникая к земле рожь словно дремала. Коростель кричал непрерывно, то совсем близко, то где-то вдали.

— Люблю поля в эту пору, — проговорил задумчиво Николай Николаевич. — Что-то родное в них, близкое. Я житель города, столицы, а вот связь с деревней еще не порвалась вполне: она в крови, от предков.

— Ты поэтическая натура, — перебил брата Сергей Николаевич.

— А в тебе этого нет?

— Я прозаик, реалист.

Братья замолчали. Лошади пофыркивали. Пристяжные то и дело переходили в галоп. Фигура ямщика раскачивалась, и трудно

было установить, принимает ли он какое-либо участие в управлении лошадьми.

Таинственный темный бор высился, чуть отступив от дороги. Светлая полоса неба горела уже высыпавшими яркими звездами.

— А этот Шпигель важничает, — заметил Сергей Николаевич.

— Неприятный человек.

— Кто он?

— Дед его был из аракчеевских сподвижников. Кажется, убили крестьяне. Отец владел имением в этом уезде. Сын недолго служил в гвардии, потом в губернском управлении, позже в дворянском опекуновском совете. Хотел быть предводителем дворянства, да на выборах прокатили. С введением института земских начальников решил приложить свои силы к обузданию мужиков.

— А Базанов? — перебил брата офицер.

— Этот интереснее. Когда-то служил в кавалерии. Корнетом — не больше. Отец — богатый помещик, рано помер. Мать души не чаяла в своем первенце. Он не знал пределов своим аппетитам. Женщины любили его, а он любил их всех вместе и никого в особенности. У него теперь вторая жена. От первой — дочка, красавица, но какая-то оригиналка.

— В чем же её оригинальность?

— Окончила Павловский институт и по своей воле забила в глушь. Художница, читает много книг, но вечно якшается с крестьянками. Здешнего дворянства чуждается.

— Она всё время живет в имении?

— Да, уже третий год. Петербургские родственники к себе приглашали, отец настаивал. С мачехой у нее не особенно хорошие отношения. Но нет, никуда не едет.

— Может быть, её что-либо здесь привлекает, или кто-либо? — осведомился Сергей Николаевич.

— У нас во всём уезде главных женихов трое: становой, ты видал его. Это бурсак, окончивший семинарию и променявший службу в церкви на полицию. Грубое животное, взяточник. Богословский — без всякого образования, нищий. И Захаров — сын водочного заводчика и купца, смазливый мальчишка, богатый, но не нашего круга. Есть еще один — из конной гвардии, Толстой, но он приезжает налетом для продажи кусков своего наследия, от которого почти ничего не осталось. Затем Карпов — председатель земской управы, старый холостяк — от него, как говорится, козлом пахнет.

Лес расступился. Внизу, под горой, чуть поблескивала гладкая поверхность озера, а немного дальше светились огоньки города.

— Ну, слава Богу. Сейчас приедем.

Проснувшийся Егор подобрал вожжи и гикнул на лошадей. Те взялись дружно. Тарантас пронесся по заросшей травой улице и остановился у освещенных окон дома, где жил следователь.

Николай Николаевич и его брат стали выгружать на крыльцо подарки. Здесь было деревянное ведро с сотовым медом, связки сушеных белых грибов, глиняная посуда. Ямщик не пытался помогать. Весь хмель бросился ему в ноги. Три рубля «на чай» были здесь неслыханной суммой, но следователь любил, чтобы его уважали.

Двери приоткрылись, и в них появился Евгений Антонович. Он был, как всегда, тщательно причесан на пробор, волосы на височках подвиты, бородка и усы аккуратно подстрижены. Приветливая улыбка озаряла лицо, черные глаза смотрели задумчиво. Изящный темный костюм облегал его стройную фигурку.

— Добро пожаловать, — сюсюкал он, — а мы с Марией Николаевной заждались!.. А это что? Боже мой, целый базар! Как скверно пахнет!

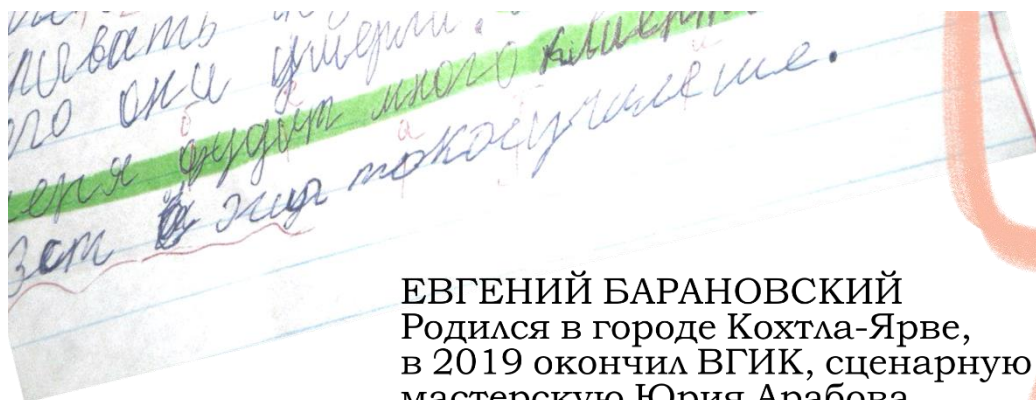
— Подарки.

Николай Николаевич протиснулся в дверь и крикнул:

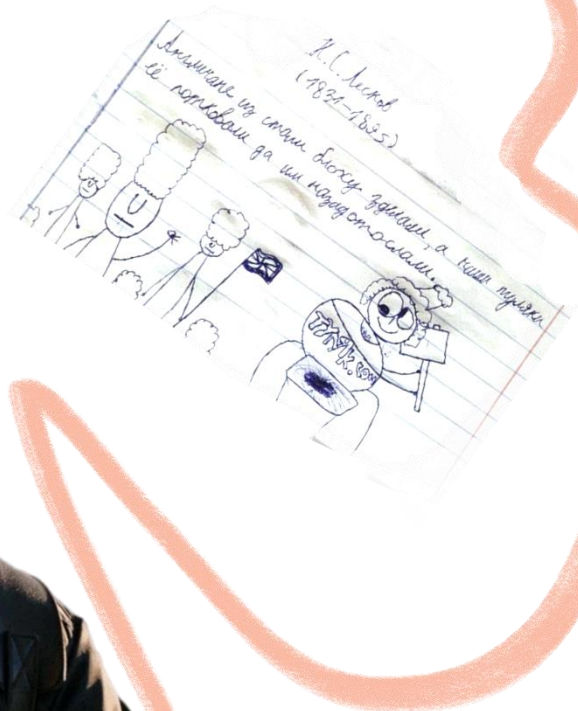
— Анисья!

(продолжение следует)

Ред.: Евгения Геронимус

ЕВГЕНИЙ БАРАНОВСКИЙ
Родился в городе Кохтла-Ярве,
в 2019 окончил ВГИК, сценарную
мастерскую Юрия Арабова,
написал несколько сценариев
для сериалов и кино. Печатался
в журналах «Искусство кино»,
«Россия без нас».

ТЕРПИЛЫ⁵

Новый день

191 Проснулся я совершенно не выспавшимся и в поту, за несколько минут до будильника. Я лежал и смотрел на тусклый свет от окна: всё расплывалось. Я забыл закрыть окно, и в комнате был жуткий холод. Произошедшее ночью казалось сном. Наконец раздавшийся треск будильника только раздражал. Очень не хотелось подниматься. Солнце было высоко, его блеклый белый свет пробивался сквозь плотную темную штору. Я, шатаясь, захлопнул окно и, взяв ртутный градусник, зажал его под мышкой и сел на пол. Меня бил озноб. Градусник показал 38 и 4. Затем услышал отца: он готовил что-то на кухне, напевая себе под нос. Я терпеть не мог такие моменты, когда он, уже отрезвевший и, видимо, с легким чувством вины, пытался сделать вид, что всё как всегда. Стремясь доказать скорее себе, что всё по-старому, что что́ бы ни случилось — мы семья. Меня затошнило. Я снова завалился на кровать. Я смотрел в стену и трясся, в голове неутомимо проступала какая-то карта. Я смотрел на линии, они двоились, в центре карты была нарисована птица. Я разглядывал ее, пока не провалился в тяжелый, тягучий сон. Снилось, будто сижу в своей комнате. Окно открыто, на подоконнике сидит и болтает ногами моя бабушка. Снаружи высотица, этажей сто. Я говорю: бабуль, ты аккуратней давай, высоко же! А она говорит: не бойся, Ванюш, там хорошо. И вниз прыгает. Я подбегают к окну, а вокруг темнота и звезды светят, и меня засасывает туда, и я следом за бабушкой лечу вниз и оказываюсь в тонущей подводной лодке: вокруг мертвецы, они штурмуют мою дверь, а рядом со мной — Савина. Всё твердит, что ей страшно. А я отчего-то так смущен, что не смею пошевелиться. Затем понимаю: Савина голая — и продолжаю сидеть, скованный ужасом.

Иногда я выплывал из сонного тумана болезни. Но эмоции, которые наплывали на меня во сне, оставались. Я трясся, что-то бурчал в бреду и всё не мог зацепиться за реальность. Иногда сквозь наваждения проступала моя мама: она разводила клюквенный морс с медом, давала горькие таблетки и гладила меня по голове. Иногда проступала темная фигура отца: он начинал беседы про мой слабый иммунитет, иногда в потемках памяти проступали фразы типа «ничего, ничего, еще мужика воспитаю», и я всё проваливался в вязкую трясиину постоянно сменяемых сюжетов и образов.

В полубреду я провалялся несколько дней. Рано утром день на третий или четвертый мне стало лучше. Я вышел из комнаты: квартира оказалась пустой. Видимо, родители куда-то ушли. Я громко позвал «мама», затем

---

⁵Предыдущие серии см.: «Нате» №6–8.

«папа» — и поковылял на кухню. На столе лежала записка «уехали в супермаркет». Раз в месяц они совершали на него набег и закупили килограммы крупы, десятки батончиков, сосиски и прочую муть. Я немного подумал, отложил записку и пошел в свою комнату. Я отодвинул край нависших обоев, и тут передо мной уже воочию открылось что-то, напоминающее карту. Я сел на коленки напротив нее и стал рассматривать. И неожиданно понял, что за место, выплывает из переплетения настенных линий. Вот остановка, вот казарма, вот угловой дом, заброшенный стадион. Не знаю точно, подстраивал ли мой мозг эти игры или нет, но отчего-то был уверен, что на карте нарисован соседний военный городок! И не страшно, что дорога была с другой стороны, а кружок не очень походил на высотку: в тот момент меня это не особо интересовало. Я открыл створку шкафа и посмотрел на себя в зеркало. Бледный, осунувшийся, черные круги под глазами. Мне определенно нужно на свежий воздух. Всё сходится: я должен отправиться в путешествие, чтобы непременно найти клад или что-то типа того. Я накинул ветровку, еще раз подошел к карте, достав свою карманную развалюху, сфотографировал ее — и вышел в прохладную белизну дня.

Письмо без адресата

192

По улице шел, уткнувшись взглядом в землю. Мир был тот же, что и раньше, но что-то в нем неуловимо изменилось. Реальность была замедленной, словно плыла в тягучем сиропе, и казалось, что, если я подкину камушек, он просто зависнет в воздухе. Я прошел двор и, срезая, побрел через поле высокой травы и старые деревенские дома. Кто-то топил баню, пахло костром. Я прошел домики и зашагал вдоль большой мусорной кучи, которую почему-то никто уже несколько лет как не убирал. Это был самый короткий путь до станции. Мне не в новинку было куда-то вот так вот уматывать на электричке. Станция находилась совсем рядом с моим домом. Никакого названия у нее не было, тупо номер: 124 километр. Иногда, когда было совсем тоскливо, я садился на поезд и ехал на две-три станции вперед; выйдя где-нибудь в Лобне или Талдоме, просто гулял несколько часов в неизвестном мне городе, потом возвращался. От таких прогулок возникало ощущение свободы, чувство унылой замкнутости отступало. Контролеры обычно начинали ходить позже, поэтому мои поездки были абсолютно бесплатными. На половине дороги до станции у меня началась одышка, совсем как у той старушки; но возвращаться домой было бессмысленно.

Пока я ждал электричку, наблюдал, как один парень спрыгнул на пути и забрался на соседнюю платформу, а затем, увидев на противоположной стороне своего знакомого, снова оказался на путях. Тот, второй, протянул ему руку, но не удержал, оба упали на рельсы. В тот

же момент раздался свист приближавшейся электрички, парни побежали ей навстречу, едва успев свернуть у края платформы. Машинист подал протяжный сигнал, вагоны замедлились, проползая мимо ожидающих. Я оглянулся: те двое, смеясь, поднялись в тамбур и достали пиво. Я зашел в вагон и сел на пластиковую лавку, рядом уселась старушка с небольшой тележкой, полностью забитой какой-то зеленью. Электричку тряхнуло, и она тронулась. Пока ехал, обычно считал столбы. Это у меня с детства. Когда я совсем мелкий ездил с родителями на море, они всё просили меня считать столбы, чтобы я никуда не убежал пока они ходили в вагон-ресторан. Если на пути появлялось кладбище, счет обнулялся. Я терпеливо считал столбы и ждал, когда родители вернутся — захмелевшие, покрасневшие и веселые.

* * *

193

Я помню ту единственную нашу поездку на море. Поселились в небольшом приморском городке Симеизе. По дороге водитель курил дешевые сигареты и выпускал дым в открытое окно, дым летел в нас. Меня мутило. Помню, как по приезде нас встретил бледный парень в кремовой рубашке, сын владельца дома. Он стоял перед нашей маршруткой и махал рукой. «Давайте ваши сумки», — улыбаясь, говорил он. Родители арендовали квартиру на окраине города, недалеко от трассы. Из окна был виден небольшой кусочек моря, пустынная дорога, уходящая вдаль, и несколько заправок. Я смотрел вокруг, на душе было очень тоскливо. Все эти воспоминания нахлынули в один момент. Тогда я еще записывал свои ощущения и мысли в дневник — этот совет мне дала учительница литературы: тогда у меня была беда с выражением мыслей, вот она и сказала фиксировать всё, что со мной происходит. Было непросто: «Меня зовут Иван, я боюсь окружающего мира, людей и родителей, и мне совсем не стыдно за это» — вот моя первая запись.

Папа ушел купаться, а мама сидела на диване и перебирала журналы.

— Где мой фотоаппарат? — спрашиваю я. Незадолго бабушка отдала свой старый, электронный, с выдвигаемым объективом. Проблема была лишь в том, что зарядку он держал минут 20: приходилось его постоянно ставить в розетку.

— Не знаю, малыш, посмотри в красной сумке. Я порылся в куче тряпья и выудил из него небольшую кожаную сумочку. Из нее и достал фотик, и сфотографировал маму: она сидит ко мне спиной, уткнувшись в какой-то журнал.

— Вань, я же говорила тебе не снимать меня, а ну-ка подойди ко мне!

Я подхожу, мама отчего-то расстроена.

— Опять у тебя волосы отросли, надо тебя постричь, слышишь, а то будут путать с девочкой, — говорит она.

Мне стыдно за свою прическу.

— Ты должен найти здесь друзей, слышишь?

Пищит телефон. Она поднимает трубку и снова поворачивается ко мне спиной, я щелкаю ее еще раз. Перетащил вещи в свою комнату. Сорвал несколько лимонов с соседского дерева и записал пару строчек в дневник: «Окружающие — это не я. Я — это не окружающие».

— Завтра нужно съездить в магазин, говорят, тут цены дикие... Всё на туристах держится. — кричит мне мама и продолжает болтать по телефону.

Сквозь ветви дерева на другой стороне улицы проступал красивый дом. Я высунулся из окна и заметил, что молодой парень в дождевике курил за сараем. «Артем!» — послышалось из дома. Парень испуганно бросил сигарету, втоптав ее в сырую землю. Тяжело откашлялся и забежал в дом. Я снял его сутулый силуэт на фоне полей. Перепуганное лицо. Тени от деревьев.

194

Всю ночь дул ужасно холодный ветер. Я простыл: спал с открытым окном. Утром папа уже суетился на кухне, и ничего хорошего это не предвещало: готовил он так себе. Из ванной вышла мама. Я прошел ей навстречу и высморкался.

— Вань, ты опять простыл?

— Да, я забыл... забыл закрыть окно.

— Я же говорила тебе закрывать окно на ночь.

— Знаю, знаю — проворчал я и закрыл дверь.

В ванной в зеркале я рассматривал свое женоподобное тело. Когда мне было около шести, иногда мать надевала на меня платье, которых у нас было множество: это продолжалось недолго, я уже не то чтобы помню... Скорее как сон.

Ветер на улице дергал деревья. Я наблюдал за противоположным домом. Родители возились с пакетами. Я подошел поближе и сфотографировал дом. Вдруг показалась машина, свернула на нашу улицу и остановилась недалеко от меня. Из машины вылез тот парень, что курил у сарая, вместе с ним — пожилой мужчина в темной ветровке, с рабочими перчатками на руках. Парень увидел меня и подошел:

— Что ты снимаешь?

— Всё подряд — отвечаю я.

— Артем, — протягивает руку.

— Иван. Я живу в этом доме, — показываю пальцем, — мы с родителями приехали отдыхать.

Из машины вылезла девочка лет четырнадцати. Она обняла Артема сзади, поправила его короткие волосы.

— Моя сестра Аня.

— Привет.

— Привет.

— Снимаете у Архыза? — спрашивает Аня.

— Да, наверно. Не знаю.

— Артем! — позвала его мать.

— Ладно, нам пора, было приятно познакомиться.

— Пока.

— Пока, Иван.

Я кивнул, провожая соседей взглядом. Отец вышел на крыльцо со стаканом в руках.

— С кем это ты разговаривал?

— Наши новые соседи.

— Что говорят?

— Ничего.

— Что ты будешь сегодня делать?

— Не знаю. Еще не решил.

Я стоял, шмыгая носом. Отец, ухмыляясь, изучал мое лицо.

— Что-то нужно делать с твоим иммунитетом. Скоро снова бегать начнешь, нужны силы... Пошли, искупнешься.

Всю дорогу до автобусной остановки мы молчали. Впереди остановился грузовик с коровами, мы сели на маршрутку до пляжа. Мимо окон плыли заводы и фермы, узкие улицы и снова — заводы, санатории, кафешки, санатории, заводы. За долгие годы черты того дня подстерлись: осталась лишь эмоция. Чувство какого-то тепла, какой-то недосказанности. Отец купил несколько литров домашнего вина неспешно его попивал, был крайне весел. Рассказывал мне, как впервые увидел море и долго-долго не мог вылезти из него. На меня море особого впечатления не произвело. Просто очень много воды. Плавал я в основном на мелководье, рассматривая людей. Домой вернулись под вечер, купив фруктов; я занес пакеты домой и вышел на улицу. Пока ехали, проморосил мелкий дождь, и по земле волочилась легкая вата тумана. Я прикасался к нему ботинками и ничего не чувствовал. Иногда с моря налетал порывистый ветер.

— Иван! — окрикнул меня кто-то. На противоположной стороне дороги, за углом забора я увидел Артема. Он курил. Я кивнул в приветствии и пошел к нему. Артем играл зажигалкой, выбивая искры, и поднявшийся ветер трепал иногда возникающее пламя.

— Как дела?
— Ну так...

Я взглянул на окно, из которого фотографировал. Артем затыгивался и смотрел на небо. Его футболка колыхалась, как парус корабля. Я устал поправлять волосы. Какое-то время мы стояли молча.

— В Москву. — наконец произнес Артем.
— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами: «Но я бы хотел, чтобы он полетел в Москву. Там не такая скука». Мы снова замолчали.

— Я там был как-то. Правда, очень давно, ничего особо не помню...
— сказал я.

— Тебе нравится моя сестра? — вдруг спросил Артем.
— Чего?

— Она нравится тебе или нет?

Я так засмутился, что ничего не ответил.

— К ней в школе уже начинают клеиться, хотя она еще мелкая...

— Ага...

Артем посмотрел на меня пристально.

— Она сказала, что ты ей понравился.

Я молчал.

— Ладно, забей. Пошли вечером с нами, искупаемся?

— Ага...

— На, возьми. Вечером отдашь...

Артем протянул мне зажигалку, и я скорее машинально схватил её. Вечером я заперся в комнате и не отзывался. Увидев за окном Аню в одном купальнике, снова уселся на диван и долго смотрел на стену перед собой. Затем сделал фото, усевшись перед зеркалом на полу. Вспомнил, как смеялись над моим худощавым телом в школе. Взглянул на свои волосы: они отросли до плеч. Затем взял ножницы и состриг концы: вышло криво. Снял кофту. В коридоре второго этажа вспыхнул свет. Подходя к двери, я слышал, как ругаются родители.

Я вышел на улицу лишь с одной мыслью — убежать. Сердце жутко колотилось. «Наверняка они будут искать меня. Да и черт с ним». Я пошел к мосту. Холодный морской ветер обдувал лицо. Пытался согреть руки

зажигалкой. Ужасно болела голова: внутри что-то пульсировало. Появился ком в горле и тяжелая тошнота. Забравшись под мост, я лег на кусок картона и пролежал так больше часа, ни о чем не думая. Потом уснул. Проснулся рано утром. Было очень холодно, и я поплелся домой, ожидая взбучку. Но мое отсутствие никого не волновало.

* * *

Поезд стал замедляться примерно на 111-м столбе. Из громкоговорителя объявили станцию «Прислон». Открыв на телефоне фотографию карты со стены, я вышел на перрон. Теперь казалось, что моя карта — просто набор линий, что нет в них никакой логики. Я покрутил телефон и так, и эдак, перелистнул фотографию. На следующей стояли мы с Савиной. Передёрнуло: о ней я совсем забыл. Принялся разглядывать фотографию. Всё-таки Савина была очень красивой, почти как Аня из прошлого воспоминания. Надо будет непременно поговорить с ней о чем-нибудь. Хоть о моем сегодняшнем путешествии. И, может быть, извиниться. Лишь бы старшаки мне ничего не сделали... Но Крот казался нормальным типом, в отличие от Столба. Отогнав эти мысли, я убрал телефон и решил немного пройтись.

197

Шагал от перрона по лесной тропе, протоптанной парой ног. По противоположной стороне улицы параллельно мне шла женщина. Она несла в руках какие-то тревожные синие цветы. Понятия не имею, как они называются, но именно они появляются повсюду в начале сентября. Эти цветы очень отчетливо выделялись на ее сером дождевике. Оглянувшись на меня пару раз, она улыбнулась. Мы шли примерно с одной скоростью по скучной улочке поселка. Остановившись у калитки, за которой виднелся дряхлый деревянный дом, женщина неожиданно повернулась в мою сторону:

— А вы с поезда? Не знаете, то был последний на Москву?

Я, не ожидавший вопросов, остановился и уставился на нее. Расписание давно знал наизусть, поэтому с легкостью ответил:

— Последний через 40 минут. Еще через час в обратную сторону будет. Мой... А на Москву всё...

Женщина потупила взгляд.

— У меня отец должен был приехать. А его всё нет...

— Может, он на автобусе или еще как... Или, может, на последнем...

Вы давно ждете?

Мне хотелось как-то поддержать ее.

— Много лет уже жду...

Я удивленно посмотрел на женщину.

— Извините.

Женщина улыбнулась мне.

— Возьмите, пожалуйста, тут рядом целое поле. Я еще соберу.

И протянула мне цветы. Я перешел на ее сторону и с удивлением принял подарок.

— Всего вам хорошего.

Женщина еще раз грустно улыбнулась и скрылась за своей калиткой, а я остался стоять с цветами в руке. Она зашла в дом, но почему-то ни в одном окне так и не зажегся свет. Немного потоптавшись на месте, я пошел дальше.

Станция находилась довольно далеко от города, и всё вокруг больше напоминало деревню. Начался мелкий дождь, я свернул в следующий переулок, пустынный, как и предыдущий. От встречи с женщиной на душе остался странный неуловимый осадок. Не каждый день встречаешь городских сумасшедших.

За ближайшими воротами залаяла собака. Я оглянулся и понял, что понятия не имею, в какой стороне находится станция и правильно ли я следую линиям карты. И такие моменты полной неопределенности мне нравились больше всего. Именно в них реальность начинала разговаривать со мной. Я снова оглянулся. Позади оставалась пара кварталов, значит, до станции идти не больше десяти минут. Справа чернели развалины заброшенного дома, на заборе висел синий почтовый ящик. Странно: дом без окон, а почтовый ящик как будто только что покрасили. По высокой траве я подошел ближе и с удивлением обнаружил на ящичке рисунок: птица, а под ней — мелким почерком: «Но не всегда будет мрак там, где теперь он сгустился». И тут кадры из моего сна совпали с реальностью. Блуждая где-то по закоулкам своего подсознания, я точно так же однажды набрел на этот почтовый ящик. Руки сами собой потянулись к крышке, и я выгреб содержимое на ладонь.

Обратно я ехал в пустой электричке. В кармане промокнувшей ветровки лежал маленький белый конверт. Ни марок, ни адресов.

«Ты, наверное, очень волновался за меня? Не стоит. Здесь очень хорошая столовая, так что ем я от души и не всякую гнусную морковь и прочее, а эклеры с малиновым вареньем, их тут очень хорошо делают. Ночью мороз минус 50, но мне тепло. Солнце зависло над горизонтом, очень непривычно, всё белое и очень красивое. Жалко, что тебя нет рядом. Местные вчера спели песенку, и мне отчего-то очень захотелось ее тебе пересказать:

*Никогда, о старый волк,
не пускайся в лисьи игры,
размотайся как клубок;
и в огне
сгорай, как искры*

Они пели и водили хоровод, представляешь? А потом наступила ночь. Но у нас был костер, который всех греет. В те редкие моменты, когда здесь всё-таки наступает ночь, звезды так близко, что, кажется, можно вытащить их с неба и поставить себе в комнату, чтобы они там светили, или закинуть в чашку чая вместо сахара, а потом откинуться на мягкий, пушистый снег и думать о тебе. В следующий раз, когда будешь смотреть на звезды, обязательно вспомни меня, и я подмигну тебе или упаду в твою ладонь. Нужно только зажмурить глаз и из пальцев собрать полукруг, будто колодец. Да и вообще, если ты сунешь голову в любой встреченный колодец и громко назовешь мое имя, я непременно тебе отвечу».

199

От письма веяло теплом. Конечно, адресовано оно не мне, но и мне в то же время. Я положил конверт в нагрудный карман и побрел к платформе. По пути домой меня не покидало ощущение, что мир меня всё же заметил и теперь со мной разговаривает. Только расшифровать его причудливый язык я никак не мог.

* * *

Домой я пришел ближе к вечеру. Маме, конечно же, понравились цветы, но эта радость быстро растворилась, ведь вечером у меня снова началась одышка и мама заставила меня ходить по кругу и делать дыхательную гимнастику. Нужно было тренировать легкие. Я ходил по кругу, с силой выдыхая и вдыхая воздух, минут через десять от каждой вещи в доме стало исходить легкое свечение, а мои руки разожглись синеватым огнем. Так происходило почти всегда во время дыхательной гимнастики. И пока отец строго смотрел на меня и немым укором давал понять, что с завтрашнего дня мы снова начнем пробежки, я пытался усилить свое свечение и поглотить в него всё вокруг, в том числе и отца, и его слова, которые почему-то тоже обладали цветом. Они зависали передо мной фиолетовыми и бордовыми всполохами. По окончании гимнастики голову немного кружило, и я поплелся в комнату, заметив, что оторванный кусок обоев приклеен на место. Я обреченно провел пальцами по холодной стенке и слегка заметному шву и, включив компьютер, засел за игру.

Игра называлась «Побег»: мне нужно было отвлекать охрану и выбираться из тюремного замка. За каждым поворотом ожидала стена

или стража. Игра не шла, пальцы клацали мышкой, а мысли были где-то очень далеко. Через пару неудачных попыток, когда охрана в очередной раз включила тревогу и экран замерцал красным, я вышел из игры. В школьный чат заходить не хотелось. Интересно, писала ли мне Савина, или всё же обиделась? Я вспомнил ее бледное тело и грудь, отчего-то задрожал. Что же сказать ей, когда мы увидимся завтра? Наверное, надо будет извиниться, сказать, что плохо себя чувствовал. А потом что? Предложить прогуляться по кладбищу, например. А если откажется? Нет, надо будет точно с ней поговорить. Я всегда ощущал, что у нас с ней есть что-то общее. Я снова открыл ее фото на телефоне и стал рассматривать. Показалось, что на заднем фоне стоит белая собака. Я приблизил — просто размытый силуэт. Наверное, какой-то камень или что-то такое...

(продолжение следует)

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://natelit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

